

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

2(87)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Великая Отечественная война: Символика и риторика
The Great Patriotic War: Symbols and Rhetoric

К новой модели мирового развития?
Toward a New Model of World Development?

Россия как социальное государство
Russia as a Social State

Украинский кризис и отношения Россия – США
The Ukrainian Crisis and Russia – US Relations

Проблемы села и сельского хозяйства
Rural and Agricultural Problems

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2015

УДК 009

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

Р 75

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченев* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некителов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*

Редактор-консультант *И.Л. Бельский*

Старший редактор *Д.А. Семенова*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2015. – ISSN 1726–5223. – № 2 (87). – 250 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	70 YEARS OF THE GREAT VICTORY
<i>О. Ю. Малинова</i> <i>Великая Отечественная война</i> <i>как символический ресурс:</i> <i>Эволюция отображения</i> <i>в официальной риторике</i> <i>2000–2010 гг.</i>	<i>O. Yu. Malinova</i> <i>The Great Patriotic War</i> <i>as a Symbolic Resource:</i> <i>The Evolution</i> <i>of the Official Rhetoric</i> <i>2000–2010</i>
6	
<u>РОССИЯ И МИР</u> <u>В XXI ВЕКЕ</u>	<u>RUSSIA AND THE WORLD</u> <u>IN THE 21ST CENTURY</u>
<i>Р. С. Гринберг,</i> <i>А. В. Бузгалин</i> <i>Старая модель</i> <i>развития исчерпана.</i> <i>Куда движется мир?</i>	<i>R. S. Grinberg,</i> <i>A. V. Buzgalin</i> <i>The Old Development Model</i> <i>Has Exhausted Itself. Where Does</i> <i>the World Move?</i>
30	
<i>А. Ф. Храмов</i> <i>Россия в контексте теории</i> <i>и практики социального</i> <i>государства</i>	<i>A. F. Khramtsov</i> <i>Russia in the Context</i> <i>of the Theory and Practice</i> <i>of the Social State</i>
44	
<i>Л. Б. Вардомский,</i> <i>А. Г. Пылин</i> <i>География внешнеторговых</i> <i>связей государств общего</i> <i>соседства ЕС и России</i> <i>в 2000–2014 гг.</i>	<i>L. B. Vardomsky,</i> <i>A. G. Pylin</i> <i>Common Neighborhood States</i> <i>of the EU and Russia:</i> <i>The Geography of External</i> <i>Trade Ties, 2000–2014</i>
60	
<i>Н. И. Бубнова</i> <i>Российско-американские</i> <i>отношения в контексте</i> <i>украинского кризиса: Новые</i> <i>ипостаси холодной войны</i>	<i>N. I. Bubnova</i> <i>The Russian-American</i> <i>Relations in the Context</i> <i>of the Ukrainian Crisis: New</i> <i>Faces of the Cold War</i>
81	

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

И. Г. Михайлова
К вопросу о социокультурной
динамике российской
государственности 98

Е. Я. Виттенберг
Российская власть:
Проблема социальной
ответственности в историче-
ской ретроспективе 110

**ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА**

И. Н. Буздалов
Аграрная политика:
Научные основы и «особый
российский путь» ее
осуществления 129

В. В. Пациорковский
Новые технологии
в модернизации российских
домохозяйств 144

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

Ю. А. Гаврилов,
А. Г. Шевченко
Этнорелигиозная динамика
и структура населения РФ
в контактных зонах «русско-
восточного» взаимодействия 157

О. В. Бирюкова
Векторы развития
Таможенного союза 172

Т. В. Черноморова
Образ России, формируемый
британской прессой 184

**RUSSIA YESTERDAY, TODAY,
TOMORROW**

I. G. Mikaylova
On the Problem
of the Socio-Cultural Dynamics
of the Russian Statehood

Ye. Ya. Vittenberg
The Russian Rulers:
The Problem of Social
Responsibility
in a Historical Retrospective

**PROBLEMS OF RURAL LIFE
AND AGRICULTURE**

I. N. Buzdalov
Agrarian Politics:
Scientific Grounds and
the «Authentic Russian Path»
of Its Implementation

V. V. Patsiorkovsky
New Technologies
in the Russian Household
Modernization

**REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

Yu. A. Gavrilov,
A. G. Shevchenko
The Ethnic and Religious
Dynamics and Structure of the RF
Population in the Zones
of Russian-Eastern Interaction

O. V. Biryukova
The Vectors of the Customs
Union Development

T. V. Chernomorova
The Image of Russia Created
by the British Press

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

Л. П. Муромцева
Издательские и литературно-художественные центры российской эмиграции XX в. 199

FACTS, EVENTS, PEOPLE

L. P. Muromtseva
Publishing and Literary Art Centers of the Russian Emigration in the 20th Century

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Р. В. Романов,
Г. М. Иванова
Музей ГУЛАГа 214

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

R. V. Romanov,
G. M. Ivanova
The GULAG Museum

М. А. Коробейников
Вольное экономическое общество России: 250 лет служения Отечеству 221

M. A. Korobeynikov
The Free Economic Society: 250 Years on the Service to the Homeland

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Прогнозы развития мировой экономики 227

SURVEYS, DIGESTS

World Economic Growth Forecasts

Западные аналитики о финансово-экономическом положении России 231

Western Analysts on the Russian Financial and Economic Condition

Руттих Т.
Афганистан после 34 лет войны 236

Ruttig Th.
Afghanistan nach 34 Jahren Krieg

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

241

SUMMARIES

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

О.Ю. Малинова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС: ЭВОЛЮЦИЯ ОТОБРАЖЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ 2000–2010 гг.*

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН,
профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО (У) МИД России.

Современные макрополитические сообщества мыслятся по модели нации, которая предполагает многовековую преемственность поколений. Отчасти в силу этого, а отчасти по причине того, что в эпоху Модерна идея истории вообще выступает в качестве фундаментального принципа воображения социального порядка, апелляция к прошлому является неотъемлемым атрибутом политической риторики. Когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и пр., отсылки к «коллективной памяти» оказываются весомыми аргументами. Предполагается, что они подкрепляют нормативные и причинные утверждения «эмпирическим» опытом предков.

Используя этот ресурс, публичные политики участвуют в дискурсивном конструировании «памяти» о национальном прошлом. При этом они оперируют наличным репертуаром исторических событий и фигур, которые известны широкой аудитории и способны вызывать ожидаемую реакцию. Чтобы быть политически пригодными, символы прошлого должны быть закреплены не только в параграфах школьных учебников, но и в художественной литературе, кинематографе, документальных фильмах, музеях, памятниках, топографии публичного пространства, национальных праздниках и ритуалах, личном опыте индивидов, передаваемом через живое общение и др. Имеет значение и то, в какой мере доминирующие интерпретации исто-

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00202 а.

рических событий подвергаются оспариванию, и в частности – как они используются оппонентами.

С этой точки зрения «тысячелетняя история» России – богатый, но трудный ресурс для политических антрепренеров, занятых конструированием макрополитической идентичности. Прошлый век оставил им нелегкое наследие: многие события, память о которых настойчиво культивировалась в советский период, затем подверглись переоценке. В то же время многое из того, что служило опорой идентичности до революции, в СССР оказалось «репрессирувано» и предано забвению. Что не менее существенно – утратил былую несомненность метанарратив прогресса, обеспечивавший смысловую рамку для интерпретации истории XX в.

В этом контексте память о Великой Отечественной войне оказывается особенно ценным символическим ресурсом: будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, она транслируется через разные каналы социализации, благодаря чему отличается уникальной органичностью. Кроме того, она может быть вписана в широкий спектр культурно укорененных фреймов¹, начиная с вариаций на тему героизма и национальной славы («защитники свободы», «спасители цивилизации» и т.п.) и заканчивая дискурсом жертвы, чьи страдания требуют моральной компенсации. В силу этого символ войны содержит широкие возможности для конструирования положительного окрашенного образа Нас в разных контекстах. Наконец, хотя память о Великой Победе с течением времени неизбежно подвергается реинтерпретации, в России никто всерьез не ставит под сомнение значение данного события – в отличие, например, от Украины, где оценка событий Второй мировой войны является предметом острых споров [см.: Shevel, 2011; Журженко, 2013]. Неудивительно, что символ Великой Отечественной войны стал главной опорной конструкцией современной российской идентичности.

Вместе с тем наличие широкого общественного консенсуса относительно значимости Великой Победы не означает отсутствия конкуренции разных интерпретаций войны и предшествовавших, а также вытекавших из нее событий. Официальная версия памяти о войне также не оставалась неизменной². С начала 1990-х годов новая российская власть стремилась вписать это событие в конструируемый ею «критический» нарратив национального

1. Под «фреймами» здесь понимаются устойчивые когнитивные структуры, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации, задавая таким образом смысловые рамки для ее репрезентации и понимания.

2. Подробнее об эволюции практики политического использования символа Великой Отечественной войны см.: Малинова, 2015, гл. 3.

прошлог³, представляя войну как *подвиг народа, а не коммунистической партии и советского государства*. Переоценка «советского эксперимента» позволила акцентировать страдания народа, оказавшегося жертвой не только жестокого врага, но и бесчеловечного режима. Это придавало особое звучание теме героизма и патриотизма советского народа, одержавшего победу не столько благодаря, сколько вопреки «системе». В своих речах по случаю Дня Победы Ельцин неизменно интерпретировал это событие как «символ мужества, патриотизма, самоотверженности» людей, но не заслугу государства и «советского строя» – в отличие от В.В. Путина, который стал говорить о Великой Победе с точки зрения преемственности советской и российской государственности.

В настоящей статье на основе изучения риторики В.В. Путина и Д.А. Медведева мы попытаемся проследить, как менялись практики политического использования символа Великой Отечественной войны российской властью в 2000–2010-х годах.

Путинский курс на частичную «реабилитацию» советского наследия в рамках «тысячелетней истории» открывал более широкие возможности для использования символа победы по сравнению с ельцинской формулой «заслуги нашего народа, но не советского строя». Новый подход к репрезентации коллективного прошлого позволял выстраивать генеалогию современного Российского государства по принципу меню *à la carte*: в отсутствие детализированной смысловой схемы, связывающей отдельные эпизоды общим сюжетом, наиболее очевидным принципом риторического использования истории оказывалась апелляция к отдельным событиям. И здесь основательно укорененный в массовом сознании и несущий безусловно позитивные коннотации *символ* Великой Победы оказывался уникальным ресурсом. Неслучайно в 2000-х годах он стал широко использоваться в различных политических контекстах. Однако поскольку новый подход не предполагал «проработки трудного прошлого», с вписыванием войны как сложного и противоречивого комплекса событий в общий *нарратив* возникали сложности. С одной стороны, «критический» нарратив 1990-х не был официально дезавуирован, и в выступлениях В.В. Путина и Д.А. Медведева можно обнаружить немало негативных оценок советского прошлого. С другой стороны, активное

3. «Национальный нарратив» понимается здесь как смысловая схема исторического повествования, которая описывает и «объясняет» генеалогию сообщества, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями. Особенностью смысловой схемы отечественной истории, представленной в речах Б.Н. Ельцина и других представителей властвующей элиты 1990-х годов, было стремление противопоставить «новую», постсоветскую Россию, старой – советской и дореволюционной, опирающейся на критическую переоценку национального прошлого [см.: Малинова, 2015].

использование (положительно окрашенного) символа Великой Победы побуждало настроенно относиться к любым попыткам его критической интерпретации.

**Эволюция представления памяти
о Великой Отечественной войне в официальных речах
по случаю Дня Победы**

Анализ содержания официальных выступлений президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева по случаю Дня Победы, доступных на портале «Президент России», наглядно демонстрирует последовательную диверсификацию символической нагрузки данного события (см. далее табл. 1). Объектами изучения стали речи, произнесенные во время празднований Дня Победы⁴ в 2000–2014 гг.; в качестве основного был использован метод анализа фреймов, широко применяемый в исследованиях политических коммуникаций. Понятие фреймов было введено в научный оборот И. Гофманом [Гофман, 2004] для изучения влияния коллективно разделяемых когнитивных моделей на восприятие индивидами социальных ситуаций и их поведение. Исходя из данного подхода, следует предположить, что сообщения, содержащиеся в публичных выступлениях политиков, «сконструированы таким образом, чтобы вызывать вполне определенные ассоциации» [Simon, Xenos, 2000, p. 367]. Это означает, что спикеры сознательно стремятся подчеркнуть определенные аспекты, смыслы и интерпретации исторических событий, которые кажутся им значимыми в данном контексте. Репертуар фреймов отражает, с одной стороны, преемственность практики интерпретации символа Великой Победы, а с другой – его смысловое обновление. Я попыталась выделить основные фреймы, использовавшиеся для репрезентации памяти о войне. Целью анализа было зафиксировать факты использования тех или иных фреймов и таким образом проследить динамику смыслового репертуара; задача подсчета частоты высказываний не ставилась.

Как видно из таблицы 1, есть четыре темы, которые неизменно находят отражение в официальных речах по случаю Дня Победы: это дань памяти жертвам войны и пережитым страданиям (фрейм 1), благодарность ветеранам, нередко подкрепляемая заявлениями о мерах материальной поддержки (фрейм 2), рассуждения о преемственности поколений (фрейм 3) и констатация политических уроков войны (фрейм 15). Все эти фреймы с некоторыми

4. Установившийся в 2000-е годы канон празднования Дня Победы включал выступления главы государства на военном параде на Красной площади и на торжественном приеме в Кремле; в некоторые годы к этому добавлялись встречи с ветеранами и др. мероприятия. Предметом анализа были все речи, произнесенные в рамках празднования очередной годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

вариациями продолжают традиции выступлений советского руководства. Преемственность особенно очевидна в случае «уроков войны»: хотя соответствующий раздел речи первого лица каждый раз пишется применительно к контексту, его основной идеей является подтверждение значимости неких международных принципов, ратуя за которые Россия предстает в роли хранительницы исторического опыта, выстраданного в годы войны⁵.

Что действительно является новым в речах путинско-медведевского периода, так это настойчивое стремление использовать память о Великой Отечественной войне для конструирования идентичности сообщества, стоящего за новым Российским государством. Тенденция к «национализации» памяти о войне⁶ отчетливо прослеживается на примерах фреймов 4–8: удачные находки тиражируются, превращаясь в устойчивые риторические формулы. И Путин, и Медведев продолжили ельцинскую тему Дня Победы как праздника *национального единства*, спланивающего *россиян* независимо от поколенческих и идеологических различий (фрейм 4)⁷. Вместе с тем интерпретация символа Великой Отечественной войны в контексте «тысячелетней истории» открывала широкие возможности и для его использования в рамках двух других лейтмотивов национализма, выделенных Э. Смитом – *национальной идентичности* и *национальной автономии* [Смит, 2004, с. 343]. В речах Путина и Медведева война стала представляться как триумф национального характера. Так, 9 мая 2000 г. В.В. Путин говорил: *«Дорогие фронтовики, с вами мы привыкли побеждать. Эта привычка вошла нам в кровь, стала залогом не только военных побед. Еще не раз она выручит в мирной жизни, поможет нашему поколению выстроить сильную, процветающую*

5. Это могут быть рассуждения о важности поддержания мира, отхода от «идеологии конфронтации и экстремизма» или о необходимости «строгого соблюдения международных норм» и «уважения государственного суверенитета». Существенно в данном случае то, что «у нас есть великое моральное право – принципиально и настойчиво отстаивать свои позиции, потому что именно наша страна приняла на себя главный удар нацизма, встретила его героическим сопротивлением, прошла через тяжелейшие испытания, определила сам исход той войны, сокрушила врага и принесла освобождение народам всего мира» [Путин, 2012а].

6. По определению Т. Журженко, «национализация памяти связана с реинтерпретацией советского нарратива о Великой Отечественной войне, переоценкой ее основных событий, действующих лиц и основных итогов в процессе конструирования постсоветскими элитами новых национальных идентичностей и национальных «культур памяти»» [Журженко, 2013, с. 94].

7. Ср.: «...сегодня праздник Победы объединяет россиян независимо от убеждений и политических пристрастий» [Ельцин, 1999]; «Сегодня мы отмечаем самый народный праздник. И гордимся тем, что у нас есть такой день, день нашего национального единения» [Путин, 2004а]; праздник, «который уже навеки стал символом нашего национального единства» [Медведев, 2008а].

страну, высоко поднимет российское знамя демократии и свободы...» [Путин, 2000а]. В этом контексте призыв к «реабилитации» советского наследия звучал по-человечески органично: *«Тот, кто пытается отнять у ветеранов их весну и их молодость, полную жизненных планов и надежд. Для них это была эпоха послевоенного обретения себя... Это действительно была эпоха нашего возрождения»* [Путин, 2000б]. Освобожденная от бремени коммунистического наследия и представленная под сугубо «человеческим» углом, память о войне становилась ценнейшим материалом для конструирования национальной идентичности в новых геополитических границах⁸, но на основе «тысячелетней» преемственности.

С разными вариациями тема Победы как проявления российского национального характера (фрейм 5) и в дальнейшем звучала в официальных речах Путина и Медведева. *«До сих пор мы удивляем мир силами нашей Родины, удивляем своей стойкостью и мощью, – говорил второй президент РФ, связывая тему войны с идеей “сильного государства”. – Но, собственно говоря, в этом нет ничего удивительного... Этот дух, эта вера достались нам от вас, дорогие наши ветераны. Ваша судьба и ваши подвиги – ...пример для тех, кто поднимает наше новое сильное государство. Россия испокон веку была страной-победительницей. Страной мирной, но уважающей и себя, и свое национальное достоинство. Такой она останется и впредь»* [Путин, 2000б]⁹. 9 Мая представлялось как *«вершина нашей славы»* [Путин, 2004а], день, *«который объединяет сейчас всех граждан России»* [Путин, 2012а], а война – как событие, которое *«сделало нас сильной нацией»* [Медведев, 2010в].

Война стала рассматриваться как кульминационная точка нарратива о «тысячелетней истории» России (фрейм 6). В разные годы, стоя на трибуне мавзолея, Путин и Медведев рассуждали о том, что парад происходит *«на исторической Красной площади, ...исхоженной ратниками разных времен...»* [Путин, 2000б]; что *«люди, прошедшие войну, за короткое время подняли страну из руин, ...первыми прорвались в космос...»* [Медведев, 2011в];

8. «Человеческое» измерение Победы служило удобным мостиком и к теме «национальной автономии». См., например, ее развитие в речи Д.А. Медведева: *«Есть вещи, которыми нельзя поступать ни при каких обстоятельствах, – это свобода людей, достоинство страны и покой родного дома. Это дорого каждому и делает нас единой, сильной нацией»* [Медведев, 2011б].

9. Ср. аргументацию Д.А. Медведева в программной статье *«Россия, вперед!»*: *«Народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию и отсталость. Сделать нашу страну современной и благоустроенной»* [Медведев, 2009б].

что ветераны Великой Отечественной *«черпали силы в славных традициях русского воинства»* [Путин, 2012а] и др.

В речах третьего президентского срока В.В. Путина особое значение уделяется теме «всепобеждающей силы патриотизма» (фрейм 7), что, по-видимому, неудивительно, учитывая высокий статус этого «ключевого слова» в современном дискурсе властвующей элиты. Примечательно, однако, что в более ранних речах тема патриотизма участников Великой Отечественной войны специально не педалировалась. Она становится частью риторики праздничных мероприятий в 2010–2011 гг., но скорее в практическом ракурсе: в последние два года своего президентства Д.А. Медведев накануне Дня Победы проводил встречи с ветеранами, посвященные военно-патриотическому воспитанию. Иное звучание «патриотизм» приобретает в речах В.В. Путина: он настойчиво предлагает видеть в Дне Победы *«святой символ верности Родине, который живет в каждом из нас»* [Путин, 2013б]; *«праздник, когда торжествует всепобеждающая сила патриотизма, когда все мы особенно остро чувствуем, что значит быть верным Родине и как важно уметь отстаивать ее интересы»* [Путин, 2014в] и т.п.

Любопытно, что, конструируя новую идентичность по лекалам политкорректности, заданным советской национальной политикой, спичрайтеры президентов РФ время от времени использовали формулу «победы как общего достояния братских народов СССР» (которая теперь относилась к «внешнеполитическим» разделам выступлений – фрейм 9) и для того, чтобы подчеркнуть единство «многонационального» российского народа (фрейм 8). 9 Мая рассматривается теперь как *«общий праздник народов России и стран Содружества Независимых Государств»* [Путин, 2004а], вновь и вновь подчеркивается, что *«в те грозные годы плечом к плечу сражались с врагом люди самых разных национальностей»* [Медведев, 2008а], что *«война лишила жизни десятки миллионов людей, граждан многих возрастов, многих стран, национальностей, вероисповеданий»* [Медведев, 2010в]; судьба ветеранов рассматривается как *«пример для всех поколений нашей большой, многонациональной страны»* [Путин, 2012б], патриотизм представляется как фактор, который *«и сегодня сплачивает народы России»* [Путин, 2013в] и др. В 2014 г. в речах по случаю Дня Победы впервые параллельно с рассуждениями о *«сплоченности многонационального, многоконфессионального народа»* [Путин, 2014б] появилась также тема географии большой страны, причем не только в связи с присоединением Крыма¹⁰. В речи на торжественном приеме Путин, вспоминая о подвигах в тылу, перечислял регионы, ставшие «для

10. Выступая в Севастополе, Путин подчеркивал *«огромный нравственный вклад» ветеранов «в то, что Крым и Севастополь возвратились в родную страну»* [Путин, 2014г].

тысяч эвакуированных... родным домом» – Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, а также республики Средней Азии и Закавказье [Путин, 2014б].

Переформатирование коснулось также внешнеполитических проекций темы Великой Отечественной войны. День Победы традиционно использовался как повод напомнить о символических границах, объединяющих или разделяющих Нас и Других. В праздничных речах президентов РФ нередко присутствовала тема нерушимости «братства и сотрудничества» бывших советских республик, скрепленных общей памятью о войне (фрейм 9). При этом спичрайтеры виртуозно жонглировали идеей «единства памяти», применяя ее то ко всему Советскому Союзу, то лишь к Содружеству Независимых Государств, чтобы «застолбить» границы так, где это представлялось политически целесообразным. Например, в год празднования 60-летия Победы, омраченного международными скандалами в связи с отказом глав Прибалтийских государств участвовать в торжествах, Путин, рассуждая о тяжести потерь, понесенных «всеми народами и республиками *Советского Союза*», заключал: «И потому 9 Мая – священная дата для всех стран *Содружества Независимых Государств*». Таким образом, очерчивая круг тех, с кем у нас «*единая скорбь, единая память и единый долг перед грядущими поколениями*», он демонстративно исключал из него Прибалтийские государства [Путин, 2005б].

Нужно отметить, что традиция представлять память о Победе как общее достояние, сплавляющее страны СНГ, была заложена еще Ельциным. Например, в 1995 г. в День Победы он поздравлял «*фронтовиков, живущих во всех странах Содружества Независимых Государств и за их пределами*» [Ельцин, 1995а]. Однако различие между двумя юбилейными речами очевидно. Слова первого президента России обращены к *людям*, разделенным государственными границами, но объединенным общей памятью. Путинская же формулировка относится к *странам*, которые общая память побуждает укреплять символические границы, передавая потомкам «*дух нашего исторического родства*» [Путин, 2005б]. Прибалтийские государства, настаивающие на собственной интерпретации событий Второй мировой войны, кардинально не совпадающей с нарративом, преобладающим в России, оказывались в числе Других, которые демонстративно не подлежат упоминанию в торжественный момент праздника.

Стоит отметить, что та же формула умолчания использовалась применительно к другим посткоммунистическим странам. Обязательные для речей советского времени упоминания об успехах народной демократии как одном из благотворных последствий победы Красной армии над фашизмом по понятным причинам стали неактуальны. Однако и переработки данного аспекта официальной версии нарратива о войне не произошло. Поэтому тема памяти о войне применительно к Восточной Европе скрыта за общими упоминаниями

об «освобожденных народах Европы» и «подвигах антифашистского сопротивления»¹¹.

Зато также следуя давней традиции, в своих обращениях 9 Мая президенты России систематически вспоминали о союзниках по антигитлеровской коалиции, используя эту возможность не только для того, чтобы подтвердить приверженность традициям сотрудничества и обозначить новые проблемы, требующие совместного решения (фрейм 12)¹², но и для того, чтобы покритиковать западных партнеров (фрейм 13), апеллируя к политическим урокам войны (фрейм 15)¹³. Впрочем, эти фреймы едва ли могут рассматриваться как новшество: прямая или завуалированная критика союзников под флагом воспоминаний об успехах бывшего сотрудничества вставлялась в праздничные речи первых лиц еще с советских времен. Одна из причин, по которым победа над фашизмом так важна для советской и российской идентичности, заключается в том, что это событие имеет огромный символический потенциал для репрезентации Нас как равных и даже в некоторых отношениях морально превосходящих Значимого Другого, традиционно именуемого «Западом». Неудивительно, что руководители России и СССР не упускали случая воспользоваться этим преимуществом.

Выступления в День Победы не могли обойтись и без упоминаний о бывшем Враге (фрейм 10). Очевидно однако, что пассажи о «преступных злодеяниях» фашистов вставлялись в тексты речей российских президентов не для того, чтобы проецировать образ Врага из прошлого в настоящее, а с целью подчеркнуть масштаб предотвращенной катастрофы, тяжесть страданий и величие героизма «нашего народа». В некоторых случаях напоминания о событиях войны дополнялись рассуждениями о значимости «историче-

11. Примечательно, что в 1995 г., когда «войны памяти» еще не начались, Ельцин, перечисляя тех, чей вклад в победу «мы всегда будем помнить», наряду с «народами Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Китая» называл Польшу и Югославию [Ельцин, 1995а].

12. Например, в 2005 г. Путин говорил об опасностях экстремизма и расизма, «которые не менее безжалостны, чем нацизм» [Путин, 2005г]; в 2007 г. вспоминал о неких «новых угрозах», которые обусловлены «все тем же презрением к человеческой жизни, теми же претензиями на мировую исключительность и диктат», что и во времена «третьего рейха» [Путин, 2007] и т.п.

13. Этот фрейм особенно настойчиво использовал Д.А. Медведев, который вынужден был опираться на память о войне для легитимации своей позиции в конфликте с Грузией в августе 2008 г. Выступая на параде 9 Мая 2009 г. он особо подчеркивал, что урок войны «актуален и сегодня, когда вновь находятся те, кто идет на военные авантюры» [Медведев, 2009а]. В 2010 г., делая прозрачные намеки на США, президент РФ говорил: «Война показала, к какой страшной черте могут подвести претензии на мировое господство. Насколько опасны попытки силового давления на свободные народы, на суверенные государства» [Медведев, 2010б].

ского примирения между Россией и Германией» [Путин, 2005г] и позитивной оценкой «сбалансированной позиции» руководства ФРГ в вопросах политики памяти [Медведев, 2011б].

В этой связи обращает на себя внимание отсутствие упоминаний не только о Германии и партнерах по антигитлеровской коалиции, но и о братских народах СНГ в речах 2013–2014 гг.

Наконец, тема Победы открывала широкие возможности для артикуляции «общечеловеческих» принципов. Представляя современную Россию защитницей либеральных ценностей (фрейм 16), президенты РФ и их спичрайтеры стремились вписать российскую память о войне в европейский нарратив «освобождения», который связывал победу во Второй мировой войне «с идеей демократии, воплощением которой явилось восстановление демократического порядка в той части Европы, которая была очищена от «коричневой чумы» войсками западных союзников» [Торбаков, 2012, с. 106]. Ключевыми идеями здесь были справедливость¹⁴, свобода¹⁵, права человека и прочный мир. Однако «либеральной» реинтерпретации подвергалось советское прошлое. И здесь особенно очевиден контраст с подходами 1990-х. В 1995 г., когда Ельцин говорил о том, что завершение холодной войны позволяет в полной мере воспользоваться плодами победы 1945 г., превратив Европу в «единое сообщество демократических наций», общность ценностей связывалась с будущим, в которое «человечество войдет, навсегда отринув страшные понятия: “тоталитаризм”, “национальная ненависть”, “мировая война”» [Ельцин, 1995а]. Когда же Путин спустя десять лет рассуждал о том, что «победа 45-го высоко подняла ценность и самой жизни, призвала к истинному уважению к личности и правам человека», – он отождествлял с этими либеральными формулами советский опыт, «забывая» про те его аспекты, которые в них не вписывались [Путин, 2005 г.].

14. В праздничных речах часто присутствовала тема Победы как «справедливости». См. у Путина: «В этот день свершилась величайшая справедливость в мировой истории. Победа стала главной наградой за пережитое в годы войны...» [Путин, 2003а]; «9 мая 45-го года свершилась величайшая справедливость» [Путин, 2005 г.].

15. Например, в выступлении на торжественном приеме в 2005 г., имевшем место в разгар международного конфликта по поводу интерпретации 9 мая, Путин развил тему свободы словами: «В борьбе с нацизмом были отвоеваны права людей на свободу, на саму жизнь, на самостоятельный выбор пути развития...» [Путин, 2005 г.]. Последняя фраза, формально продолжая ряд либеральных ценностей, в действительности означала поддержку традиционной советской интерпретации событий 1944–1945 гг., против которой официально выступило руководство государств Прибалтики и Польши.

Таблица 1

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИМВОЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В.В. ПУТИНА И Д.А. МЕДВЕДЕВА
ПО СЛУЧАЮ ДНЯ ПОБЕДЫ, 2000–2014**

<i>Фреймы репрезентации символа Великой Отечественной войны</i>	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Память о павших; война как история страданий и жертв (1)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Благодарность ветеранам (2)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Преемственность поколений (3)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Праздник, который всех объединяет (4)	X	X	X	X	X	X		X	X		X	X	X		X
Война как выражение национального характера (5)	X	X	X	X	X	X	X		X	X	X	X	X	X	X
Война как часть нарратива национальной истории (6)	X		X						X		X	X	X	X	X
Война как демонстрация силы патриотизма (7)											X	X	X	X	X
Война как общее дело «многонационального народа РФ» (8)					X	X			X		X	X	X	X	X
Общее достояние народов СНГ (9)	X	X		X	X	X		X	X	X	X	X	X		
Память о враге (10)			X	X		X	X				X		X		
Сотрудничество с Германией в области «политики памяти» (11)						X						X			
Опыт солидарности с партнерами по антигитлеровской коалиции (12)			X	X	X	X		X	X	X	X	X	X		
Критика западных партнеров (13)										X	X		X		
Задача укрепления Вооруженных сил (14)	X	X	X						X	X		X			
Политические уроки войны (15)	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X		X
Война как напоминание о фундаментальных «общечеловеческих» / «европейских» ценностях (16)		X				X					X	X	X		

Подводя итоги анализа официальных праздничных выступлений можно констатировать, что в 2000-х годах имело место не только активное использование символа Великой Победы с политическими целями, но и существен-

ное расширение его репертуара за счет изобретения новых фреймов. Инновации были связаны с артикуляцией ключевых тем «дискурса о нации» – национальной идентичности, автономии и единства, а также с возможностью репрезентировать Россию как «равную» и «подобную» «Западу»¹⁶. И то, и другое стало возможным за счет изменения подхода к работе с советским прошлым: отказавшись от критического нарратива 1990-х годов, властвующая элита сделала выбор в пользу избирательного использования «удобных» фрагментов коллективного прошлого на основе весьма схематично очерченной идеи «тысячелетней истории» становления России в качестве «великой державы». В отсутствие детально проработанного нарратива память о Великой Отечественной войне оказалась наиболее «пригодным» для политического использования ресурсом, поскольку она была хорошо укоренена в массовом сознании, отличалась символической «поливалентностью» и не подвергалась серьезному оспариванию. Не случайно Н.Е. Копосов высказал предположение, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения»¹⁷, которую в силу резкого расхождения оценок не могут выполнять события, связанные с распадом СССР. На мой взгляд, правильнее было бы говорить о стремлении властвующей элиты придать символу Великой Победы значение «мифа происхождения» в отсутствие целостного нарратива коллективного прошлого, который, собственно, и должен определять смысл(ы) конкретных событий. Вместе с тем очевидно, что память о Великой Отечественной войне благодаря ее интенсивной «эксплуатации», с одной стороны, и укорененности в массовом сознании – с другой, выступает в качестве едва ли не главной узловой точки современной российской идентичности.

16. В 2000–2007 гг. в речах В.В. Путина достаточно последовательно воспроизводилась новая модель коллективной самоидентификации по отношению к Другому, традиционно именуемому «Западом», которая сочетала «западническое» представление об общности целей и ценностей России и «Запада» с «почвенническим» акцентом на самобытный способ их реализации, пытается представить Россию как актуально (а не только потенциально) подобную и равную Значимому Другому и даже способную служить ему образцом в осуществлении общих ценностей [Малинова, 2008].

17. «Миф происхождения» (*myth of origin*) – это фундаментальный миф об историческом моменте, когда «нация» кристаллизовалась в своей «современной» форме [Schopflin, 1997, p. 33–34; Coakley, 2007, p. 542–543]. По мнению Копосова, миф о войне в каком-то смысле изначально имел такие функции, ибо легитимировал новые советские формы социальной организации, прошедшие «проверку» войной. В современных условиях «миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима» [Копосов, 2011, с. 163–164].

«Фальсификации истории» и другие вызовы официальной версии памяти о Великой Победе

Данное обстоятельство побуждает властвующую элиту особенно ревниво относиться к попыткам ревизии развиваемого ею нарратива о Великой Отечественной войне. Между тем превращение символа Великой Победы в главную опору постсоветской российской идентичности совпало с трансформацией *режимов памяти*¹⁸ в Европе. Причины и характер этого процесса достаточно обстоятельно описаны в литературе [см.: Judt, 2004; Kattago, 2009; Mälksoo, 2009; Торбаков, 2012; Mink, Neumaier, 2014 и др.]. Считается, что вплоть до 1989 г. европейская «мнемоническая карта» определялась безусловным доминированием «нарративов победителей» – советского в Восточной Европе и западных союзников – в Западной. Несмотря на существенные различия, общим в них было то, что в качестве единственной виновницы войны рассматривалась нацистская Германия, фашизм объявлялся главным злом, а победа над ним представлялась как достижение широкой коалиции, к которой примыкали движения сопротивления в оккупированных странах. Эта интерпретация существенно упрощала реальные события 1939–1948 гг., поощряя «коллективную амнезию» относительно «неудобных» фактов – довоенной политики умиротворения агрессора, коллаборационизма, местного антисемитизма, выгод от войны, полученных некоторыми группами населения оккупированных стран, и геополитических приобретений в результате послевоенного урегулирования.

Впрочем, «нарративы победителей» не оставались неизменными. В 1970–1980 гг. главным элементом памяти о Второй мировой войне в Западной Европе стал холокост, в силу чего «освободительный нарратив» со временем был дополнен темой коллективной вины европейцев, допустивших это зло. А в СССР в тот же период происходила консолидация «брежневской» версии нарратива о Великой Победе, прославлявшей героический подвиг советского народа, принесшего мир и свободу Европе. Пересмотрев ельцинскую

18. Концепция «режима памяти» была разработана Эриком Лангенбахером в качестве аналитического инструмента для изучения коллективной памяти как динамического элемента политической культуры. По мысли американского исследователя, «не всякая потенциально разделяемая память имеет одинаковое влияние или одинаковую власть. Плюрализм потенциальных памятей ограничен, что ведет к формированию их иерархии» [Langenbacher, 2011, p. 33]. Последняя является одним из наиболее важных компонентов актуального режима памяти. К сожалению, автор не дает определения вводимого им понятия, ограничиваясь выделением его компонентов, к числу которых он относит (1) доминирующую социальную память, (2) стоящую за нею систему ценностей («уроки»), (3) поддерживающие первое и второе морально-этические дискурсы, а также большие исторические нарративы, описывающие (4) главное историческое событие, породившее память и (5) историю самой памяти [Ibid., p. 30].

концепцию «новой России» в пользу «тысячелетней истории великой державы» и отказавшись от «проработки трудного прошлого» ради формирования позитивного образа Нас, В.В. Путин и его единомышленники фактически сделали выбор в пользу «брежневской» смысловой схемы, акцентирующей роль советского народа-освободителя, но оставляющей в тени события 1939–1941 гг., а также роль Красной Армии в формировании послевоенной политической карты Восточной Европы. Хотя «реабилитация» советского опыта носила избирательный характер, именно миф о Великой Победе в силу его значимости в качестве опоры российской идентичности и основания для притязаний России на статус великой европейской державы, приобретал значение «последнего бастиона», который необходимо защищать любой ценой.

Изменения геополитической карты Европы после 1989 г. – падение коммунистических режимов, объединение Германии и последующее расширение ЕС – повлекли за собой «размораживание» альтернативных версий памяти о войне, которые в послевоенный период успешно подавлялись. В условиях трудного посткоммунистического транзита реинтерпретация трагической истории XX в. стала одним из главных инструментов легитимации новых политических режимов в Восточной Европе. Критика позднесоветского военного нарратива была наиболее очевидным способом решения этой проблемы, поскольку она позволяла переложить вину за издержки коммунистических режимов на Советского Другого. Кроме того, для новых независимых государств, унаследовавших территории, включенные в состав СССР в 1939 г., миф о «советской оккупации» был центральным элементом историй о возрождении утраченной национальной государственности. Таким образом, память о Великой Отечественной / Второй мировой войне оказалась наиболее важным ресурсом символической политики не только в России, но и в соседних странах; при этом объектами коллективного «вспоминания» или «забывания» оказывались разные аспекты общего прошлого. Каждая из сторон стремилась навязать свою версию мифа о войне, рассматривая ее как опору национальной идентичности и инструмент борьбы за статус на международной арене.

Следует заметить, что восточноевропейский «контрнарратив» оспаривал не только российский, но и западноевропейский режим памяти, ибо стремление поставить на одну доску преступления нацистского и сталинского режимов шло вразрез с представлением об уникальности злодеяний нацизма и единственности холокоста. Последний, по словам С. Каттаго, стал «особым элементом современной европейской истории», поскольку служит не только аргументом в пользу защиты прав человека, но и «своего рода негативным основанием обновления Европы после Второй мировой войны» [Kattago, 2009, p. 384–385]. «Конфликт нарративов» неслучайно вступил в открытую фазу именно в 2005 г., при подготовке к празднованию 60-летия – первой

юбилейной коммеморации, проходившей после расширения НАТО и ЕС. Эстонский политолог М. Мялксоо не без оснований усматривает в попытках Польши и прибалтийских стран добиться признания собственной версии нарратива о Второй мировой войне «идеологическую деколонизацию», т.е. стремление оспорить «намерения Западной Европы выступать в качестве модели для всей Европы». Такая линия поведения стала возможной лишь по завершении периода вступления в НАТО и ЕС, когда «определенные моменты их прошлого сознательно вытаскивались на поверхность в контексте, не допускавшем особой рефлексии» [Mälksoo, 2009, p. 656]. «Игры памяти» позволяют восточноевропейским политическим элитам «набирать очки» как на национальной, так и на европейской политической арене [Mink, 2008, p. 481].

Однако наиболее острая коллизия возникала именно с российским нарративом Великой Победы. Как точно заметил И. Торбаков, «новые исторические споры вокруг характера “освобождения” Восточной Европы Советским Союзом и “равной преступности Сталина и Гитлера” неизбежно подрывают статус России как “освободителя Европы” и подвергают эрозии тот символический капитал, на который она могла бы опереться в своих претензиях на “европейскость”» [Торбаков, 2012, с. 106].

Этим можно объяснить резкую реакцию российской власти и общества на международный скандал, вызванный попыткой политических элит стран Балтии и Польши воспользоваться организацией празднования 60-летия Победы в Москве, чтобы обратить внимание международного сообщества на неоднозначность итогов Второй мировой войны для их стран¹⁹. Как известно, в Европе День Победы во Второй мировой войне отмечается 8 мая; несопадение дат коммеморации, обусловленное формально соображениями географического времени, но главным образом – политическими причинами²⁰, и в советское, и в постсоветское время использовалось, чтобы привлечь к участию в торжествах в Москве лидеров зарубежных стран. Это позволяло подчеркнуть особую роль СССР / России в освобождении Европы от нацизма. Однако в 2005 г. подготовка торжеств оказалась омрачена дискуссиями,

19. История празднования 9 Мая 2005 г. обстоятельно описана в литературе [Onken, 2007; Torsti, 2008; Mälksoo, 2009; Миллер, 2012б]. Сравнительный анализ двух юбилеев Победы – 2005 и 2010 гг. см.: Kangaspuro, 2011.

20. Напомню, что акт о капитуляции Третьего рейха в Реймсе был подписан советским представителем при союзном командовании генерал-майором И.А. Суслопаровым 7 мая, когда еще шли бои за Берлин (акт вступил в силу 8 мая в 23:01 по среднеевропейскому времени). Будучи крайне недовольным этим обстоятельством, Сталин поручил Г.К. Жукову принять общую капитуляцию представителей видов Вооруженных сил нацистов в Берлине. По московскому времени берлинский акт капитуляции был подписан 9 мая в 0:43.

которыми приглашение на празднование в Москве было встречено в ряде соседних стран. В результате президенты Эстонии и Литвы демонстративно отказались от участия в праздновании 9 Мая, а лидеры Латвии и Польши, приняв приглашение В.В. Путина, использовали его для заявлений, ставивших под сомнение правомерность доминирующего нарратива об освобождении²¹. Под благовидным предлогом не приехал на празднование и только что пришедший к власти на волне «оранжевой революции» президент Украины В. Ющенко. Комментируя свое решение ехать в Москву, президент Латвии В. Вике-Фрайберга выразила уверенность, что *«все демократические нации должны побудить Россию осудить преступления советской эры, совершенные во имя коммунизма»* [Vike-Freiberga, 2005].

В свою очередь, В.В. Путин в интервью германским телеканалам АРД и ЦДФ категорически отверг эту идею. Он критически отозвался о политике прошлого, признав, что «союзники как бы разделили сферы влияния», а СССР строил свою политику в отношении ближайших соседей «по своему образу и подобию», т.е. не на «демократических принципах». Однако, рассуждая о настоящем, Путин упорно апеллировал к концепции «новой России», подчеркивая, что *«наша страна сделала свой выбор в начале 90-х годов и, собственно говоря, способствовала именно тому, чтобы страны Восточной Европы почувствовали себя свободными»*. Он доказывал, что Россия не должна нести ответственности за действия СССР: по словам президента, извиняться имело бы смысл, *«если бы эти люди были гражданами Российской Федерации хоть когда-нибудь»* [Путин, 2005б]. Получалось, что, провозглашая «новую Россию» наследницей «тысячелетнего государства» и пытаясь опереться на его славные страницы, властвующая элита отказывалась от ответственности за сомнительные действия прежних режимов. Впрочем, следует иметь в виду, что в контексте международной практики восстановления исторической справедливости, сложившейся в XX в., признание такого рода ответственности имеет не только символическую, но и материальную сторону.

Международный «конфликт памяти» лишь укрепил значимость символа Великой Победы в качестве маркера современной российской идентичности. По стечению обстоятельств именно в 2005 г. в рамках акции, инициированной РИА «Новости» и РООСПМ «Студенческая община», возник веществен-

21. Как писала в статье, опубликованной в «*Вашингтон Пост*» накануне празднований, президент Латвии В. Вике-Фрайберга, в мае 1945 г. свободу получила лишь часть Европы, поскольку «с полного согласия западных союзных держав, Латвия, Литва и Эстония были заново оккупированы и аннексированы Советским Союзом, а еще дюжина стран Центральной и Восточной Европы перенесли новое унизение и десятилетия тоталитарного правления, став сателлитами Советской империи» [Vike-Freiberga, 2005].

ный символ, призванный олицетворять «память поколений» – Георгиевская ленточка. Полосатые оранжево-черные ленточки, имитировавшие традиционный биколор Георгиевской ленты – геральдического элемента дореволюционных наград за солдатскую доблесть, участники акции бесплатно раздавали желающим. Идея оказалась успешной – акция получила продолжение, в том числе и при финансовой поддержке со стороны центральных и региональных властей; в последующие годы при содействии российских внешнеполитических ведомств она была распространена и на некоторые страны ближнего и дальнего зарубежья. Нельзя не признать, что данная инициатива получила весьма широкую поддержку. Как и любой символ, обозначающий принадлежность к определенному сообществу памяти, в разных контекстах георгиевская ленточка способна нести различные смыслы. По определению А. Миллера, «это и “некоммунистическая” реакция на “исторический ревизионизм”, бросающий вызов мифу Великой Отечественной войны, и способ продемонстрировать солидарность с Россией, и политическая идентификация в конкретном политическом ландшафте» [Миллер, 2012б, с. 167–168]. Успех этой сравнительно недавно изобретенной традиции свидетельствует не только об эффективности выбранной политической технологии – знаки, которые можно прикреплять к одежде и иным предметам во многих странах «широко применяются как удобный и необременительный способ демонстрации поддержки различным общественным и политическим кампаниям» [там же, с. 165], но и о действительной значимости памяти о Великой Отечественной войне для современной российской идентичности.

Между тем стремление ряда соседних стран подвергнуть ревизии «нарративы победителей», которое проявляется не только в изменении их собственных практик коммеморации (в частности, в попытках героизации деятелей «национального освобождения», запятнавших себя сотрудничеством с нацистами и преступлениями против местного населения, демонтаже памятников советским воинам-освободителям и т.п.), но и в символических демаршах на международной арене, стало системным вызовом для российской политики памяти. В январе 2006 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла резолюцию о «необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (Резолюция 1481), которая вызвала волну протестов со стороны российских политиков и СМИ. Обсуждение предшествовавшего ей доклада вылилось в бурные дискуссии, в результате которых была скорректирована первоначальная формулировка об осуждении «преступлений коммунизма». Усилиями российской стороны параллельно была инициирована работа над резолюциями, осуждающими деяния режима Франко в Испании и о недопущении возрождения нацизма (приняты, соответственно, в марте и апреле того же года). Таким образом, порицание ПАСЕ оказалось распространено на любые тоталитарные режимы.

Болезненная реакция российского истеблишмента на эти события свидетельствовала о его неготовности вмонтировать в нарратив о Великой Победе критическую оценку советского «тоталитаризма», приверженность которой официально сохранялась (хотя и не часто артикулировалась). Одно дело использовать туманные намеки на «красно-коричневую угрозу» в борьбе против внутренних политических противников и совсем другое – признать «равенство вины» нацизма и коммунизма. Нарратив о Великой Победе, выступавший в качестве важной опоры новой российской идентичности, столкнулся с серьезными внешними вызовами.

Данное обстоятельство в совокупности с рядом других факторов – «цветными революциями» на постсоветском пространстве, ростом напряженности в отношениях с США и НАТО, – побудило властвующую элиту перейти к более активным мерам, направленным на утверждение поддерживаемого ею способа интерпретации прошлого, которые исследователи называют «исторической политикой» [см., напр.: Миллер, 2012а, с. 341]. В 2006 г. была предпринята первая попытка «упорядочить» преподавание истории в школе с помощью разработки принципиально нового набора учебников²². Первым итогом этих усилий стали учебник «История России. 1945–2007» и методическое пособие для учителей по периоду 1900–1945 гг., в которых, в частности, декларировался отказ от концепции тоталитаризма в пользу более «нейтральной» теории модернизации. Тогда же заговорили о необходимости принятия «мемориальных» законов, устанавливающих наказание за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР [Копосов, 2011, с. 228–255]. А в мае 2009 г. указом Д.А. Медведева была учреждена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при президенте РФ, просуществовавшая до февраля 2012 г. Ее создание сопровождалось множеством спекуляций относительно ужесточения контроля государства над общественным дискурсом и исторической наукой, и можно сказать, что символический эффект оказался намного значительнее практических последствий (о деятельности комиссии см.: Нарышкин, 2011). Впрочем, как показал А. Миллер, «историческая политика» второй половины 2000-х годов имела спады и подъемы; в 2010 г. на фоне «перезагрузки» российско-американских отношений наметилась тенденция к «разрядке» напряженности в отношениях с некоторыми соседними странами [Миллер, 2012а, с. 342–350]. Свою лепту в этот процесс внесла трагедия с авиакатастрофой под Смоленском, в которой погибла польская официальная делегация, летевшая на мемориальное мероприятие в Катыни; открытая и искренняя реакция российской политике-

²² Этот эпизод достаточно обстоятельно описан в литературе, см.: Карпан, 2009; Миллер, 2012а и др.

ской элиты на это событие способствовала продвижению двустороннего диалога о «трудном» прошлом. На этом фоне празднование 65-летия Победы в 2010 г. прошло гораздо спокойнее, чем в 2005 г. [см.: Kangaspuro, 2011]. Тем не менее разнонаправленность векторов символической политики России и ее ближайших соседей по-видимому еще долгое время будет провоцирующим фактором для российской «исторической политики».

Не менее сложной проблемой оказывается сопряжение символа Великой Победы с нарративом о советском прошлом: если относительно значимости первого существует более или менее устойчивый консенсус, то по поводу содержания второго имеет место борьба диаметрально противоположных позиций. Отражением этой проблемы являются бесконечные споры о включении в официальный канон коммеморации Победы фигуры И.В. Сталина. В то время как для коммунистов и части националистов кажется «странным», что «на официальных празднествах в честь Дня Победы... не только нельзя увидеть портретов Верховного главнокомандующего, но и услышать в его адрес хоть одно теплое слово» [Зюганов, 2008; ср. Сталинград... 2013], люди либеральных и демократических убеждений считают морально неприемлемым «публично восхвалять или пропагандировать Сталина» [Преодоление сталинизма, 2013, с. 14]. Выразив в начале 2000-х годов готовность частично «реабилитировать» советское прошлое, власть оказалась перед необходимостью реагировать на периодически возникающие запросы о возвращении в коммеморативный канон имени Сталина.

Позиция Путина на этот счет с самого начала была уклончивой. С одной стороны, он неоднократно соглашался обсуждать эту «трудную» тему, выражая тем самым понимание позиции тех, кто ее поднимает. Так, в 2002 г. во время прямого теле- и радиоэфира он сам выбрал вопрос о переименовании Волгограда. Отметив, что он задан не по адресу – переименование населенных пунктов относится к компетенции региональных властей и федеральной законодательной власти, – Путин счел нужным сформулировать собственное мнение по данному вопросу. Подтверждая, что Сталинградская битва войдет в мировую историю *«как один из ярчайших эпизодов Второй мировой войны»*, он подчеркнул, что город был переименован «не нами». С другой стороны, доказывая, что обратное переименование нежелательно, ибо может породить *«какие-то подозрения в том, что мы возвращаемся к временам сталинизма»* [Путин, 2002а], президент демонстрировал, что разделяет озабоченность противников такого хода событий. В том же духе Путин высказывался по вопросу о переименовании Волгограда и в 2009 г., в качестве премьер-министра, и в 2014 г.

Более определенную позицию относительно «возвращения Сталина» в праздничный канон занял в 2010 г. Д.А. Медведев. Вероятно, реагируя на слухи о возможном использовании плакатов с изображением генералиссимуса

во время празднования в Москве 65-летия Победы, распространявшиеся СМИ, президент в предпраздничном интервью газете «Известия» счел нужным дать «государственную оценку» фигуре генералиссимуса. *«Сталин совершил массу преступлений против своего народа, – заявил Медведев. – И несмотря на то что он много работал, несмотря на то что под его руководством страна добивалась успехов, то, что было сделано в отношении собственного народа, не может быть прощено»* [Медведев, 2010а].

Очевидно, что тема Сталина не относится к той части советского исторического наследия, которое вполне удобно для включения в апологетический нарратив «тысячелетнего государства»: официально сохраняя приверженность демократическим ценностям, современная российская власть не может открыто героизировать политика, совершившего «массу преступлений в отношении собственного народа». Вместе с тем было бы неправильно говорить о полном согласии на этот счет в рядах властвующей элиты: предложения о «возвращении» имени Сталина в разные годы встречали публичную поддержку у мэра Москвы Ю. Лужкова, спикера Совета Федерации В. Матвиенко, вице-премьера Д. Рогозина и других федеральных политиков.

Изменения в курсе символической политики, наметившиеся с возвращением В.В. Путина в кресло президента в мае 2012 г. – в частности, крен в сторону «патриотизма» и антизападничества – способствовали усилению борьбы с «фальсификаторами» истории Великой Отечественной войны. В апреле 2014 г. после нескольких неудачных попыток в России все-таки был принят закон, дополняющий Уголовный кодекс РФ статьей, карающей за «реабилитацию нацизма» (его обстоятельный анализ см.: Копосов, 2014). Работа над ним активизировалась после скандала с телеканалом «Дождь», который в январе 2014 г. провел опрос мнений зрителей по вопросу: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жителей?» Опрос вызвал критическую реакцию в СМИ и социальных сетях; многие кабельные каналы отказались от сотрудничества с «Дождем», тем самым поставив этот телеканал на грань выживания. Вновь принятый закон вводит уголовную ответственность за «отрицание фактов», установленных Нюрнбергским трибуналом, и одобрение установленных им преступлений, а также за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», совершенных публично [ФЗ, 2014, N 128-ФЗ]. Трудно сказать, как сложится практика применения данного закона. Однако очевидно, что он задуман в качестве инструмента устрашения, ограничивающего распространение интерпретаций истории военного периода, альтернативных официально одобренным.

Память о Великой Отечественной войне оказалась наиболее «пригодным» для политического использования элементом коллективного прошлого. Все лидеры постсоветской России стремились опереться на символический

потенциал победы над нацистской Германией для легитимации собственной политики. Но делалось это по-разному. Б.Н. Ельцин пытался вписать память о войне в «критический» нарратив, противопоставляющий «новую» Россию «старой», советской; в этой логике победа над нацистской Германией представлялась как подвиг народа, совершенный скорее вопреки, чем благодаря коммунистическому режиму. Однако эта интерпретация не стала предметом общественного «согласия». В начале 2000-х годов «критический» нарратив был пересмотрен в пользу концепции, подчеркивающей преемственность «тысячелетнего» Российского государства; победа в Великой Отечественной войне и превращение СССР в мировую сверхдержаву стали центральными элементами новой смысловой схемы отечественного прошлого. При этом символ Победы был «отделен» от негативной памяти о сталинском режиме (массовых репрессиях, ошибках первого периода войны, непомерно высокой цене некоторых военных успехов и т.п.). Это делает возможной его «смысловую инфляцию», но одновременно затрудняет его вписывание в общий нарратив. Кроме того, в условиях радикальной трансформации европейских режимов памяти «апологетическая» версия Великой Победы сталкивается со множественными вызовами извне.

Литература

1. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 752 с.
2. Ельцин Б.Н. Фрагмент выступления президента России Б.Н. Ельцина 9 мая на приеме в Государственном Кремлевском дворце // Российская газета. – 1995а. – № 90. – 11 мая.
3. Ельцин Б.Н. Великий день Победы нашей. Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина на параде, посвященном 54-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Российская газета. – М., 1999. – 12 мая. – № 90.
4. Журженко Т. «Общая победа»? «Чужая война»? Национализация памяти о Второй мировой войне в украинско-российском приграничье // Пути России. Историзация социального опыта / Том XVIII. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 93–125.
5. Зюганов Г.А. Сталин и современность. – М.: Молодая гвардия, 2008. Режим доступа: <http://www.politpros.com/library/9/223/>
6. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
7. Копосов Н.Е. Память в законе // Русский журнал. – М., 2014. – 8 апреля. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>
8. Малинова О.Ю. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007 гг.): Попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: Становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 86–106.
9. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
10. Медведев Д.А. Выступление на Военном параде в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2008а. 9 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/30>

11. Медведев Д.А. Выступление на военном параде в честь 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2009а. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4015>
12. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Интернет-издание «Газета.Ру». 2009б. 10 сентября. Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
13. Медведев Д.А. «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали» // Известия. 2010а. 7 мая. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/pobeda/article3141617/>
14. Медведев Д.А. Выступление на приеме от имени Президента России по случаю 65-летия Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2010в. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/7688>
15. Медведев Д.А. Встреча с ветеранами Великой Отечественной войны и представителями военно-патриотических организаций // Портал «Президент России». 2011б. 8 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/11191>
16. Медведев Д.А. Выступление на военном параде, посвященном 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2011в. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/11196>
17. Миллер А.И. Историческая политика в России: Новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012а. – С. 328–367.
18. Миллер А.И. Политические символы и историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012б. – Вып. 1. – С. 164–174.
19. Нарышкин С.Е. Современный мир: История не остается безучастной. Интервью редакции журнала «Вестник МГИМО-Университета» // Сайт МГИМО-Университет. Опубликовано 25.11.2011. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/university/document/213204.phtml>
20. Преодоление сталинизма. – М.: РОПД «Яблоко», 2013. – 160 с.
21. Путин В.В. Выступление на параде, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2000а. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/05/09/0001_type82634type122346_28722.shtml
22. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2000б. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/05/09/0002_type122346_28725.shtml
23. Путин В.В. Выступление на приеме по случаю 58-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2003а. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2003/05/09/0002_type122346_44367.shtml
24. Путин В.В. Выступление на военном параде, посвященном 59-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2004а. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2004/05/09/1239_type82634type122346_64239.shtml
25. Путин В.В. Интервью германским телеканалам АРД и ЦДФ // Портал «Президент России». 2005б. 5 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/05/2243_type63374type63377type63379_87570.shtml
26. Путин В.В. Выступление на приеме, посвященном 60-й годовщине Великой Победы // Портал «Президент России». 2005г. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/05/09/1444_type63374type82634type122346_87849.shtml

-
27. Путин В.В. Выступление на военном параде в честь 62-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2007. 9 мая. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/05/09/1127_type63374type82634type122346_127658.shtml
28. Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 67-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2012а. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/15271>
29. Путин В.В. Выступление на тожественном приеме в честь 67-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2012б. 9 мая. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/15272>
30. Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2013б. 9 мая. Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/18089>
31. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме в честь 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2013в. 9 мая. Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/18092>
32. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме в честь 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2014б. 8 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20988>
33. Путин В.В. Выступление на военном параде в ознаменование 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Портал «Президент России». 2014в. 9 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20989>
34. Путин В.В. Выступление на открытии памятника героям Первой мировой войны // Портал «Президент России». 2014 г. 1 августа. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46385>
35. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
36. Сталинград – государственная идея России. Декларация Изборского клуба // Завтра. 2013. № 46 (1043). 14 ноября. Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/stalingrad-gosudarstvennaya-ideya-rossii-2/>
37. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 91–125.
38. Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. Федеральный выпуск № 6373. 7 мая. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html>
39. Coakley J. Mobilizing the past: Nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. – Philadelphia, 2007. – Vol. 10. – N 4. – P. 531–560.
40. Judt T. The past is another country: Myth and memory in post-war Europe // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past* / Ed. by J.-W. Müller. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 157–183.
41. Kaplan V. The Vicissitudes of Socialism in Russian History Textbooks // *History and Memory*. – Bloomington, IN, 2009. – Vol. 21. – N 2. – P. 83–109.
42. Kangaspuro M. The Victory day in history politics // *Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia* / Ed. by E. Kahla. – Jyvaskyla: Bookwell, 2011. – P. 292–304.

43. Kattago S. Agreeing to disagree on the legacies of recent history. Memory, pluralism and Europe after 1989 // *European Journal of Social Theory*. – 2009. – Vol. 12. – N 3. – P. 375–395.
44. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations* / Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. – Washington: George Town University Press, 2010. – P. 13–49.
45. Mälksoo M. The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe // *European j. of international relations*. – L., 2009. – Vol. 15, N 4. – P. 653–680.
46. Mink G. Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // *Czech Sociological Review*. – Prague, 2008. – Vol. 44, N 3. – P. 469–490.
47. Mink G., Neumayer L. Introduction // *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games* / Ed. by G. Mink, L. Neumayer. – Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan, 2013. – P. 1–20.
48. Onken E.-C. The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analyzing memory politics in Europe // *Europe-Asia Studies*. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 1. – P. 23–46.
49. Schopflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths // *Myths and nationhood* / Ed. by G. Hosking, G. Schopflin. – N.Y.: Routledge etc., 1997. – P. 19–35.
50. Shevel O. The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine // *Slavic Review. Urbana-Champaign (Ill.)*, 2011. – Vol. 70, N 1. – P. 137–164.
51. Simon A., Xenos M. Media Framing and Effective Public Deliberation // *Political Communication*. – L., etc., 2000. – Vol. 17, N 4. – P. 363–376.
52. Torsti P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier // *The Cold War and Politics of History* / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. – Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. – P. 19–35.
53. Vike-Freiberga V. Rights and Remembrance // *The Washington Post*. 2005. May 7. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/05/06/AR2005050601217.html> (assessed 4.04.2015).

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Р.С. Гринберг, А.В. Бузгалин

СТАРАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИСЧЕРПАНА. КУДА ДВИЖЕТСЯ МИР?*

Гринберг Руслан Семенович – член-корреспондент РАН,
директор Института экономики РАН.

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Последний год стал свидетельством существенных изменений в мировой социально-экономической и общественно-политической системе. Проходившая под знаком господства института и ценностей неолиберальной глобализации и «рыночного фундаментализма» эпоха 1990-х и 2000-х заканчивается. Мир стал беспрецедентно нестабилен и непредсказуем. Набор угроз и их интенсивность растут с поражающей воображение скоростью. 100-летие начала Первой мировой войны человечество встретило в страхе перед новой пандемией насилия и в условиях нарастания внутриевропейских, а не только так называемых «межцивилизационных» конфликтов.

На мировую арену вышли новые претенденты на лидерство. Становление Китая и других стран БРИКС в качестве самостоятельных субъектов с масштабами экономики, сравнимыми с традиционными глобальными игроками, превращение исламских политико-экономических и идеологических институтов в значимый фактор мирового бытия, первые шаги России на мировой арене, показавшие намерение страны проводить независимый курс в международных делах – всё это свидетельства изменяющегося мира. Мир так и не оправился до конца от глобального финансового и экономического кризиса. Новая повестка дня, альтернативная той, что завела всех нас в тупик

* Доклад, представленный на Московском экономическом форуме.

финансиализации и деиндустриализации, деградации «государства всеобщего благосостояния» и обострения проблем неравенства, так и не сформирована.

И все же выход из тупика, в который мы все забрели, есть.

1. Альтернативная повестка дня: Новый международный консенсус

Мы не претендуем на «истину в последней инстанции», но твердо знаем, что на Западе и Востоке ныне возникают новые проекты, имеющие глубокие историко-культурные, теоретические и практические основания. Активную роль здесь играют и российские проекты, которые формируются в диалоге с учеными Запада и Востока, с нашим прошлым и с историей мировых цивилизаций.

Это широкий взгляд на мир, и он традиционен для России, где привыкли мыслить глобально. Мыслить с учетом достижений наших партнеров по диалогу и не впадать в соблазн самодостаточности, хотя и в нашем Отечестве хватает мракобесов, проповедующих изоляционизм вместо суверенитета, превосходство русского мира вместо диалога культур, власть Государя, а не граждан.

Новая повестка дня исходит из понимания того, что нынешняя экономика – это далеко не идеальная модель социально регулируемого, демократически организованного рынка. Мы живем в мире глобального капитала, пронизанного глубокими противоречиями и обретающего новый тренд – формирования ряда протоимперий, причем не только в Центре, но и на периферии. Более того, «восстание периферий» все более становится реальностью. Претензии истеблишмента ряда стран НАТО на контроль над миром, казалось бы обретенный ими после распада мировой системы социализма, создают все более напряженную обстановку в мире, приводящую к непрерывной череде войн, причем не только в странах Азии и Африки, но и в Европе (совсем недавно – в Югославии, сейчас – на Украине).

Консерваторы видят альтернативу этой напряженности исключительно в укреплении национальных позиций, прежде всего – в военно-промышленной сфере. Споры нет: суверенитет надо защищать. Но если наша страна не хочет стать объектом ненависти не просто «элит» иных стран, а большинства народов мира, нам надо решительно отказаться от идей Александра III, заявлявшего в позапрошлом веке, что у России нет других друзей, кроме армии и флота. Это не правда. Мы все хорошо знаем, что у нашей страны были и остаются миллиарды друзей по всему миру. Эти друзья когда-то учились в наших университетах, и вместе с нами считали кумиром не очередную поп-звезду, а Гагарина. И сегодня они хотят равноправного и активного диалога с нашей страной, ее наукой, образованием, культурой. Причем

не только в Азии, но и в Европе. Дружба народов может снова стать лозунгом реальной геополитики. Подчеркнем – реальных проектов, а не прекраснотушных мечтаний.

Мы не утописты. И понимаем, что этот курс вряд ли будут приветствовать корпоративный капитал Запада и деятели близкого к нему правого крыла истеблишмента США и ЕС. Но он, несомненно, окажется приемлемым для стремящегося к диалогу договороспособного крыла гражданского общества и социалистического крыла политических сил. Им мы должны предложить новый, близкий по своим основным параметрам, хотя во многом и несовпадающий, новый курс.

Страны БРИКС и, в частности, Россия, могут стать инициаторами внесения в мировую повестку дня таких фундаментальных принципов как:

- критичное отношение к выработанным в своем (русском, европейском, исламском) мире институтам и ценностям;
- договороспособность; ориентация на диалог всех участников мирового процесса;
- отказ от «двойных стандартов» в экономике и политике;
- формирование альтернативы «Вашингтонскому консенсусу» на основе принципов обновленного демократического социально- и экологически-ориентированного мирового проекта (о его реперных точках – ниже).

И если российская власть сегодня не может или не хочет предлагать мировому сообществу новую повестку дня, то ответственность за нарастание конфронтации ложится и на нее.

2. По ту сторону противостояния консерваторов и либералов: Необходима новая повестка дня

Предлагаемая нами повестка дня – курс, который центристы, возможно, сочтут чрезмерно левым, а радикально-левые – излишне реформистским.

Но правые и центр должны понять: миру нужна новая – ориентированная на социальные, гуманитарные, экологические ценности – повестка дня. Напомним: середина XX в., показав тупики империализма и безбрежного либерализма, вызвала к жизни переход в странах «центра» к модели «государства всеобщего благосостояния», а в странах периферии преодоление политических форм колониализма. Послевоенные годы стали периодом существенных реформ. То, что сегодня принято считать нормой во многих странах Европы (перераспределение государством до 1/2 валового национального продукта в пользу интересов общества в целом, налогообложение наиболее богатых групп населения на уровне 50%, бесплатность подавляющей части образования и медицины и многое другое), в начале XX в. казалось радикальным левачеством. Так и ныне выход из тупика «рыночного фундаментализма»

требует существенных реформ, идущих в сторону бóльшей социализации экономики и расширения политических прав «рядовых» граждан.

Радикально левым также следует помнить заветы своих классиков: программа-минимум коммунистов совпадает со стратегией социал-демократов, а демократические социально-ориентированные реформы не мешают, но помогают идти вперед по дороге к «царству свободы».

Что же до демократических левых, то при всем многообразии наших позиций нам надо извлечь уроки из прошлого: попытка сидеть на двух стульях, ничего не меняя, ведет к стагнации социал-демократии, а застой, как показал опыт СССР, при всей его кажущейся стабильности, – это дорога в пропасть. Наш символ – велосипед, интегрирующий индивидуальную свободу передвижения социальным равенством – устойчив только в движении.

Мы прекрасно отдаем себе отчет, что в 1970-е годы социал-демократия оказалась перед лицом вызовов, на которые она не смогла дать достойный ответ; почти повсеместно она уступила пальму первенства неолиберальной политике. Тем важнее демократическим левым извлечь уроки из проблем прошлого и пойти по обновленному пути, не повторяя ошибок середины прошлого века и не переходя на позиции правого центра, сохраняя лишь видимость «левого дискурса». Более того, в погоне за идеалом индивидуализма при всё большем забвении ценностей коллективизма и солидарности, многие экс-левые Запада стали уступать пространство борьбы за социальную справедливость правым консерваторам.

В России эта ситуация обретает гротесковую окраску.

С одной стороны, в нашей стране наиболее последовательно ценности социальной справедливости и защиты прав беднейших и средних слоев населения чем дальше, тем больше выносятся на щит не просто консервативные, но в ряде случаев великодержавно ориентированные лидеры, общественные деятели и интеллектуалы, доходящие подчас до проповеди средневекового мракобесия.

С другой стороны, сторонники демократических прав и свобод, «забывая» о важности защиты не только гражданских, но и социально-экономических прав большинства граждан, толкают это большинство в объятия консерваторов, дискредитируя демократические, гуманистические ценности.

Власть предрежащие, пользуясь этим противостоянием, осуществляют своего рода «негативную конвергенцию» консерватизма и либерализма, беря все худшее и от тех, и от других. От либералов они берут не гуманистические ценности, а ориентацию на принципы «рыночного фундаментализма», скрывающие реальную гегемонию олигархов и бюрократии. От консерваторов они берут не ориентацию на социальную справедливость, а ограничение гражданских прав и свобод.

Мы можем и должны противопоставить этому не только позитивный синтез здоровых сторон программ консерваторов и либералов, но и принципиальное обновление демократической левой альтернативы середины прошлого века.

Авторы этого текста не предлагают однозначных готовых решений, но берут на себя ответственность сформулировать те принципы, которые «носятся в воздухе» и все чаще, так или иначе, выдвигаются прогрессивным интеллектуальным сообществом и в России, и в мире.

Адепты рыночного фундаментализма десятки лет твердят миру, что любая альтернатива частной собственности и свободному рынку – это шариковщина и ГУЛАГ.

Но факты говорят о другом. Мировой экономический кризис и наша неспособность после 25 лет рыночных реформ сколько-нибудь заметно превзойти уровень производства 1990 г. – уровень «неэффективной и находящейся в кризисе» экономики Советской России – показали, что альтернативы рыночному фундаментализму должны быть, и они действительно есть.

Повторим: установка на демонизацию государственной активности в хозяйственной жизни возникла неслучайно. Предлогом для этого стала стагфляция 1970-х, когда большие социальные расходы осуществлялись во многом за счет инфляционного финансирования и долгов.

Ответом стала неolibеральная эпоха, когда сверхбогатые наконец-то получили возможность платить меньше налогов и, что называется, «пожить для себя». Как говорила Маргарет Тэтчер: «Да здравствует право на неравенство». Этот процесс не случайно совпал с кризисом советской системы и общим ослаблением профсоюзов и левых партий. В результате это право стало восстанавливаться в традициях раннего капитализма брутального типа, почти изжитого во второй половине прошлого века. Под лозунгами «Назад к Смитту» и «Пороки каждого – благосостояние для всех» начался стремительный процесс демонтажа социального государства. Продолжавшийся вплоть до кризиса 2008–2009 гг. экономический рост на Западе делал этот процесс как бы незаметным. Когда доходы растут у всех, не так уж важно, что у некоторых они растут особенно быстро. Но положение резко меняется, когда реальные доходы большинства перестают расти или даже снижаются, а «избранные» продолжают обогащаться. Именно так выглядит наш мир сегодня. И именно поэтому в нем обостряются социальные конфликты.

Сегодня во весь рост встает вопрос: как уйти от брутальности рыночного фундаментализма, не возвращаясь к бюрократическому централизму и не повторяя ошибок социал-демократов середины XX в.?

Иными словами, не пришло ли время новых проектов?

Такие новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии уже приходилось принимать и потом

долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мы не мыслим мир без сделанных когда-то смелых шагов, за совершение которых пришлось заплатить немалую цену. Как уже отмечалось выше, сейчас снова настало время ставить задачи хотя бы столь же масштабных изменений, как восьмичасовой рабочий день по сравнению с 12-часовым рабочим днем 100 лет назад. Иначе мы никогда не найдем нового решения, и кризис левого проекта будет продолжаться.

Традиционная постановка вопроса социал-демократией известна: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство – поддерживать то меньшинство, которое не может зарабатывать, и чтобы при этом как можно меньше людей нуждалось в социальной поддержке. Однако рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию. Следовательно, он будет порождать бедность. Другого рынка не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели у богатых «отнимают» часть их дохода и отдают ее бедным. Иначе не получится. Поэтому мы предлагаем другую постановку вопроса.

Парадокс при этом состоит в том, что поиск новой модели почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже существующих черт, уже существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип: «создает богатство рынок, а социальность может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы», – остается неизменным. Может быть, надо поставить вопрос иначе: а не пора ли искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, уходя от старой дилеммы «больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости», формируя систему, в которой справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективно-сти, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие?

3. Альтернативная повестка дня: Десять шагов к синтезу свободы, справедливости и солидарности во имя развития

Проблема превращения социальной справедливости в стимул инновационного развития и выхода за рамки дилеммы «рынок создает, государство – перераспределяет» на самом деле не нова и уже имеет определенные и теоретические, и практические решения. Суммируя уже известные решения

и предлагая некоторое их развитие, сформулируем десять параметров / принципов, которые отличают эко-социо-гуманитарно ориентированное развитие.

Они не являются абсолютно новыми, содержат многое из практически реализуемых механизмов, однако в них мы постарались суммировать и те новые тенденции в теории и практике социальной ориентации развития, которые накопились к настоящему времени.

Первый принцип – количественный. Примерно половина или больше валового продукта страны должна создаваться и перераспределяться, исходя из социальных, а не рыночных критериев. Подчеркнем: не просто перераспределяться государством, а создаваться и перераспределяться любыми субъектами, но по нерыночным, социальным «правилам игры» и критериям.

Второй принцип. Главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства и тем самым снимая ставшие в последние десятилетия особо заметными провалы последнего.

Соответственно, доля расходов в бюджете на социальные нужды должна быть существенно выше, чем в либеральных системах, а доля расходов на содержание госаппарата и силовых структур существенно ниже. И это вопрос именно доли. Последнее особенно важно для России, потому что у нас не просто малы расходы на социальные нужды, у нас их доля намного ниже, чем в США, не говоря уже о Европе.

Здесь присутствует некоторая важная тенденция, если не закономерность: чем выше степень социализации государства, чем активнее его социально регулирующая деятельность, тем меньше число государственных чиновников (мы имеем в виду аппарат управления и насилия, вынося за скобки такие категории государственных служащих, как учителя, врачи, социальные работники и т.п.) и тем меньше расходы на их содержание (на душу населения, естественно), а также ниже уровень коррупции. Хорошо известна международная статистика, показывающая, что, например, количество чиновников на душу населения в России больше, чем в США, а в США больше, чем в Скандинавских странах, что по уровню коррупции США опережают эти страны (государства с этой экономической моделью имеют один из самых низких в мире рейтингов по коррупции), а Россия – США. И наоборот: мера социальности государства (о ней можно судить хотя бы по доле социальных расходов в госбюджете) в России ниже, чем в США, а в США ниже, чем в Скандинавии.

Эта тенденция не случайна: снижение меры социальной справедливости и стабильности существенно повышает число лиц, для которых характерно асоциальное, оппортунистическое поведение. Это касается и особо бедных (стремящихся к нелегитимному перераспределению богатства, вплоть до криминала), и особо богатых, чье сравнимое с государственным состояние

стимулирует их к использованию нелегитимных методов поведения (от коррупции до корпоративного насилия и лоббирования). Ну а далее все просто: и из практики, и из экономической теории хорошо известно, что рост оппортунистического поведения резко повышает транзакционные издержки по спецификации и защите прав собственности и контрактов, а это снижает эффективность бизнеса и повышает расходы государства на содержание правоохранительных и силовых структур. Причем эта связь действует и на национальном, и на международном уровнях. В упрощенном виде ее можно выразить так: не хотите тратить средства на социальное развитие и решение глобальных проблем – будете тратить деньги на полицию и армию, страдая при этом от криминала, коррупции и угроз международной безопасности.

Итак, существует некая закономерность: чем выше социализация развития, тем меньше бюрократизация и коррупция. Почему? Да потому, что, скажем, в Скандинавских странах значительную часть социально-регулирующих функций осуществляет не государство, а институты гражданского общества. Именно они производят перераспределение ВВП через государственный бюджет при помощи очень ограниченного круга специалистов.

Третий принцип – последовательная ориентация на поддержку активно работающих и повышающих свой уровень квалификации для того, чтобы еще успешнее работать, а также тех, кто уже или еще не может работать, при полном недопущении использования государственных ресурсов для обогащения частных лиц.

Особо важен в данном случае вопрос о наличии прогрессивного подоходного налога. Этот атрибут социальной ориентации и социального государства в политическом истеблишменте России (за исключением представителей левых партий) принято игнорировать. Между тем прогрессивный подоходный налог – это аксиома цивилизованного общежития современного социума.

К тому же прогрессивный подоходный налог на богатый «верхний слой» – это налог, который мало затронет интересы предпринимателя-творца, новатора. Он вызовет полное неприятие не того, кто творчески работает, а рантье и тех, кто ставит личное преуспевание выше интересов дела.

Еще одно возражение касается того, что высокий налог предприниматели не будут платить. На наш взгляд, здесь проблема не в величине налога, а в социальной атмосфере в стране. Хорошо известно, что, например, российские олигархи или просто крупные бизнесмены, которые не хотят платить полностью 13%-ный налог в России, с радостью уезжают в Европу, где берутся за право стать там гражданами и платить 40–50%-ные налоги.

Четвертый принцип – использование социальной поддержки для решения задач, которые не может решить рыночно-капиталистическая система, а именно – экономическое обеспечение каждому гарантированного доступа

к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, культурных услуг и минимального дохода. В условиях социально ориентированного развития дифференциация доходов не только ограничивается в своих масштабах, но и начинается с уровня выше прожиточного минимума и не может приводить к ущемлению базовых социальных и экономических прав личности.

Нам всегда говорят, что социальное государство – это большой слой пенсионеров, безработных и т.п., которых содержит государство за счет тех, кто трудится. В этом возражении есть толика истины. Но только толика. Новая модель социально ориентированного развития может изменить эту ситуацию.

Во-первых, потому, что источником этих выплат будет не столько заработная плата работников, сколько часть прибыли корпораций и сверхвысоких доходов богатых граждан.

Во-вторых, те, кто получает социальные выплаты, могут и должны добровольно (если они трудоспособны) работать на общество, проходя в случае необходимости повышение квалификации. Для этого, опять же, можно использовать временно незанятых работников.

Социально и идейно-нравственная мотивация со стороны государства и гражданского общества вполне может подвинуть значительную часть пенсионеров и неработающей молодежи к бесплатному выполнению многих важнейших функций по рекреации природы и общества, развитию культурных и образовательных процессов (например, перевод в электронную форму информации с книжных носителей, добровольная помощь в медицинских и образовательных учреждениях, библиотеках и музеях, парках и заповедниках, природоохранной деятельности, охране общественного порядка и т.д.). Инициирование и организацию этой массовой бесплатной деятельности молодежи и старшего поколения могут взять на себя государство и институты гражданского общества, что существенно уменьшит нагрузку на государственный бюджет, не снижая объема социальной деятельности.

Иными словами, мы предлагаем формулу: максимально возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества. Это позволит либо резко расширять объем оплачиваемых государством услуг (в условиях успешного развития, когда бюджет велик и растет), либо не допускать дефицита государственного бюджета при сохранении прежнего объема социальных услуг (в случаях кризисов и других потрясений).

О последнем, ныне весьма актуальном, случае хотелось бы сказать особо. Если у государства в условиях кризиса денег становится меньше, то необходимо (1) резко снижать несоциальные расходы; (2) в случаях, когда нет

денег на проведение в прежнем объеме работ в социальной сфере, можно и должно инициировать осуществление этой деятельности бесплатно, но не снижать объем социальных услуг и (3) в этих условиях можно и должно увеличивать нагрузку на личные доходы (не инвестиции!!!) богатейших слоев населения.

В-третьих, есть альтернатива проблеме паразитизма, возникающего при значительных пособиях по безработице. Такой альтернативой является модель программируемой переквалификации работников.

Существенно, что создание новых рабочих мест совершенно обязательно должно осуществляться при помощи частного бизнеса или создания для него особых льгот (например, снижения налогов на малый и средний бизнес, представления ему льготных кредитов и т.п.). В условиях наличия долгосрочных программ переквалификации и «социальных лифтов» государство может само, при помощи институтов гражданского общества, но без обращения к частному бизнесу, создавать в соответствии со своими средние и долгосрочными программами новые рабочие места в наиболее передовых сферах новой экономики. Оно может расширять деятельность существующих или создавать новые университеты и другие образовательные центры, инициировать деятельность кооперативов, некоммерческих исследовательских организаций и массы других структур, создающих наиболее современные формы общественного богатства (знания, информацию, социально- и экологически чистые пространства), обеспечивая занятость и принося доход гражданам и государству, но не порождая проблем, связанных с отчуждением труда от капитала и не производя паразитические доходы частных собственников.

Наконец, названный выше принцип предполагает, что общественно-государственные ресурсы не могут использоваться для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке. Речь в данном случае идет не о коррупции и других нелегитимных каналах, а о легитимном перераспределении. Социальное государство никогда не должно поддерживать собственника, проигравшего (разорившегося) в результате его рыночной активности. Оно может и должно решать исключительно проблемы работников и социальной безопасности (в случае коллапса социально значимых фирм), в том числе за счет накоплений бывших собственников, не сумевших вести эффективный бизнес и потому несущих за это экономическую ответственность. В частности, этот принцип накладывает вето на поддержку частных финансовых институтов, оказавшихся в долгах в результате финансового кризиса. Здесь социальное развитие предполагает жесткие меры: частные институты и лица, проигравшие в «казино-капитализме», не могут получать поддержку за счет налогоплательщиков. Эти лица должны разоряться и нести уголовную ответственность в случае неспособности погасить долги, а под-

держание занятости, производства, трудовых доходов физических лиц может и должно осуществляться при помощи государственных финансовых институтов. Если такие шаги не предусмотрены законодательно, социально-ответственные политические силы должны инициировать соответствующее изменение законодательства.

Пятый принцип – развернутая система социальных, экологических и гуманитарных нормативов. Он хорошо известен, но об этом следует еще раз напомнить, ибо в условиях неолиберального реванша многие из них подвергаются ревизии или фактически нарушаются, особенно в странах типа России.

Шестой принцип – обязательное развитие социально ответственного бизнеса и социального партнерства.

Что касается первого, то мы предлагаем расширительную трактовку этого института. Социальная ответственность бизнеса состоит не только в том, чтобы не сокращать искусственно рабочие места, соблюдать условия коллективного договора и неукоснительно платить налоги – все это не более чем соблюдение правил рынка. В расширительной трактовке социальная ответственность бизнеса состоит в принятии на себя некоторых, в принципе не свойственных капиталу, обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а также в самоограничении своих специфически капиталистических экономических интересов и, следовательно, доходов. В частности, речь может идти о (1) развитой системе социального партнерства, вплоть до участия работников в контроле и управлении; (2) прозрачности управленческой и экономической деятельности, вплоть до информации о всех видах доходов и благ, получаемых менеджментом, вплоть до членов Совета директоров; (3) ограничении уровня дифференциации доходов работников корпорации (от рабочего до президента) – не более 10–15 раз; (4) сознательно реализуемой долгосрочной стратегии направления прибыли сверх нормативной (скажем, средней по отрасли) на решение социальных, культурных, экологических и т.п. проблем региона, страны и (в случае ТНК) мира.

Седьмой принцип – приоритет национального и международного гражданского общества по отношению к профессиональным политическим структурам и капиталистическим корпорациям.

Один из важнейших аспектов этой проблемы – максимально возможное элиминирование влияния капитала и, в частности, денег на политику при неуклонном повышении политической роли социальных движений и неправительственных организаций и сокращении роли собственно государственных структур и профессиональных политиков. Здесь ключевой проблемой является последовательное сокращение влияния на политический процесс таких феноменов, как политическое и идеологическое манипулирование, шире – политическое производство. Не секрет, что в его основе лежат так называе-

мые политические технологии, суть которых состоит в производстве некоего особого товара (голосов, отданных за ту или иную партию, кандидата) из некоего сырья (электората) при помощи задействования значительных капиталов, корпоративных структур (массмедийных, но не только) и профессионалов-политтехнологов. Все это механизмы, подрывающие демократию, краеугольным камнем которой является процесс суверенного волеизъявления индивида как полноправного политического субъекта. Превращение его в пассивный объект манипулирования и вытеснение демократического соперничества конкуренцией политических корпоративно-капиталистических структур есть подрыв основ гражданских прав человека. Вот почему политическое обеспечение социально ориентированного развития предполагает как минимум последовательное вытеснение политического капиталистического производства и развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления. Приоритет последних может и должен стать обязательной политической предпосылкой социально ориентированного развития.

Восьмой принцип, о котором в последнее время особенно много говорят на Западе (но, к сожалению, не в России), – жесткие экологические стандарты.

Девятый принцип – общественно-государственная система образования, переквалификации, здравоохранения, сфер культуры и спорта, которая обеспечивает их общедоступность. Об образовании надо сказать отдельно. Во-первых, с социальной точки зрения образование – это не особый сегмент рынка, создающий товар особого рода, а общественный инвариант, общественное благо (наподобие воздуха или солнечной энергии), обеспечивающее воспроизводство социума. И как таковое оно должно обеспечивать формирование нравственно ответственной личности, без чего социум не может успешно развиваться. И в этом смысле общедоступное образование есть социально-нравственный императив. Во-вторых, образование – это еще и та сфера, которая в условиях экономики, основанной на знаниях, не расходует общественные средства, а создает главный ресурс постиндустриального развития – креативные качества работника. И в этом смысле государственное финансирование бесплатного массового качественного образования есть экономически эффективная долгосрочная социальная инвестиция.

И наконец, *десятый принцип* – приоритет подлинной культуры – культуры, обеспечивающей гармоничное развитие личности, культуры как сотворчества, а не сферы, выполняющей роль своеобразного духовного наркотика.

* * *

В заключение еще раз вернемся к дилемме опережающего, инновационного развития и социальной справедливости.

Выше была предложена новая формулировка старой дилеммы рыночной эффективности и социальной справедливости. Задача экономики сегодня – это не только максимизация прибыли. Последнее – одно из возможных и не всегда эффективных средств обеспечения современного типа развития. Эффективность в узком смысле слова, т.е. понимаемая как чисто рыночная эффективность, сегодня утрачивает ранее доминирующее значение. Если высокая прибыль достигается за счет грязного производства на основе ручного труда, то для страны такая эффективность вредна. Это вредный, хотя и эффективный с рыночной точки зрения путь развития.

Если же мы ставим вопрос о соотношении инновационного развития, обеспечивающего максимальное развитие человеческих качеств и социальной справедливости, понимаемой не как уравниловка, а как гарантия удовлетворения жизненных потребностей каждому при равных стартовых условиях и распределение благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от его деятельности, то мы получаем существенно иную картину.

Именно такая социальная справедливость есть самый эффективный путь формирования высококачественной, креативной рабочей силы, которая единственно способна обеспечивать прорывное технологическое развитие, создавать новые экономические, социальные и политические институты, преодолевающие провалы рынка и государства, формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности, а не только функционального профессионализма.

То, что это прогрессивно с социально-гуманитарной точки зрения, очевидно. Существенно, однако, и то, что и чисто рыночный эффект в этом случае максимально высок.

Дорогая, высококвалифицированная и, главное, креативная рабочая сила притягательна для инвестиций. В инновационной экономике капитал стремится туда, где есть креативный работник. Для того чтобы создавать и внедрять, скажем, нанотехнологии, нужен человек, который долго живет, рано выходит на пенсию, имеет 25-летнее образование, постоянно повышает квалификацию и социально стабилен. А для того, чтобы был создан массовый слой таких работников, необходимо общедоступное высшее образование. Иными словами, социально справедливое развитие даже с прагматической точки зрения выгодно инновационной экономике. Неслучайно Финляндия – страна с хорошо развитой социальной системой – находится на первом месте в мире по инновационному развитию.

Наконец, исключительно важно иметь в виду, что большое заблуждение – думать, что социально ориентированное развитие могут позволить себе только богатые страны. Доля расходов на социальные нужды в сравнении с долей расходов на содержание аппарата власти и насилия, мера социальной дифференциации, наличие или отсутствие программируемого развития – все это показатели, во многом инвариантные по отношению к уровню развития страны. Стратегия социально ориентированного развития для разных типов экономик и обществ будет иметь разные формы реализации. Но если руководство страны с относительно небогатым населением использует факт бедности для оправдания недофинансирования образования, науки, здравоохранения и культуры, то это просто означает, что оно уклоняется от ответственности за здоровое цивилизованное будущее собственного социума.

А. Ф. Храмцов

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Храмцов Александр Фёдорович – доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Социально-политическое и экономическое развитие стран и народов, возникающие проблемы и оценка перспектив традиционно находятся в центре идейно-теоретического противоборства, глубоких общественных реформ и революций. Ретроспективный взгляд убедительно показывает, что государства и общественные системы, опирающиеся на социальные модели, в рамках которых решение проблем социальной солидарности и сплоченности, а также достижения на этой основе личного и общественного благосостояния отнюдь не было приоритетным, оказывались неспособны обеспечить социально справедливое распределение ресурсов. А это в конечном счете способствовало их фиаско, о чем вполне определенно свидетельствует и отечественная история XX в.

Диаметрально противоположную картину дает 70-летний послевоенный опыт классических западноевропейских социальных государств, ставший одним из важнейших факторов формирования европейской социальной модели. Передовое в цивилизационном отношении государство нового типа, каковым является социальное государство, оказывает весьма глубокое влияние на множество взаимообусловленных элементов, структур и подсистем общества, функционирующих на различных уровнях, на все многообразие связей его составных элементов.

В поступательном развитии западноевропейских стран находит свое отражение плодотворная попытка практического решения животрепещущих на протяжении веков проблем – гармонизации отношений как внутри социума, так и между государством и обществом. Социальное государство складывалось в результате широкого исторического компромисса противоборствующих социальных и политических сил западноевропейских обществ, в основе

которого – взаимное признание права на существование и развитие в общих интересах различных общественных сил, в том числе и предпринимательства, и рабочего движения, их политических и экономических организаций.

Более конкретное содержание этого компромисса проявлялось и в том, что реформистское рабочее движение перестало рассматривать частную собственность как тот институт, против которого следует вести борьбу. Осознание диалектики единства и борьбы социальных антагонистов в западноевропейских странах привели к дальнейшему развитию ряда идей Дж. Кейнса. Когда стало ясно, что наилучшим способом достижения социального мира является превращение объектов эксплуатации в главных потребителей произведенных благ, концепция «государства благосостояния» получила надежный фундамент.

Данная концепция предполагала, что само государство благосостояния будет стоять на прочной конвергентной основе. Конвергенция, находившаяся более 100 лет в основе постепенного сближения социал-демократического и традиционного правоцентристского буржуазного реформизма, была краеугольным камнем становления и развития, теории и практики социального государства. Позитивный конвергентный процесс определил возможность создания сложной общественно-политической системы, не являвшейся ни классическим капитализмом, ни ортодоксальным социализмом, а всего-навсего социальным государством, впитавшим в себя немало положительного из идейного багажа обоих. При этом возникали условия для более глубокого общественного осознания того факта, что существующая широкая зона общих интересов контрагентов социального противоборства должна постоянно увеличиваться. Инструменты для этого – укрепление демократии и осуществление инициативной социальной политики, обеспечивающей создание государством рамочных условий для защиты жизненных интересов подавляющего большинства населения.

Эволюция государств благосостояния убедительно показала, что активная, учитывающая интересы всех слоев населения социальная политика все более определяет позитивное поступательное развитие политических отношений, темпы, характер и эффективность социально-экономических процессов. Это проявляется и в последние годы, когда, несмотря на всю сложность и противоречивость современного развития, социальное государство с достаточной степенью успешности обеспечивает относительную целостность и эффективность всей системы, являясь надежным стабилизатором общественного развития, в котором изначально нуждалась постсоветская Россия, и потребность в котором отнюдь не исчезает. В комплексе идей, которые в принципе могли бы объединить российское общество для решения вышеуказанной задачи, ключевое место могла бы занять концепция социального государства.

Однако данная констатация делает чрезвычайно важным прояснение некоторых промежуточных вопросов относительно готовности России к позитивному восприятию теории социального государства, а также к осуществлению вытекающих из нее требований в практической политике. Среди них: какие шансы на то, что этот феномен приживется на современной российской почве? Что этому мешает, а что может способствовать? Какие предпосылки должны быть созданы для необходимого реформатирования социальной деятельности российского государства?

Следует отметить, что изначально и российское общество, и новая, но в значительной мере все еще старая отечественная элита имели в своем большинстве весьма смутное представление о мировоззренческих основах, особенностях становления и функционирования социального государства. Это в немалой степени объясняется спецификой развития отечественных представлений о данном институте. Если говорить о советской науке, то конкретным аспектам социальной политики развитых стран в ней уделялось в целом заметное внимание. Однако проблематика социального государства была ею в значительной степени обойдена, и это не могло не накладывать существенного отпечатка на дискуссию о социальных перспективах страны в возникающих новых условиях. Несомненное же усиление социальной деятельности западноевропейских государств рассматривалось прежде всего как результат классовой борьбы наемного труда и притягательной силы примера стран реального социализма. И только в качестве редкого исключения в отдельных малотиражных изданиях [см., например: 11] оно интерпретировалось как итог осуществления стратегической линии развития западноевропейских обществ.

В условиях нарастающей остроты социальных проблем переходного российского общества высокий накал идейного противоборства по кардинальным вопросам реформирования социальной сферы был изначально предопределен. Рассмотрение под разными углами зрения передового опыта устоявшихся социальных государств Европы стало неизбежным. Вскоре был определен и центральный нервный узел полемики по этому поводу – проблема отношений внутри магического треугольника «социальное–экономическое–политическое».

К учету в полной мере опыта классических западноевропейских социальных государств были склонны те силы, которые стремились к реформам в интересах большинства населения, представляли социально-экономическую политику как общую систему взаимодействия ее разнородных элементов. По их мнению, это должно было гарантировать поступательное развитие всей системы, включая экономические и политические отношения.

Они учитывали то вновь возникшее обстоятельство, что в начале 90-х годов прошлого века сформировалась весьма заманчивая практическая

возможность использовать опыт западноевропейских социальных государств не напрямую, а опосредствованно. В это время в некоторых странах ЦВЕ уже осуществлялся удачный эксперимент продвижения к рыночной экономике при учете теории и практики социального государства, его достижений и существующих проблем. Однако этот своеобразный опыт был проигнорирован. Представители правореформаторских сил, чрезвычайно озабоченные скорейшим прохождением «точки невозврата» от коммунистического прошлого, считали аксиомой, что успех способен принести только быстрые преобразования на основе «шоковых» методов.

Не случайно, что в центре особого внимания оказалась польская модель «шоковой терапии». Для этого были некоторые основания. В Польше, как в России, пусть и в меньшей степени, существовали обстоятельства, каких не было, например, в Венгрии, в Чехии и Словакии. Экономическая ситуация в обеих странах определялась критическим товарно-денежным неравновесием. Требовались решительные действия, направленные на его преодоление. Однако в России стремившиеся к власти реформаторы правого толка, говоря о польском опыте, думали в первую очередь не об интересах дела, а о личных амбициях.

В итоге польская модель «шоковой терапии» в российском исполнении стала узнаваемой, главным образом, по наклеенной этикетке, но никак не по содержанию. Есть все основания утверждать, что между социально ориентированной рыночной экономической политикой, проводившейся в Западной Европе, и польской «шоковой терапией» было гораздо больше сходства, чем между «шоковыми терапиями» в российском и польском исполнении. Для доказательства этого сошлемся на одну маленькую, но существенную деталь. Польские руководители, готовя «шоковую терапию», четко заявили, что минимальная зарплата у них в любом случае не будет ниже 100 долл. США в месяц и выполнили свое обещание. В России же в первый месяц реформ, в январе 1992 г. даже не минимальная, а средняя зарплата составила 6,8 долл. США [3, с. 10].

Было и другое важнейшее обстоятельство, которое практически исключало возможность того, что взгляды сторонников социального государства смогут оказывать преобладающее влияние на формирование политического курса постсоветской России: они противоречили текущим интересам и потребностям выходящей на авансцену бюрократии. К началу 90-х годов, когда Россия встала перед фактом неизбежности реформ, в стране не было необходимого в переходный период ответственного государства, способного вырабатывать соответствующее переживаемому этапу нормы, а также надлежащих органов исполнительной власти, обеспечивающих следование им на практике.

Государственные органы все более заполнялись теми, кого мало волновала профессиональная деятельность в нем как таковая, но чрезвычайно привлекали карьерные возможности, понимание, основанное на опыте последнего времени, что исполнение распределительных и контрольных функций власти всегда может быть конвертировано в валюту. В итоге российская бюрократия становилась все менее профессиональной, все более многочисленной и безразличной к повседневным нуждам народа, но обладающей все большей властью.

Превращаясь в доминирующий слой общества, отечественное чиновничество стремилось к достижению двух основных целей: большего доступа к материальным благам в официальной и неофициальной форме и меньшей загруженности повседневной, требующей высокой квалификации, но не сулящей непосредственных материальных выгод деятельностью. При этом было весьма желательно, чтобы названные стремления и основанная на них политика вписывались в какой-либо признанный в мире бренд. Но ни консерватизм, ни социалистические течения в их реформистской и революционной форме не могли удовлетворить последнего пожелания российской бюрократии. До некоторой степени на это способен либерализм, но только в той части, в какой он призывает к сокращению государственных функций, но ни в коем случае не тогда, когда он требует удешевления государства, сокращения численности чиновничества и изживания коррупции. Все же за неимением лучшего выбора отечественная бюрократия предпочитала рядиться в либеральные одежды. Однако все это не имело ничего общего с основными направлениями классического либерализма. Это было российское ноу-хау – чиновничий либерализм, или *бюролиберализм*.

Естественно, что социальная проблематика, вопросы распределения и перераспределения находились под особым вниманием бюрократии, стремившейся закрепить за собой монополию на получение максимально большого куска общественного пирога. Однако усилия на этом направлении в некоторой степени ограничивались намерением хотя бы внешне соответствовать общепризнанной передовой социальной модели. Это заставляло значительную часть политических сил российского общества на вербальном уровне высказывать одобрение ее концепции, что в известной степени способствовало появлению в Конституции РФ 1993 г. 7-й статьи, в которой РФ провозглашалась социальным государством.

Во многих прежних и современных дискуссиях можно слышать тезис, что провозглашение России в Конституции РФ 1993 г. социальным государством было по меньшей мере преждевременным. В этой части действия принявшей Основной закон элиты заслуживают реабилитации. Сама по себе такая «поспешность» отнюдь не была чем-то беспрецедентным. Вспомним, например, что когда ФРГ в своей Конституции 1949 г. объявила себя

«социальным государством», она еще только выходила из послевоенной разрухи. Но в данном случае все свидетельствовало, что речь идет о желанной для народа и политической элиты страны цели.

Гораздо более веским основанием для критики является тот факт, что Конституция РФ 1993 г. принималась в принципиально иной по сравнению с западноевропейскими государствами общественной и социально-психологической ситуации. Следует помнить, что этот основополагающий документ обсуждался в ходе жесточайшего противостояния исполнительной и законодательной власти, приведшего к кровопролитному конфликту, окончившемуся в пользу первой из них. В этих условиях сторонники и противники включения в текст Основного закона статьи о социальном государстве приводили за и против такого решения множество аргументов, базировавшихся в основном на идеологических позициях, а также на соображениях понимаемой ими по-своему политической целесообразности.

Конституция РФ 1993 г. сама по себе была, с одной стороны, инструментом борьбы, а с другой – документом, закрепляющим победу бюрократии. Было бы странно, если бы она утверждала в жизни страны, как того требуют фундаментальные основы социального государства, компромиссные, конвергентные начала. В России мы имеем дело с негативной ипостасью конвергенции, ее антиподом, синтезирующим не лучшие черты социализма и капитализма, но порождающим конфронтационную модель развития общества. Она с неизбежностью возбуждает социальное недовольство, проявляющееся в разного рода конфликтах, среди которых особую остроту имеет напряженность по линии «бюрократия – общество».

Понятно поэтому, что провозглашение России социальным государством Конституцией РФ не могло находить адекватного отражения в практической политике. В ней в полной мере отражались основные особенности бюрократического подхода к проблематике социального государства. Каковы же эти особенности? Намереваясь обелить российскую социальную политику, представить осуществляемые с пугающей периодичностью «непопулярные» реформы в выгодном свете, отечественные реформаторы пытались подвергнуть ревизии саму концепцию социального государства. Они стремились придерживаться такого подхода к мировоззренческим основам этого феномена, который позволял бы выстраивать любые, самые экзотические схемы эволюции социального государства, не ориентируясь на конкретно-историческую действительность западноевропейских стран.

В частности, в этой части политического спектра весьма популярен стал «ресурсный» подход к социальной политике. При таком подходе ее проблемы могли обсуждаться только в категориях, выводящих ее за рамки общественного контроля и обеспечивающих полное всевластие бюрократии в данном вопросе: «Денег нет!» – «Деньги есть!» А это полностью противоречит

самой природе социальной политики, но позволяет любые обоснованные требования снизу объявлять несвоевременными, утверждая, что их невозможно выполнить по экономическим причинам. Причину распространенности данного подхода вскрыл британский экономист и публицист С. Бриттан: «Чем более избирательным становится социальное обеспечение, тем щедрее могут быть правительства по отношению к категории наиболее высокооплачиваемых людей» [1, с. 71].

В современной теории социальной политики в отличие от конкретной экономики и нерегулярной благотворительности количественные показатели (будь то тонны, кубометры, миллиарды единиц любой валюты) могут играть лишь второстепенную роль. Цивилизованная же социальная политика нашего времени устанавливает правильные пропорции, соотношения, проверяя их в коэффициентах, долях, других критериях, соотнося с общими принципами социального государства. Но именно такая позиция все больше изживается в ходе социальных реформ XXI в. Окончательно разрушена Единая тарифная сетка (ЕТС), из законодательной базы изымаются и без того не соблюдавшиеся различные документы, устанавливавшие в долях и процентах расходы, например, на науку, здравоохранение, образование, оборонные цели.

Распространяемое российскими реформаторами представление, будто активную социальную политику можно вести лишь при благоприятных условиях в преуспевающих странах, находит известный отклик в сознании многих россиян. Между тем конкретная история свидетельствует о другом. Нередко коренные повороты в области социальной политики, следствием которых становилась ее резкая активизация, ее перевод на значительно более высокую орбиту, совершались именно в чрезвычайных ситуациях. Можно вспомнить глубокие социальные реформы Ф.Д. Рузвельта, осуществленные в разгар Великой депрессии. Еще более впечатляющим был образ действий консерваторов в социальной сфере Великобритании в 1940–1941 гг., когда страна находилась под угрозой массированного вторжения гитлеровской Германии на ее территорию. Подняв социальную политику на недостижимый прежде уровень, они открыли современную историю социального государства. Расхожее представление, будто государство становится социально ответственным не в результате принятия обществом определенных политических решений, а вследствие достижения определенного уровня экономического развития, никоим образом не может быть вписано в реальный исторический контекст становления социальных государств.

* * *

Государство как никакой другой институт современного общества обладает широкими возможностями для поддержки определенных ценностей

и концепций и утверждения их в практической политике. Доминанта социально-политической линии новой российской власти в соответствии с интересами тех слоев, на которые она опиралась, проявлялась, в частности, в стремлении снять с обсуждения коренные проблемы функционирования социально ответственного государства. Среди них – вопросы о необходимости государственной политики регулирования доходов и собственности, заработной платы, границ, выход за которые делает чрезмерное социально-экономическое расслоение неприемлемым с разных точек зрения.

Усилия были направлены на то, чтобы расчистить каналы для интенсификации совершенно несвойственного в рамках цивилизованной социальной политики перераспределения средств «снизу вверх» под флагом борьбы с «государственным патернализмом» и «социальным иждивенчеством». Резкое усиление дифференциации доходов объявлялось чуть ли не неизбежной платой за переход к рынку, а также условием инвестиционного роста, структурной перестройки, требованием социального государства.

Однако применение даже относительно небольшого набора давно и широко применяемых в ведущих странах Европы критериев позволяет надежно отделить социальные государства от тех, которые без видимых оснований стремятся слить ими. Вряд ли даже самый ярый адепт существования особой российской модели социального государства найдет хотя бы два-три индикатора, по которым Россия соответствует его канонам. Вместе с тем отечественная социальная сфера изобилует самыми разнообразными диспропорциями и перекосами, избавление от которых должно было бы стать важнейшей целью современной социальной политики России. Вот только один, но чрезвычайно важный пример, который содержит эмпирические данные (см. табл. 1), позволяющие сделать веские выводы о мере социальности Российского государства.

В классических социальных государствах Западной Европы уже давно осознана простая истина, что неоправданная, противоречащая социальной справедливости жесткая социальная дифференциация всегда порождает опасные для социума неэффективные, конфликтогенные, общественные и экономические отношения и институты. Здесь дифференциация по доходам последовательно ограничивается благодаря активной деятельности государства в различных сферах, а не только в социальной области. Этот факт достаточно хорошо известен в нашей стране.

Намного меньше российская общественность осведомлена о том, что и бывшие страны СЭВ, и бывшие республики СССР независимо от того, являются ли они уже членами ЕС или нет, имеют намного лучшие показатели социально-экономического расслоения. По данному краеугольному критерию социальности государств РФ выглядит в Европе белой вороной, даже если ориентироваться только на данные официальной статистики.

Таблица 1

**СТЕПЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАССЛОЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ¹⁾ (в %)**

	Го- ды	Доля доходов (потребительских расходов), приходящаяся на каждую из 20%-ных групп населения					Кoeffи- циент Джини *	Кoeffициент фондов (в разгах)
		пер- вая	вто- рая	тре- тья	четвертая	пя- тая		
Россия²⁾	2011	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	41,7	16,2
	2012	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	42,0	16,4
Европа								
Албания ³⁾	2008	8,1	12,1	15,9	20,9	43,0	34,5	8,2
Беларусь ³⁾	2012	9,1	13,9	17,6	22,8	36,6	28,5	5,9
Болгария ³⁾	2007	8,5	13,7	17,9	23,1	36,7	28,2	6,7
Венгрия ³⁾	2007	8,4	12,9	16,9	22,0	39,9	31,2	7,2
Германия ³⁾	2000	8,5	13,7	17,8	23,1	36,9	28,3	6,9
Италия ³⁾	2000	6,5	12,0	16,8	22,8	42,0	36,0	11,6
Латвия ³⁾	2009	7,0	11,9	16,5	22,6	42,1	34,8	9,5
Литва ³⁾	2008	6,6	11,1	15,7	22,1	44,4	37,6	11,1
Нидерланды ²⁾	1999	7,6	13,2	17,2	23,3	38,7	30,9	9,2
Польша ³⁾	2011	7,9	12,3	16,6	22,3	40,9	32,7	7,8
Республика Молдова ³⁾	2012	9,3	13,5	17,2	22,4	37,6	27,4	5,9
Румыния ³⁾	2011	8,8	13,7	18,0	23,3	36,1	27,4	5,9
Словакия ³⁾	2009	10,1	14,1	17,5	22,0	36,2	26,0	5,1
Словения ³⁾	2004	8,2	12,8	17,0	22,6	39,4	31,2	7,3
Соединенное Королевство (Великобри- тания) ²⁾	1999	6,1	11,4	16,0	22,5	44,0	36,0	13,8
Украина ³⁾	2012	10,6	14,7	18,0	22,3	34,4	23,3	4,6
Финляндия ²⁾	2000	9,6	14,1	17,5	22,1	36,7	26,9	5,6
Чешская Республика ²⁾	1996	10,2	14,3	17,5	21,7	36,2	25,8	5,3
Швеция ²⁾	2000	9,1	14,0	17,6	22,7	36,6	25,0	6,2
Эстония ³⁾	2004	6,8	11,6	16,2	22,2	43,2	36,0	10,4

* Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов / заработной платы) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов / заработной платы от линии их равномерного распределения. При этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы / заработная плата.

** Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов / заработной платы) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями доходов / заработной платы 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами / заработной платой. Необходимо отличать от децильного коэффициента (коэффициента дифференциации доходов), характеризующего степень социального расслоения и определяемого как отношение уровней доходов, выше и ниже которых расположены по 10% наиболее и наименее обеспеченного населения соответственно.

¹⁾ По всем странам, кроме России, Республики Беларусь, Республики Молдова и Украины – оценки Всемирного банка основаны на национальных данных обследований домашних хозяйств.

²⁾ Распределение денежных доходов по 20%-ным группам населения, ранжированного в порядке возрастания среднедушевых денежных доходов. С 2012 г. – включая данные по Чеченской Республике.

³⁾ Распределение потребительских расходов по 20%-ным группам населения, ранжированного в порядке возрастания среднедушевых потребительских расходов.

⁴⁾ Распределение располагаемых ресурсов по 20%-ным группам населения, ранжированного в порядке возрастания среднедушевых располагаемых ресурсов.

⁵⁾ Распределение общих доходов по 20%-ным группам населения, ранжированного в порядке возрастания общих доходов.

Источник: Росстат [9, с. 288].

Больше того, есть веские основания предполагать, что данные таблицы 1, как бы ни удручающе они выглядели для россиян, все же приукрашивают истинную картину. Многие авторитетные российские исследователи полагают, что государственная статистика РФ понижает объективную оценку дифференциации доходов в 2–4 раза. Причем критика оценок статистических органов далеко не всегда исходит из оппозиционных кругов.

Так, неоднократно занимавший министерские должности в российских правительствах С.В. Калашников в одной из своих книг приводит таблицу, из которой следует, что в 1999 г. децильный коэффициент был равен 13,3 [5, с. 105]. Однако в другом месте этой же самой книги упомянутый автор утверждал, что в 1999 г. «соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения... достигло 28 раз» [5, с. 63]. Этот пример заставляет прислушиваться к мнению тех, кто считает, что официальная статистика в РФ нередко существует в двух ипостасях: «для служебного» и для общего пользования [10, с. 275–278].

Следует учитывать и тот факт, что даже идеально чистая официальная статистика не могла бы в полной мере отразить степень социального расслоения по доходам. Для этого нужно учитывать владение недвижимостью, ценными бумагами и другими активами, а также статус в процессе принятия управленческих решений. Есть и другие связанные со спецификой РФ важнейшие причины неизбежного занижения рассматриваемого показателя. Среди них – невозможность даже относительно точного определения размера доходов самых низших, но весьма многочисленных слоев (бомжи, беженцы и др.).

Важно отметить также, что данные таблицы 1 отражают усредненную ситуацию по стране. Тенденции же дальнейшего социального развития РФ в большей мере отражаются в тех регионах, которые идут в авангарде проводимого курса, среди которых особое место занимает Москва. Но именно здесь продолжается дальнейшее разрастание пропасти между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения. По данным агентства

«PartnerSearch», коэффициент фондов в Москве значительно больше общероссийского и продолжал расти [6].

Теоретически рассуждая, высокая степень социального расслоения общества может быть нивелирована инструментами социальной политики. Однако приведенное предположение не соответствует реалиям российской жизни, что выявляют другие важнейшие базисные индикаторы, с помощью которых определяется вектор социальной политики. Это позволяет прояснить направленность социально-политического развития, степень социальности государства.

Прогрессивная социальная политика смягчает дифференциацию доходов, содействует определенному выравниванию жизненных шансов представителям различных социальных страт, как это происходит в классических социальных государствах. При этом средства, выделяемые на социальные нужды, несмотря на универсализм государств благосостояния, пусть и не со слишком большим уклоном, текут в направлении «сверху – вниз». В России же, учитывая ее дифференциацию по доходам, финансы должны были бы перетекать «сверху – вниз» значительно более отвесно. Как это происходит на самом деле в одном важном аспекте социальной политики, показывают нижеприведенные эмпирические данные (табл. 2).

Таблица 2

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ,
ПОЛЬЗОВАВШИХСЯ ЛЬГОТАМИ ПО 10%-НЫМ ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ В 2004 г.
(по материалам выборочного обследования бюджетов
домашних хозяйств; в %)**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
I	7,1	5,6	6,5	7,1	5,8	3,2	7,8	7,7	2,1	5,0
II	9,1	7,2	8,8	9,7	4,6	3,6	9,2	8,7	8,2	8,7
III	10,0	7,9	10,0	10,6	11,2	4,5	10,5	10,5	13,9	10,9
IV	10,9	9,5	11,0	11,7	14,5	5,8	11,6	17,6	12,3	11,0
V	11,1	12,6	11,3	11,7	15,5	7,2	13,1	28,5	6,9	10,6
VI	10,7	10,8	11,1	11,2	6,9	11,0	11,2	12,0	7,3	11,8
VII	9,5	9,9	9,7	9,1	10,0	12,3	9,1	6,8	10,5	11,4
VIII	9,0	9,9	9,0	8,1	5,9	9,9	7,5	3,3	14,6	9,1
IX	10,0	12,7	10,0	8,9	11,8	17,8	8,0	2,6	15,8	7,3
X	12,6	13,9	12,6	11,9	13,8	24,7	12,0	2,3	8,4	14,2

Источник: Росстат¹ [8, с. 207].

1. Весьма примечательно, что указанный статистический сборник стал последним, в котором Росстат выпустил в открытый доступ данные по предоставлению льгот различным по уровню доходов децилям российского населения. После принятия Федерального закона Российской Федерации от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (О «модернизации льгот») эти данные стали выглядеть чрезмерно неудобными.

Примечания: Слева римскими цифрами обозначены 10%-ные группы населения по доходам. Под цифрой 1 – группа с минимальными доходами. Сверху под арабскими цифрами – 1) получатели хотя бы одного из перечисленных видов дотаций и льгот; 2) получатели дотаций и льгот на питание; 3) на оплату транспортных услуг; 4) на оплату жилья и коммунальных услуг; 5) на ремонт, строительство и покупку жилья; 6) на оплату отдыха; 7) на медицинское обслуживание; 8) на содержание детей в детских дошкольных учреждениях; 9) на обучение детей и взрослых; 10) на другие цели.

Официальные данные убедительно показывают, что самые бедные имеют относительное, но не абсолютное преимущество по дотациям и льготам перед самыми богатыми лишь на содержание детей в детских дошкольных учреждениях, да и то лишь потому, что богатые проявляют малый интерес к этому социальному благу. В целом же основной вектор социальной политики российского государства устойчиво ориентирован на перекачку средств «снизу – вверх».

Российское государство выступает своего рода камертоном в корпоративной социальной политике, в которой движение средств также идет в направлении, противоречащем сути социального государства: «снизу – вверх». Это подтверждают данные о располагаемых ресурсах и расходах на конечное потребление в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов по 10%-ным (децильным) группам населения (табл. 3).

Таблица 3

**СТОИМОСТЬ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ РАБОТОДАТЕЛЕМ
БЕСПЛАТНО ИЛИ ПО ЛЬГОТНЫМ ЦЕНАМ ПО ДЕЦИЛЬНЫМ ГРУППАМ
(в среднем на члена домохозяйства в месяц, руб.)**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2 квартал 2013 г.	1,6	3,6	3,4	4,8	5,9	11,3	12,8	31,7	52,4	68,5
2 квартал 2014 г.	2,0	3,1	3,9	5,9	8,4	14,0	25,9	22,7	41,5	63,5

Источник: Росстат [4, с. 16–17].

Примечание: Здесь в группировках по децилям первая и десятая группы означают: первая – с наименьшими располагаемыми ресурсами; десятая – с наибольшими располагаемыми ресурсами.

Еще одним важнейшим критерием оценки государства, позволяющим прояснить вопрос о его характере, является степень преобладания бюджетных расходов на исполнение социальных функций над затратами на бюрократические и силовые структуры.

Таблица 4

**СТРУКТУРА РАСХОДОВ (в %) ГОСУДАРСТВЕННОГО
(КОНСОЛИДИРОВАННОГО) БЮДЖЕТА ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ТИПУ***

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Россия	2011	22,9	13,4	9,9	0,1	4,0	9,4	2,2	9,6	28,5
Страны – члены Европейского союза										
Австрия	2011	13,1	4,3	10,5	1,0	1,2	15,3	1,9	11,0	41,6
Бельгия	2010	15,8	5,4	11,5	1,2	0,7	15,0	2,3	11,9	36,5
Болгария	2011	10,5	10,6	13,0	2,9	2,5	12,2	1,9	10,0	36,4
Венгрия	2010	18,8	6,3	11,7	1,2	0,7	10,4	3,5	11,3	35,9
Германия	2011	13,6	5,9	7,8	1,5	1,2	15,5	1,8	9,4	43,3
Дания	2011	13,7	4,4	6,1	0,7	0,6	14,5	2,8	13,5	43,8
Италия	2011	17,3	7,1	7,1	1,8	1,4	14,7	1,1	8,5	41,0
Кипр	2011	24,1	9,3	8,2	0,7	5,8	7,3	2,8	15,6	26,1
Латвия	2011	11,0	7,5	18,9	1,7	3,2	8,6	3,6	14,8	30,7
Литва	2011	11,5	7,4	10,2	2,0	0,7	17,5	2,5	15,2	32,8
Мальта	2010	14,4	5,3	11,9	5,8	0,4	13,0	2,2	13,6	33,4
Нидерланды	2011	11,2	6,9	10,9	3,3	1,2	17,0	3,5	11,6	34,5
Польша	2011	13,2	7,1	13,4	1,3	2,1	10,9	2,6	12,2	37,2
Португалия	2010	13,7	7,8	10,9	1,4	1,2	13,6	2,5	12,6	36,4
Румыния	2005	13,4	10,8	16,9	1,1	5,2	10,7	1,8	10,5	29,6
Словакия	2008	14,9	9,2	14,0	1,8	1,8	18,4	2,6	9,1	28,2
Соединенное Корольство (Великобритания)	2010	10,5	10,6	6,2	2,1	2,5	16,3	2,2	13,8	35,6
Финляндия	2010	13,1	5,6	8,8	0,5	0,9	14,2	2,2	11,8	43,0
Франция	2011	11,5	6,4	6,2	1,9	3,4	14,7	2,5	10,8	42,6
Хорватия**	2011	11,6	10,6	10,7	0,5	1,2	16,3	1,4	8,6	39,2
Чешская Республика**	2011	11,2	8,6	14,4	2,0	3,0	5,2	1,1	11,0	43,6
Швеция	2010	13,3	5,6	8,7	0,6	1,4	13,5	2,3	13,3	41,1

* *Источники данных:* Government Finance Statistics Yearbook, 2008, 2010, 2012. IMF, Washington, 2008, 2010, 2012.

** Федеральный бюджет.

Источник: Росстат [7, с. 199].

Столбцы: 1 – год; 2 – услуги органов государственного управления; 3 – оборона, общественный порядок и безопасность; 4 – экономические услуги; 5 – защита окружающей среды; 6 – жилищно-коммунальное хозяйство; 7 – здравоохранение; 8 – отдых, культура и религия; 9 – образование; 10 – социальная защита.

Проанализируем данные, содержащиеся в таблице 4, с точки зрения соотношения расходов на приоритетные государственные нужды, включая силовые структуры, и социальных расходов. Для этого вынесем за скобки 4 столбец. При этом сумма цифр, содержащихся во 2 и 3 столбцах, будет характеризовать расходы на полицейско-бюрократические услуги, а в 5–10 столбцах – социальные расходы. В этом случае искомое соотношение будет выглядеть следующим образом: Россия – 36,3:53,8; Австрия – 17,4:72,0; 56

Бельгия – 21,2:67,6; Болгария – 21,1:65,9; Венгрия – 25,1:63,0; Германия – 19,5:72,7; Дания – 18,1:75,9; Италия – 24,4:68,5; Кипр – 33,4:58,3; Латвия – 18,5:62,6; Литва – 18,9:70,7; Мальта – 19,7:68,4; Нидерланды – 18,1:71,1; Польша – 20,3:66,3; Португалия – 21,5:67,7; Румыния – 24,2:57,9; Словакия – 24,1:61,9; Великобритания – 21,1:72,5; Финляндия – 18,7:72,6; Франция – 17,9:75,9; Хорватия – 22,2:67,2; Чехия – 19,8:65,9; Швеция – 18,9:72,2.

Как мы видим, ни одна из названных стран – членов ЕС, за исключением находившегося в 2011 г. в тяжелом кризисе Кипра (отметим, однако, что в приведенной таблице отсутствуют сведения по таким проблемным в то время странам, как Греция, Ирландия, Испания), не имеет даже близко столь неблагоприятного соотношения по исследуемому параметру, как Россия. При этом для более точной оценки социальной ситуации в РФ не следует забывать о весьма специфическом использовании здесь социальных расходов, о чем шла речь выше.

Важным критерием социальности государства является динамика изменений минимальных социальных гарантий. Но и здесь ситуация в РФ крайне далека от благополучия в социальных государствах, о чем красноречиво свидетельствуют эмпирические данные, включенные в таблицу 5.

Приведенные в статье эмпирические данные убедительно показывают, что в социальном отношении Западная Европа и Россия находятся в совершенно разных и далеко не смежных весовых категориях. На важнейшую причину этого указывалось в исследовании Института социологии РАН «Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов», где справедливо отмечалось, что, «хорошо понимая специфику интересов российской бюрократии как особой социальной группы, сами государственные чиновники видят ее прежде всего **в сохранении и постоянном увеличении своего влияния и власти, защите собственных интересов**. Мы сталкиваемся с феноменом сформировавшегося классового сознания, в котором осознанные государственной бюрократией собственные интересы противопоставляются интересам общества» [2, с. 95; выделено автором доклада]. Именно это обстоятельство является главной причиной специфического формирования и функционирования российской социальной политики.

Между тем уже на протяжении веков по мере усложнения общественных процессов нового и новейшего времени растут и обостряются социальные риски, которым невозможно противостоять в одиночку, что повышает актуальность проблематики социального государства, необходимость его развития как во всем мире, так и в России. В наибольшей степени это относится к современным условиям. Опыт классических западноевропейских государств показывает, что реформистские силы, стремящиеся к становлению социального государства, получают массовую базу лишь в условиях конвергентного развития. Та модель формирования общества, которая реализуется

современным российским государством, в основном порождает беспринципное приспособленчество, абсентеизм и радикализм.

Таблица 5

**РАЗМЕРЫ ОСНОВНЫХ МИНИМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ,
УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
В СООТНОШЕНИИ С ВЕЛИЧИНОЙ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА*(на 1 января; в %)**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1	48,4	78,8	72,7	62,0	67,5	68,2
2	38,6	38,6	38,8	35,0	38,3	35,8
3	77,2	77,1	77,6	70,1	76,6	71,6
4	77,2	77,1	77,6	70,1	76,6	71,6
5	142,2	139,6	140,4	126,8	138,7	129,5
6	94,8	82,4	75,3	63,8	65,9	58,3
7	52,6	45,5	42,0	35,8	36,6	32,8
8	16,4	15,5	14,3	12,2	12,5	11,1
9**	18,9	20,0	18,5	15,7	16,1	14,4
10***	6,6	7,3	6,7	5,7	5,9	5,2

* В расчетах использована величина прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленная Правительством Российской Федерации за I квартал соответствующего года.

** В расчетах использованы данные, приведенные в соответствии с Федеральным законом от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изменениями и дополнениями).

*** В расчетах использованы данные, приведенные в соответствии с Законом Российской Федерации от 30 марта 1993 г. № 4693-1 «О минимальном размере оплаты труда» (с изменениями и дополнениями).

Источник: Росстат [9, с. 114].

Примечания: 1 – Минимальный размер оплаты труда. Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет: 2 – по уходу за первым ребенком; 3 – по уходу за вторым и последующими детьми. 4 – Ежемесячное пособие по уходу за ребенком в двойном размере до достижения ребенком возраста трех лет гражданам, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на чернобыльской АЭС. 5 – Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву. 6 – Ежемесячные выплаты на содержание ребенка в семье опекуна. 7 – Ежемесячные выплаты на вознаграждение, причитающиеся приемному родителю. 8 – Минимальный размер пособия по безработице. 9 – Минимальный размер стипендий студентов (учащихся), обучающихся по очной форме в федеральных государственных высших учебных заведениях, имеющих государственную аккредитацию. 10 – Минимальный размер стипендий учащихся в федеральных государственных образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию.

В этих условиях перспективы позитивного реформирования социальной сферы в России представляются крайне туманными. Во многом они опреде-

ляются заколдованным кругом, в котором находится наша страна. С одной стороны, продвижение вперед немыслимо без активного и позитивного государственного участия, как это происходит в Западной Европе. С другой стороны, в конкретных условиях России государство само выступает разрушителем социальной сферы. И только выход из названного заколдованного круга позволит создать необходимые предпосылки для формирования первичных условий для становления социального государства в нашей стране.

Литература

1. Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 402 с.
2. Бюрократия и власть в новой России: Позиции населения и оценка экспертов. Аналитический доклад. – М.: ИС РАН. Центр комплексных социальных исследований, 2005. – 98 с.
3. Гелб А., Грей Ч. Экономические преобразования в странах Центральной и Восточной Европы: Проблемы, тенденции, перспективы. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 112 с.
4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2014 г. во II квартале 2014 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Росстат, 2014. – 88 с.
5. Калашников С.В. Становление социального государства в России. – М.О.: ГОУ «ЦРПК», 2003. – 188 с.
6. Распределение доходов населения Москвы: Анализ за 2008–2010 гг., прогноз на 2011 г. – <http://www.partnersearch.ru/research/index.php?child=getresearch&id=10783&parent=getdemo> (дата посещения – 08.11.2014.)
7. Россия и страны – члены Европейского союза. 2013. Стат. сб. – М.: Росстат, 2013. – 274 с.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. сб. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – 526 с.
9. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013. Стат. сб. – М.: Росстат, 2013. – 328 с.
10. Храмцов А.Ф. Социальное государство: Россия и европейский опыт. – М.: ИСП РАН, 2005. – 420 с.
11. Эволюция теории и практики «государства благосостояния» в 80-е годы / Отв. ред. Сальковский О.В. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 192 с.

Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин

**ГЕОГРАФИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ГОСУДАРСТВ
ОБЩЕГО СОСЕДСТВА ЕС И РОССИИ В 2000–2014 гг.***

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН.

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН.

Страны общего соседства (ОС) – это группа постсоветских государств, расположенных между ЕС и Россией. Это не только Беларусь, Молдова и Украина, но и страны Южного Кавказа. Все они являются участниками проекта ЕС «Восточное партнерство». Общее соседство – геоэкономическая характеристика, обусловленная как особым экономическим и геополитическим интересом к этим странам со стороны ЕС и России, так возможностями и проблемами, которые создает это соседство.

Свои интересы Евросоюз осуществляет благодаря совокупной экономической и технологической мощи, привлекательности системы отношений между государством и обществом, отлаженным институтам «мягкой силы». Россия в своих отношениях с большинством постсоветских стран может полагаться на экономическое и социальное наследие длительного существования в одном государстве, торгово-экономические преференции, безвизовый режим, этнокультурную близость и большие национальные диаспоры.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках совместного научно-исследовательского проекта с Национальной академией наук Украины (НАН Украины) «Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта» № 13-22-02004.

Страны общего соседства образуют зону активной *регионализации*, под которой понимается формирование пространств более высокой степени внутреннего взаимодействия или связанности (комплементарности) в результате транснационализации экономик, социальной сферы и политических отношений. Этот процесс ведет к возникновению новых интеграционных объединений и изменению уже существующих.

Параллельно с развитием международных институтов, регулирующих регионализацию, протекают процессы интеграции, обусловленные деятельностью бизнеса и растущими социальными связями. Эта «спонтанная активность “снизу”, продиктованная законами рынка, а не инициативами правительства» [3, с. 7], опирается на национальное законодательство (правила ведения бизнеса) и международные соглашения (о визовом и таможенном режиме и т.п.).

Конкуренция интеграционных проектов в регионе ОС вылилась в острое столкновение интересов России и ЕС. Восточная политика ЕС совпала с геополитическими интересами США. Сначала грузино-российский конфликт 2008 г., а затем смена власти на Украине 2014 г. и последовавший внутриукраинский и международный кризис кардинально изменили политическую и экономическую ситуации не только в Европе, но и в мире в целом. Новая лимитрофная зона стала катализатором глобальных геополитических и экономических противоречий, зародившихся в результате распада СССР.

Задача статьи состоит в том, чтобы в сравнительном плане проанализировать динамику географической структуры внешнеторговых связей стран ОС за 2000–2014 гг., поскольку в ней отражаются цели и условия экономического развития, видение своего будущего и связанные с этим интеграционные приоритеты.

Внешняя торговля и экономическое развитие в странах общего соседства

Исследуемые страны сильно различаются по размерам экономики и численности населения. На старте своей независимости они находились примерно на одном уровне социально-экономического развития [7, с. 38–44].

Как следствие различных темпов экономического роста в 2000–2013 гг. произошли существенные изменения в соотношении экономик стран ОС. По ВВП на душу населения Азербайджан и Беларусь довольно сильно оторвались от Армении, Грузии, Молдовы и Украины (табл. 1). Отставание было связано с сильной деиндустриализацией последних, которую не смогло компенсировать ускоренное развитие сферы услуг. Одновременно происходило сжатие сельскохозяйственного производства, которое не выдерживало конкуренции с более дешевым импортным продовольствием.

Таблица 1

ВВП (ППС) НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ОБЩЕГО СОСЕДСТВА, ЕС И РОССИИ

Страны	2000		2008		2013		Индекс, Россия=100		
	долл.	ранг	долл.	ранг	долл.	ранг	2000	2008	2013
ЕС	23 534	1	33 040	1	34 763	1	224,9	152,9	143,1
Россия	10 462	2	21 615	2	24 298	2	100,0	100,0	100,0
Беларусь	5794	3	13 905	3	17 623	3	55,4	64,3	72,5
Азербайджан	3695	5	13 526	4	17 028	4	35,3	62,6	70,1
Украина	3819	4	8451	5	8651	5	36,5	39,1	35,6
Грузия	2581	6	5671	7	7156	6	24,7	26,2	29,5
Армения	2174	7	6529	6	7034	7	20,8	30,2	28,9
Молдова	1836	8	3720	8	4666	8	17,5	17,2	19,2

Источник: Составлено и рассчитано по данным IMF. World Economic Outlook Database, October, 2014.

Если по отношению к ЕС индексы ВВП всех стран ОС улучшились, особенно у Беларуси и Азербайджана, то в отношении друг друга весьма заметен провал Украины и Молдовы. В целом же экономический рост во всех странах ОС не сопровождался качественными структурными изменениями экономики, масштабным обновлением их производственной части и, как следствие, существенным изменением международной специализации их экономик. За 2000–2013 гг. рассматриваемые страны не смогли заметно расширить экспортную базу, которая по-прежнему основывается преимущественно на производствах, унаследованных от советского времени.

В Азербайджане высокие темпы роста экономики сочетались с быстрым ростом внешней торговли, что связано со стремительным ростом экспорта нефти в 2005–2008 гг. (табл. 2). За 2000–2013 гг. вывоз из страны в текущих ценах вырос почти в 14 раз. В Грузии, второй по динамике экспорта, рост составил 9 раз. У остальных стран он был в пределах 4–5 раз в следующей последовательности: Молдова, Беларусь, Армения, Украина. Следует отметить, что темпы роста ВВП больше коррелируют с динамикой экспорта, чем импорта.

По темпам роста импорта первое место среди рассматриваемых государств занимает Грузия с ростом более 11 раз, далее следуют Азербайджан – более 9 раз, Молдова – более 7 раз, Украина – 5,5 раза, Армения и Беларусь – 5 раз.

**ГЕОГРАФИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ГОСУДАРСТВ
ОБЩЕГО СОСЕДСТВА ЕС И РОССИИ В 2000–2014 гг.**

Таблица 2

**ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ СТРАН ОБЩЕГО СОСЕДСТВА
В 2000–2013 гг., млн долл.**

Страны	Показатели	2000	2008	2010	2012	2013	2013 к 2000, %
Украина	оборот	28 528,5	152 502,6	112 147,4	153 467,9	140 276,0	491,7
	экспорт	145 72,5	66 967,3	51 405,2	68 809,8	63 312,0	434,5
	импорт	13 956,0	85 535,3	60 742,2	84 658,1	76 964,0	551,5
Беларусь	оборот	15 972,6	71 952,1	60 167,9	92 464,3	80 225,8	502,3
	экспорт	7326,4	32 570,8	25 283,5	46 059,9	37 203,1	507,8
	импорт	8646,2	39 381,3	34 884,4	46 404,4	43 022,7	497,6
Азербайджан	оборот	2917,3	54 926,0	27 960,8	33 560,9	34 687,9	1189,0
	экспорт	1745,3	47 756,0	21 360,2	23 908,0	23 975,4	1373,7
	импорт	1172,1	7170,0	6600,6	9652,9	10 712,5	914,0
Грузия	оборот	1033,4	7796,9	6934,6	10 277,0	10 793,7	1044,5
	экспорт	323,9	1495,3	1677,5	2375,4	2908,5	898,0
	импорт	709,5	6301,5	5257,1	7901,6	7885,2	1111,4
Молдова	оборот	1247,9	6489,9	5396,8	7374,8	7920,7	634,7
	экспорт	471,5	1591,1	1541,5	2161,9	2428,3	515,0
	импорт	776,4	4898,8	3855,3	5212,9	5492,4	707,4
Армения	оборот	1185,2	5483,3	4790,1	5641,4	5956,8	502,6
	экспорт	300,5	1057,2	1041,1	1380,2	1480,0	492,5
	импорт	884,7	4426,1	3749,0	4261,2	4476,8	506,0

Источник: Составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб.

Наиболее высокие темпы прироста импорта у Грузии во многом были обусловлены либерализацией внешнеторговой политики. В июне 2000 г. Грузия одной из первых постсоветских стран вступила в ВТО. В 2007 г. начал действовать новый таможенный кодекс, в соответствии с которым были максимально открыты границы для перемещения товаров. Все квоты на экспорт и импорт были отменены, а средний применяемый импортный тариф по ставкам РНБ составил 1,5% – один из самых низких показателей в мире (для сравнения: в 2013 г. аналогичный показатель в Армении составлял 3,5%, Украине – 4,5, Молдове – 4,6, Азербайджане – 9,0, Беларуси – 9,2% [15]).

По итогам 2014 г., в большинстве стран ОС произошло сокращение внешнеторговых связей. Причем наиболее сильно – на Украине: вывоз из страны уменьшился на 13,5%, а ввоз – на 28,3%. Заметный рост внешней торговли произошел лишь в Грузии: экспорт сократился на 1,6%, а импорт вырос на 7,1%. В целом у большинства стран – импортеров углеводородов за 2000–2013 гг. импорт рос быстрее, чем экспорт.

Несмотря на либерализацию внешней торговли и узкий внутренний рынок страны ОС относительно объема своих экономик не так уж сильно включены в мировую торговлю. Наиболее высокое значение показателя внешнеторгового оборота к ВВП в текущих долларах (*коэффициент внешне-торговой открытости – КВТО*) в 2013 г. было у Беларуси – 111,9%. Второй по значению КВТО в списке исследуемых стран стоит Молдова – 99,8%. Далее следуют Украина (79,1%), Грузия (66,9), Армения (57,1) и Азербайджан (47,2%)¹.

Значение КВТО у всех стран за 2000–2013 гг. довольно сильно колебалось, отражая разную динамику ВВП и внешнеторговых связей, изменения пропорций внутренних и мировых цен, а также колебания курса национальных валют. У всех стран произошло резкое снижение этого показателя в 2009 г., потом увеличение в 2011–2012 гг., а затем – либо повторное снижение, либо стабилизация. У всех стран (за исключением Азербайджана) больший вклад в КВТО вносил импорт, динамика которого была выше, чем экспорта, а реакция на внешние шоки более сильной.

В результате опережающего роста импорта у большинства стран понизилась *степень покрытия импорта экспортом*. Самый высокий показатель покрытия среди стран – импортеров нефти и газа был у Беларуси – 86,5% в 2013 г. (против 84,7% в 2000 г.), далее следовали Украина – 82,3% (в 2000 г. ее экспорт с избытком покрывал импорт – 104,4%), Молдова – 44,2% (в 2000 г. – 60,7%), Грузия – 36,9% (в 2000 г. – 45,7%) и Армения – 33,1% (в 2000 г. – 34,0%). Азербайджанский экспорт в 2013 г. превышал импорт в 2,2 раза, хотя в 2000 г. такое превышение было значительно ниже – менее 1,5 раза. Снижение степени покрытия у Армении, Молдовы и Грузии определенно связано с их членством в ВТО. Членство в ВТО сказалось на динамике данного показателя и у Украины.

Внешние доходы стран ОС связаны с производством минерального топлива, сырья и материалов, с их доставкой конечным потребителям (международным транзитом), либо с развитием сопутствующих услуг (торгово-посреднических, банковских, аутсорсинговых и т.п.), а также с трудовыми миграциями.

По источникам и условиям экономического развития эти страны можно условно разделить на две группы: страны – экспортеры углеводородов (Азербайджан) и страны – импортеры энергоресурсов (табл. 3).

У Азербайджана мировой спрос и рост цен на углеводороды позволял пополнять валютные резервы и резервные фонды, финансировать из бюджета

¹ Так, например, в сопоставимых по численности населения странах в 2013 г. КВТО составлял: в Польше – 77,5%, Венгрии – 156,1, Литве – 145,0%. (Расчеты авторов по данным ИТС. Trade Map и Всемирного банка.)

социальные и экономические проекты. Но экономика страны подвержена «голландской болезни», что затрудняет диверсификацию, способствует социальному расслоению, повышает уязвимость государственных финансов от колебаний цен на энергоносители.

Таблица 3

**ЗАВИСИМОСТЬ ЭКОНОМИК СТРАН ОБЩЕГО СОСЕДСТВА
ОТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В 2013 г.**

Страны	Сальдо счета текущих операций, % ВВП	Экспорт товаров, % ВВП	Экспорт топливно-энергетических товаров, % общего экспорта	Экспорт машин, оборудования и транспортных средств, % общего экспорта	Экспорт транспортных услуг, % ВВП	Личные переводы в страну, % ВВП	Накопленные в стране ПИИ, % ВВП
Азербайджан	17,0	39,1	94,9	0,7	1,1	2,4	18,7
Молдова	-4,8	30,2	1,1	16,9	5,2	24,9	46,2
Грузия	-5,9	18,0	2,4	30,8	6,0	12,1	72,4
Армения	-8,0	14,1	6,0	3,6	1,6	21,0	52,2
Украина	-9,2	35,7	4,5	16,8	4,6	5,4	43,2
Беларусь	-10,1	52,4	33,0	18,9	5,3	1,6	23,3

Источник: Рассчитано и составлено по данным IMF. World Economic Outlook Database, October 2014; World Bank. World Development Indicators, October 2014; ITC. Trade Map; UNCTAD, FDI/TNC database.

Страны – импортеры энергоресурсов при больших различиях, в том числе и по факторам экономического роста, объединяет устойчивое отрицательное сальдо внешней торговли и хронические проблемы платежного баланса, у большинства из них высокая внешняя задолженность. Эти страны имеют значительно более слабую национальную финансовую базу развития. В связи с этим они вынуждены проводить более либеральную и открытую экономическую политику, а устойчивость их развития во многом определяется участием в интеграционных проектах с более крупными и экономически сильными государствами.

Эти страны в большей степени зависят от внешних рынков сбыта своей продукции, мировых рынков капитала, а также от мировых цен на углеводороды. Вместе с тем внутри данной группы стран наблюдаются существенные различия, касающиеся, прежде всего, уровня экономического развития и источников покрытия внешнеторгового дефицита.

Общим для всех стран было то, что экономический рост и структурные изменения в основном формировались под влиянием мирового спроса и предложения, которые не стимулировали диверсификацию производства на

основе новых высокотехнологичных производств. За рассматриваемый период усилилась сырьевая специализация стран ОС и одновременно повысилась их зависимость от потоков капитала и технологий из третьих стран, от импорта из них продовольствия и потребительских товаров. Ни реиндустриализации, ни новой индустриализации в этих странах в заметных формах пока не происходит.

ЕС и РФ во внешнеторговых связях стран ОС

Географическая структура внешнеторговых связей у каждой из рассматриваемых стран весьма индивидуальна. Она складывается в результате экономического взаимодействия данной страны со своими торговыми партнерами и определяется рядом факторов: близостью или удаленностью стран-партнеров, структурным взаимодополнением экономик, наличием или отсутствием взаимных торговых преференций, уровнем политических взаимоотношений.

Изменения в географии внешнеторговых связей рассматриваемых стран отражают как структурные изменения, происходящие в национальных экономиках, так и перемены в их экономическом и политическом взаимодействии. В этом контексте изменения в географии внешнеторговых связей в течение достаточно продолжительного времени являются следствиями роста или ослабления экономического взаимодействия с конкретными партнерами в абсолютном или относительном выражении. Они также свидетельствуют о степени экономической регионализации, в которой участвуют страны ОС.

Регионализация, в которую вовлечены рассматриваемые страны, тесно связана с динамикой и структурой торговых отношений с «большими» соседями – ЕС и Россией (табл. 4, 5).

В 2001–2014 гг. доля ЕС во внешней торговле большинства стран ОС была выше, чем доля России. Страны ЕС – крупные потребители производимых в исследуемых государствах руд, концентратов, металлов, растительного сырья и вместе с тем поставщики готовой продукции. Все страны ОС (кроме Азербайджана) в торговле с ЕС имеют отрицательное сальдо, которое в 2013 г. составляло от -46,2 млн долл. в Беларуси до -10,3 млрд долл. на Украине.

Наиболее высокая доля ЕС в экспорте была у Молдовы и Азербайджана, а самая низкая – у Грузии. В импорте по величине доли ЕС на первом месте также находилась Молдова, а замыкали список – Армения и Беларусь. При этом у Азербайджана, Армении и Беларуси доля стран Евросоюза в экспорте была выше, чем в импорте.

За 2001–2013 гг. доля стран ЕС в экспорте выросла у Молдовы и Армении, уменьшилась у Азербайджана и Украины, оставалась примерно на

одном уровне у Беларуси и Грузии. В импорте доля ЕС увеличилась у Азербайджана и Украины, сократилась у Армении, Грузии и Молдовы, оставалась относительно стабильной у Беларуси.

Таблица 4

**ДОЛЯ ЕС-28 ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ
СТРАН ОБЩЕГО СОСЕДСТВА, %**

Страны	Показатели	2001	2005	2008	2009	2011	2012	2013	2014
Молдова	экспорт	32,1	40,7	51,7	52,3	49,0	47,0	46,8	53,3
	импорт	48,7	45,4	43,0	43,4	43,5	44,5	45,0	48,3
Азербайджан	экспорт	71,7	55,8	57,6	45,0	60,9	48,4	48,0	53,0
	импорт	21,9	29,9	28,8	26,7	32,4	27,7	35,1	33,8
Армения	экспорт	27,4	47,2	54,6	45,3	46,0	39,3	33,4	28,8
	импорт	32,5	34,5	29,7	26,4	26,0	23,8	26,4	25,8
Беларусь	экспорт	28,9	44,8	43,8	43,7	37,9	38,0	28,1	29,5
	импорт	21,3	21,6	21,8	23,0	18,9	20,0	24,4	23,1
Украина	экспорт	35,5	30,1	27,3	24,0	26,4	24,9	26,5	31,5
	импорт	30,6	33,8	33,8	34,0	31,2	31,0	35,1	38,7
Грузия	экспорт	19,6	25,0	22,3	20,6	19,4	14,9	20,9	21,7
	импорт	35,6	29,1	27,5	28,4	29,1	31,0	28,3	27,6

Источник: Составлено и рассчитано по данным ITC Trade Map 2014 (<http://www.trademap.org/>), национальных статистических служб.

Колебание долей ЕС в экспорте стран ОС в определенной степени было связано с динамикой мировых цен на их продукцию, в которой преобладают товары низкой степени обработки. Цена на них сильнее реагирует на колебания спроса.

На динамику вывоза ряда стран ОС в ЕС определенное влияние оказывает генеральная система торговых преференций ЕС. Армения, Грузия и Молдова вывозили в страны ЕС большую группу товаров по обнуленным, либо существенно уменьшенным таможенным пошлинам. В то же время ЕС в 2007 г. лишил этих преференций Беларусь, которые в 2011 г. были дополнены политическими и экономическими санкциями. Благоприятный политический фон для взаимной торговли оказывала и программа «Восточное партнерство», начавшая действовать в 2009 г.

В июне 2014 г. Грузия, Молдова и Украина подписали Соглашение о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли (ГВЗСТ) с ЕС в рамках ассоциации, благодаря которому они получили беспрепятственный доступ к европейскому рынку. Причем в отношении Украины ЕС в мае 2014 г. в одностороннем порядке отменил ввозные пошлины на 92% ее товаров.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Украина же в рамках трехстороннего Соглашения между ЕС, РФ и Украиной от 26 сентября 2014 г. сохранит прежний уровень обложения ввозимых из стран ЕС товаров до конца 2015 г. Отметим, что по итогам 2014 г. доля ЕС заметно выросла во внешней торговле Молдовы и Украины (табл. 4).

По величине доли России во внешнеторговых связях страны ОС можно разделить на три группы: (1) Беларусь – с долей в экспорте и импорте более 40%; (2) Армению, Молдову и Украину с долями в пределах 15–30%; (3) Азербайджан и Грузию с долями в экспорте и импорте от 5 до 15% (табл. 5). Доля России в импорте рассматриваемых стран почти во всех случаях выше, чем в экспорте. За 2001–2013 гг. доля России в импорте и экспорте сократилась в Беларуси, Молдове, Грузии, в импорте – у Украины, но выросла в экспорте и импорте Армении и Азербайджана. Поскольку природный газ является главной статьёй импорта большинства стран ОС, его объем и цена оказывают сильное влияние на долю России. При этом преимущественно за счет импорта российских углеводородов все страны ОС в торговле с РФ имеют отрицательное сальдо, которое в 2013 г. составляло от -156,1 млн долл. в Молдове до 6–8 млрд долл. в Беларуси и Украине.

Таблица 5

ДОЛЯ РОССИИ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ СТРАН ОБЩЕГО СОСЕДСТВА, %

Страны	Показатели	2001	2005	2008	2009	2011	2012	2013	2014
Беларусь	экспорт	53,2	35,8	32,4	31,5	34,8	35,1	45,3	42,2
	импорт	65,6	60,4	59,7	58,5	54,0	58,8	53,2	54,6
Молдова	экспорт	43,7	31,8	19,7	22,3	28,2	30,3	26,0	18,1
	импорт	16,1	11,7	13,6	11,4	15,9	15,7	14,3	13,5
Украина	экспорт	22,4	21,9	23,5	21,4	29,0	25,7	23,8	18,2
	импорт	36,6	35,6	22,7	29,1	35,3	32,4	30,2	23,3
Армения	экспорт	17,2	12,4	20,3	15,6	16,7	19,5	22,6	20,3
	импорт	19,8	14,8	20,4	24,8	21,5	24,7	23,4	24,9
Грузия	экспорт	23,3	17,8	1,9	1,8	1,7	2,0	6,6	9,6
	импорт	12,3	15,4	7,0	6,5	5,5	6,0	7,3	6,7
Азербайджан	экспорт	3,4	6,6	1,2	5,1	4,5	4,0	4,5	2,9
	импорт	10,7	17,0	18,8	17,5	16,9	14,3	14,1	14,3

Источник: Составлено и рассчитано по данным ITC Trade Map 2014 (<http://www.trademap.org/>), национальных статистических служб.

Торговые отношения России со странами ОС регулируются режимом свободной торговли, а для Беларуси с 2010 г. – режимом Таможенного союза

[6, с. 161–166]. Это способствовало росту доли России в белорусском экспорте в 2010–2013 гг.

В 2012 г. был запущен проект зоны свободной торговли в рамках СНГ, в котором наряду с Россией участвует большинство из рассматриваемых стран. Но преференциальный торговый режим для большинства из них не стал стимулом устойчивого роста торговых связей с Россией. Это связано в первую очередь с тем, что торговые отношения с Россией сильно зависят от уровня двусторонних политических отношений.

В результате влияния политического фактора произошел резкий спад доли РФ во внешней торговле Грузии в 2005–2011 гг. Весной 2006 г. в условиях обострения грузино-российских отношений РФ ввела запрет на ввоз грузинских вин, минеральной воды и сельскохозяйственной продукции. После российско-грузинского вооруженного конфликта из-за Южной Осетии внешнеторговые связи между странами сократились еще сильнее. Торговое эмбарго со стороны России заставило Грузию переориентировать не только свой экспорт, но и импорт. Однако весной 2013 г. торговое эмбарго на поставки грузинской продукции было снято. За 2013–2014 гг. грузинский экспорт в РФ увеличился почти в 6 раз, и по итогам 2014 г. Россия заняла 3-е место среди основных торговых партнеров Грузии по экспорту (после Азербайджана и Армении).

Противоречия в политических отношениях оказывают сильное влияние на взаимную торговлю России и Молдовы. Расхождение во взглядах на пути решения приднестровской проблемы стало одним из факторов снижения доли России в экспорте Молдовы. Дипломатические конфликты 2003, 2006 и 2010 гг., сопровождавшиеся «винными» войнами, серьезно снизили долю России в молдавском экспорте. Новый политический конфликт 2014 г., связанный с подписанием соглашения об ассоциации с ЕС и созданием ГВЗСТ, обернулся введением в 2014 г. серьезных ограничений: на продовольственные товары и вина были введены таможенные пошлины, в результате которых молдавский экспорт сократился и абсолютно, и относительно.

История торговых отношений Беларуси и Украины с Россией также связана с «газовыми», «молочными» и прочими торговыми войнами, отражавшими политические и экономические противоречия между странами [5; 9]. В отношениях с Украиной в 2014 г. произошел глубокий, всеобъемлющий политический кризис, который разрушительным образом действовал на взаимные торговые связи. По данным Госстата Украины, в 2014 г. украинский экспорт в РФ сократился на 33,7%, а импорт из России – на 45,1%.

Географическая структура торговых связей стран ОС и ее динамика свидетельствуют о том, что главные игроки регионализации за 2000–2014 гг. сохранили свои торговые позиции: Россия – в Беларуси, ЕС – в Азербайджане и Грузии; Россия укрепила свои позиции в Армении, но сильно утратила

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

в Молдове и Украине, ЕС – наоборот. Причем примерно такое же соотношение наблюдается в распределении инвестиций РФ и ЕС в эти страны [10]. Но при этом во всех странах ОС, кроме Беларуси, коэффициент торгового влияния (КТВ)² ЕС превышает аналогичный показатель России. В 2013 г. КТВ России в Беларуси составлял 55,4%. Наиболее высокая степень торгового влияния ЕС отмечалась в экономике Молдовы (45,3%), существенно меньшая – в Азербайджане (20,8) и Грузии (17,8%). При этом для Армении и Украины КТВ ЕС и России были близки: у Армении, соответственно, 15,8 и 13,0%, у Украины – 24,6 и 21,5%³.

Таблица 6

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ СТРАН ОБЩЕГО СОСЕДСТВА С РФ, СНГ БЕЗ РФ, ЕС И ДРУГИМИ СТРАНАМИ В 2000–2013 гг., %

Страны	Показатели	Россия		СНГ-12 без России		ЕС-28		Другие страны	
		2000	2013	2000	2013	2000	2013	2000	2013
Беларусь	экспорт	50,6	45,3	9,4	16,7	28,5	28,1	11,5	10,0
	импорт	64,8	53,2	5,4	5,5	21,4	24,4	8,4	16,9
Украина	экспорт	24,1	23,8	6,8	11,9	31,4	26,5	37,7	37,8
	импорт	41,7	30,2	15,9	6,4	29,0	35,1	13,4	28,3
Молдова	экспорт	44,5	26,0	14,0	13,1	35,1	46,8	6,4	14,0
	импорт	15,4	14,3	18,1	16,2	53,5	45,0	13,1	24,5
Грузия	экспорт	20,7	6,6	18,8	49,2	24,4	20,9	36,1	23,4
	импорт	13,1	7,5	19,2	20,2	30,8	28,8	36,9	43,6
Азербайджан	экспорт	5,6	4,5	7,8	4,0	63,9	48,0	22,6	43,5
	импорт	21,3	14,1	10,8	11,0	23,7	35,1	44,3	39,8
Армения	экспорт	14,8	22,6	9,6	10,2	36,9	33,4	38,7	33,8
	импорт	15,5	23,4	4,1	7,8	36,7	26,4	43,6	42,4

Источник: Составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб.

Политические и структурные ограничения заставляют страны ОС искать новые рынки для своей продукции. Весьма примечателен рост в их внешне-торговых связях доли «других стран» – не относящихся к СНГ и ЕС (табл. 6).

2. Коэффициент торгового влияния (КТВ) определяется как отношение объемов двусторонней торговли к ВВП страны (в текущих ценах), относительно которой это влияние измеряется.

3. Расчеты авторов по данным национальной статистики и МВФ.

Их доля за 2000–2013 гг. увеличилась в экспорте Азербайджана на 20,9%⁴ и Молдовы (на 7,6), в импорте у Беларуси (на 8,5), Грузии (на 6,7), Молдовы (на 11,4) и Украины (на 14,9%). При этом рост доли «других стран» во внешней торговле стран ОС в основном связан с опережающим развитием торговых связей с Китаем и Турцией.

Не менее примечателен также рост в торговле большинства рассматриваемых стран доли стран СНГ (без России) и Грузии. Их доля увеличилась за 2000–2013 гг. в экспорте Грузии (на 30,4%), Беларуси (на 7,3) и Украины (на 5,1%), а также в импорте Армении (на 3,7) и Грузии (на 1,0%) (табл. 6). В этом случае речь идет преимущественно о наращивании взаимных связей между странами ОС [4]. Этому способствует существующий между ними режим свободной торговли.

Роль России и ЕС в модернизации экономик посредством торговли машиностроительной продукцией

Роль «больших» соседей в модернизации экономик стран ОС реализуется через экономическое взаимодействие по нескольким направлениям: через покупку и продажу патентов и лицензий, инжиниринговых услуг, прямые инвестиции и торговлю инвестиционными товарами. В настоящей статье мы ограничились анализом взаимной торговли машиностроительной продукцией. Экспорт в страны ОС высокотехнологичных товаров и услуг, нового оборудования для предприятий позволяет им проводить технологическую модернизацию по адаптивной модели [2], а устойчивый спрос со стороны РФ и ЕС на аналогичные товары и услуги дает возможность национальным компаниям зарабатывать на технологическое обновление производства.

Потенциал модернизационного влияния России и ЕС на страны ОС во многом определяется их ролью в международном обмене машинотехнической продукцией. Евросоюз – крупнейший поставщик на мировой рынок современных машин, оборудования и транспортных средств: в 2013 г. объем экспорта соответствующей продукции из ЕС достиг почти 2,4 трлн долл., что составило свыше 1/3 мирового машиностроительного экспорта⁵. При этом в торговле машиностроительной продукцией ЕС имеет положительное сальдо: коэффициент покрытия импорта экспортом по данной товарной группе в 2013 г. составил 121,5%.

4. В частности, за 2000–2013 гг. Азербайджану удалось существенно диверсифицировать рынки сбыта своей продукции за счет выхода на страны Южной и Юго-Восточной Азии (Индонезия, Таиланд, Индия).

5. Отметим, что доля ЕС-28 в мировом экспорте машин, оборудования и транспортных средств (коды 84–90 ТН ВЭД) за период 2001–2013 гг. все же снизилась – с 40,7 до 36,4%. Расчеты авторов по данным ИТС. Trade Map 2014.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Роль России на мировом машиностроительном рынке невелика: в 2013 г. РФ поставила на мировой рынок машины, оборудование и транспортные средства на сумму 28,3 млрд долл. (лишь 0,4% мирового машиностроительного экспорта). При этом Россия имеет крупное отрицательное saldo по статье «машины, оборудование и транспортные средства» (125,7 млрд долл. в 2013 г.), которое почти полностью складывается за счет торговли со странами дальнего зарубежья⁶.

Вклад России в модернизацию стран ОС в настоящее время проявляется преимущественно в развитии традиционных производств с привлечением технологий, заимствованных из третьих стран (в том числе из ЕС). Советское экономическое и технологическое наследие, лежащее в основе взаимных торговых связей, постепенно истощается, а новое, что возникает в странах, преимущественно включено в производственно-технологические цепочки, организованные компаниями третьих стран. Российские товары высокой степени обработки по соотношению «цена – качество» все более утрачивают позиции на рынках рассматриваемых стран.

Таблица 7

ДОЛЯ РФ В ЭКСПОРТЕ И ИМПОРТЕ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ СТРАН ОС В 2001–2013 гг., %

Страны	Экспорт			Импорт		
	2001	2007	2013	2001	2007	2013
Беларусь	78,0	68,8	73,0	41,2	25,2	23,9
Украина	43,7	55,7	51,7	29,9	16,9	14,2
Молдова	51,4	31,1	21,0	12,2	6,3	3,9
Грузия	26,9	11,6	5,2	5,2	4,4	1,4
Азербайджан	20,3	14,3	37,6	7,2	12,8	6,3
Армения	29,1	33,3	27,2	19,8	15,6	12,0
Ср. арифметическое значение	41,6	35,8	36,0	19,3	13,5	10,3

Примечание: К машиностроительной продукции относится товарная группа «машины, оборудование и транспортные средства» (коды 84–90 ТН ВЭД).

Источник: Составлено и рассчитано по данным ИТС. Trade Map. December 2014 // <http://www.intracen.org/its/market-info-tools/trade-statistics/>

Ограниченный потенциал технологического содействия модернизации стран ОС проявляется в сокращении доли России в машиностроительном импорте рассматриваемых государств (табл. 7). Относительно высокой (12–24%) она остается в Беларуси, Украине и Армении; в Грузии, Молдове и Азербайджане она колеблется от 1 до 6%. Несколько иная ситуация в машиностроительном экспорте стран ОС в Россию. Для некоторых из них Россия остается основным рынком сбыта машин, оборудования и транспорт-

⁶ Расчеты авторов по данным ФТС России, ИТС. Trade Map 2014.

ных средств. В 2013 г. на РФ приходилось почти 3/4 всего машиностроительного экспорта Беларуси и свыше 1/2 машиностроительного экспорта Украины. Однако предлагаемая ими продукция среднего технологического уровня (прокат черных металлов, трубы, железнодорожный подвижной состав, сельскохозяйственные машины, продовольственные товары и т.п.) конкурирует на российском рынке либо с аналогичной продукцией, либо выпускаемой российскими компаниями, либо импортируемой из других стран.

ЕС выступает главным поставщиком современных машин, оборудования и транспортных средств на рынки стран общего соседства (табл. 8). В 2013 г. доля ЕС в машиностроительном импорте стран общего соседства составляла от 1/3 в Армении и Грузии до более 1/2 в Молдове. При этом доля ЕС в импорте машинотехнической продукции стран ОС со второй половины 2000-х годов преимущественно снижалась (в среднем с 49,1% в 2004 г. до 41,4% в 2013 г.).

Таблица 8

**ДОЛЯ ЕС-28 В ЭКСПОРТЕ И ИМПОРТЕ МАШИНО-
СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ СТРАН ОС В 2001–2013 гг., %**

Страны	Экспорт			Импорт		
	2001	2007	2013	2001	2007	2013
Беларусь	8,2	8,1	5,2	40,1	42,7	41,7
Украина	31,0	20,0	20,4	49,6	51,9	44,3
Молдова	24,9	36,6	70,4	58,1	57,6	54,0
Грузия	8,1	6,4	7,7	50,3	44,4	34,4
Азербайджан	27,6	2,6	35,4	28,7	39,3	42,7
Армения	11,6	20,4	53,7	34,8	45,6	31,2
Ср. арифметическое значение	18,6	15,7	32,1	43,6	46,9	41,4

Примечание: К машиностроительной продукции относится товарная группа «машины, оборудование и транспортные средства» (коды 84–90 ТН ВЭД).

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным ИТС. Trade Map. December 2014 // <http://www.intracen.org/its/market-info-tools/trade-statistics/>

Доля ЕС в машиностроительном экспорте стран ОС в среднем ниже, чем в импорте. В 2013 г. наиболее высокая доля ЕС в экспорте машин, оборудования и транспортных средств отмечалась в Молдове (70,4%), Армении (53,7) и Азербайджане (35,4%)⁷.

7. Отметим, что среди стран ОС сравнительно высокая доля машин, оборудования и транспортных средств в общем товарном экспорте отмечается лишь в Грузии (30,8% в 2013 г. – за счет реэкспорта автомобилей), Беларуси (18,9), Молдове (16,9) и Украине (16,8%); доля машиностроительного экспорта в Армении и Азербайджане составляет лишь 3,6 и 0,7% соответственно. Расчеты авторов по данным ИТС Trade Map.

Таким образом, вклад ЕС в модернизацию экономики рассматриваемых стран посредством торговли машинами и оборудованием значительно больше, чем России. Причем за 2001–2013 гг. отставание России от ЕС возросло. В то же время снижение долей РФ и ЕС в импорте машиностроительной продукции свидетельствует о том, что их теснят компании из Китая, Турции и других азиатских стран.

Динамика торговой связанности стран общего соседства с РФ и ЕС

Для оценки связанности экономик стран общего соседства нами использовался *коэффициент торгово-экономической связанности* (КТЭС), исчисляемый как отношение стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран с умножением полученной величины на 100. КТЭС позволяет соизмерить связь экономического роста и взаимной торговли пар торговых партнеров. Косвенно он отражает уровень комплементарности экономик стран, причем как на двусторонней основе, так и в разрезе интеграционных объединений. Анализ динамики КТЭС за 2000–2013 гг. позволил оценить направленность процессов неформальной интеграции стран ОС.

При расчете КТЭС для каждой из стран ОС были выбраны десять основных внешнеторговых партнеров (по состоянию на 2013 г.), включая РФ и ЕС-28, по каждому из которых были проведены расчеты за период 2000–2013 гг. (табл. 9). В динамике торгово-экономической связанности стран ОС с двумя крупнейшими центрами притяжения – ЕС и РФ – можно выделить три основных периода.

1. Докризисный период (2000–2008), который характеризовался значительным снижением КТЭС с Россией и существенным его ростом с ЕС. Такая динамика во многом была обусловлена, с одной стороны, замещением части потребительских и инвестиционных товаров из России аналогичными товарами из третьих стран (прежде всего, Китая и Турции), а с другой – более быстрым наращиванием экспорта в другие страны, в том числе в ЕС.

2. Посткризисный период (2010–2012) совпал по времени с запуском Таможенного союза и Единого экономического пространства, зоны свободной торговли СНГ и проекта «Восточное партнерство». В этот период наблюдалось преимущественно усиление интенсивности торгово-экономического взаимодействия стран ОС с Россией при сохранении позитивной динамики с ЕС (за исключением Армении).

3. Переломным периодом можно считать 2013 г., когда произошло сокращение интенсивности торгово-экономического взаимодействия стран

**ГЕОГРАФИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ГОСУДАРСТВ
ОБЩЕГО СОСЕДСТВА ЕС И РОССИИ В 2000–2014 гг.**

ОС как с РФ, так и с ЕС, причем более сильное, чем снижение темпов роста экономики стран общего соседства и России.

Таблица 9

**КОЭФФИЦИЕНТ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ (КТЭС)
СТРАН ОБЩЕГО СОСЕДСТВА С РФ И ЕС-28 В 2000–2013 гг.**

<i>Страны</i>	<i>Торговые партнеры</i>	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Беларусь	РФ	3,45	1,99	1,98	1,84	1,77	1,99	2,09	1,83
	ЕС-28	0,05	0,08	0,12	0,10	0,09	0,14	0,16	0,12
Украина	РФ	3,21	2,39	1,91	1,62	2,15	2,37	2,05	1,68
	ЕС-28	0,10	0,16	0,25	0,15	0,19	0,24	0,26	0,25
Молдова	РФ	0,13	0,08	0,06	0,05	0,07	0,08	0,07	0,07
	ЕС-28	0,01	0,01	0,02	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02
Грузия	РФ	0,06	0,07	0,03	0,03	0,02	0,02	0,03	0,04
	ЕС-28	0,00	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02
Азербайджан	РФ	0,13	0,13	0,11	0,14	0,12	0,14	0,11	0,12
	ЕС-28	0,02	0,03	0,16	0,05	0,08	0,11	0,08	0,09
Армения	РФ	0,07	0,05	0,06	0,07	0,06	0,06	0,07	0,07
	ЕС-28	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Ср. арифм. значение	РФ	1,17	0,79	0,69	0,63	0,70	0,78	0,74	0,63
	ЕС-28	0,03	0,05	0,10	0,05	0,07	0,09	0,09	0,08

Источник: Составлено и рассчитано по данным национальной статистики; ITC Trade Map 2014; IMF. World Economic Outlook Database, October 2014.

Все страны общего соседства имеют более высокую степень связанности с РФ, чем с ЕС, что во многом обусловлено советским экономическим наследием. В 2013 г. максимальное значение КТЭС с РФ было у Беларуси, а минимальное у Грузии. Полярные значения коэффициента связанности с ЕС колебались между 0,25 у Украины и 0,01 у Армении. Однако в последнее десятилетие комплементарность России со странами ОС значительно снизилась, а со странами ЕС, напротив, возросла. Причем этот рост был связан с более быстрым ростом торговых связей ЕС с Украиной, Беларусью и Азербайджаном. Так, если в 2000 г. среднеарифметическое значение КТЭС стран ОС с РФ превышал аналогичный показатель с ЕС в 40 раз, то в 2013 г. – лишь в 8 раз. При этом для Азербайджана и Грузии связанность с РФ и ЕС приобрела уже вполне сопоставимый уровень.

Наибольший прирост торгово-экономической связанности с ЕС за 2000–2013 гг. пришелся на Азербайджан, Грузию и Молдову, а наименьший – на Армению. В большинстве случаев прирост связанности с ЕС был обусловлен опережающим ростом импорта стран ОС из европейских государств. Самое высокое значение КТЭС с ЕС (0,25) имеет Украина, что объясняется

быстрым ростом ее торговых связей с соседними Польшей и Венгрией, а также Германией и Италией.

Наиболее высокий уровень связанности экономики с РФ (1,68–1,83) сохраняли Беларусь и Украина – страны со сравнительно развитой обрабатывающей промышленностью и диверсифицированной структурой экспорта. Кроме того, высокий уровень связанности экономик трех стран обусловлен близостью друг к другу их наиболее развитых регионов и активным приграничным сотрудничеством регионов [8].

Торговая связанность стран ОС довольно велика с соседними странами и партнерами по интеграции⁸.

Среди основных внешнеторговых партнеров **Беларуси** наиболее высокий уровень связанности отмечается в торговле с соседними Украиной, Литвой, Польшей, а также Нидерландами и Казахстаном. Причем в отличие от КТЭС с Россией, связанность с этими странами у Беларуси за последнее десятилетие преимущественно возросла.

Для **Украины** наиболее высокие значения КТЭС отмечаются с соседними Беларусью, Польшей, Венгрией, а также Германией, Италией и Турцией. За период 2000–2013 гг. интенсивность взаимодействия Украины со всеми этими странами существенно возросла.

В **Молдове** ярко выраженным центром экономического притяжения выступает соседняя Румыния, интенсивность торговли с которой устойчиво возросла. Высокий уровень взаимодействия отмечается также с Украиной и Беларусью, однако с ними торгово-экономическая связанность Молдовы постепенно сокращалась.

Специфика торгово-экономической связанности стран Южного Кавказа состоит в преобладании роли Турции как регионального центра притяжения. Анализ динамики торгово-экономических связей в регионе свидетельствует о развитии здесь неформального интеграционного объединения в составе Азербайджана, Грузии и Турции при более слабом участии РФ и ЕС [1].

В **Грузии** наиболее высокий уровень связанности был достигнут с Арменией, Азербайджаном, Болгарией, Украиной, Турцией и Румынией, КТЭС с которыми увеличился за рассматриваемый период в среднем в 2–4 раза. Столь высокий прирост торгово-экономической связанности был обусловлен получившей широкое распространение практикой реэкспорта товаров (прежде всего, легковых автомобилей), а также удобным транспортным сообщением по акватории Черного моря с портами Украины, Румынии и Болгарии. Грузия имеет режим ЗСТ с Арменией, что определяет ее ключевую роль в торговых

8. На мировом фоне уровни КТЭС рассматриваемых стран находятся в диапазоне от выше среднего (более 1,5) до очень низкого – ниже 0,05.

связях на Южном Кавказе. Формально выйдя из СНГ, Грузия сохраняет высокий уровень торговых и социальных связей и с другими странами СНГ.

Особенность торгово-экономической связанности **Азербайджана** с его основными торговыми партнерами состоит в том, что среди них большое число стран расположено за пределами данного региона, интенсивность взаимодействия с которыми в последние годы существенно возросла. Это во многом связано с поставками азербайджанской нефти на рынки стран Южной и Юго-Восточной Азии [4, с. 93–111]. В результате наиболее высокий уровень связанности Азербайджан достиг с Таиландом, Израилем и Индонезией, а также Италией и соседней Турцией.

Армения имеет наиболее низкие значения КТЭС среди всех стран общего соседства, что обусловлено слабым развитием ее внешнеэкономических связей в условиях высоких транспортно-логистических издержек и определенной изолированности от основных мировых и региональных рынков. Относительно высокий уровень связанности Армения имеет с Болгарией (существенно вырос в последние годы), Украиной, Ираном и Россией.

Анализ динамики КТЭС стран общего соседства с их основными внешнеэкономическими партнерами за период 2000–2013 гг. позволяет выделить три группы пар стран с довольно высокими значениями коэффициента.

1. *Страны с КТЭС от 1,00 и выше* – данную группу образуют шесть пар стран: Беларусь – Украина, Беларусь – Россия, Беларусь – Литва, Украина – Россия, Грузия – Армения и Грузия – Азербайджан. Все эти пары формируются постсоветскими странами, а их сочетание свидетельствует о ярко выраженном «эффекте соседства» в развитии процессов неформальной интеграции.

2. *Страны с КТЭС от 0,50 до 0,99* – эту группу образуют пять пар стран: Украина – Польша, Украина – Венгрия, Украина – Турция, Молдова – Румыния и Грузия – Болгария. Каждая из этих пар представлена страной общего соседства и соседней страной ЕС или Турцией.

3. *Страны с КТЭС от 0,30 до 0,49* – наиболее многочисленная группа, представленная десятью парами стран: Беларусь – Нидерланды, Беларусь – Польша, Беларусь – Казахстан, Молдова – Украина, Молдова – Беларусь, Грузия – Украина, Азербайджан – Таиланд, Азербайджан – Израиль, Азербайджан – Индонезия и Армения – Болгария. Это более разнородные пары стран, включающие региональных соседей, партнеров по региональному сотрудничеству и пространственно разделенных партнеров, связанных крупными товарными потоками.

* * *

Проведенное исследование развития внешнеторговых связей стран общего соседства с ЕС и России позволяет сделать ряд выводов.

1. Евросоюз и РФ – крупные рынки, спрос и предложение которых выступает важным фактором развития стран ОС. В то же время борьба за влияние и буферно-блоковая идеология «больших» соседей неизбежно втягивает страны ОС в это соперничество, что, как показывает опыт Украины, может привести к разрушительным последствиям. Асимметричная взаимозависимость позволяет «большим» соседям оказывать через введение торговых ограничений (преференций) экономическое давление с целью добиться лояльной к ним политики. В рассматриваемый период РФ прибегала к этим мерам заметно чаще, чем ЕС.

2. За последние 10–15 лет происходило сокращение торговой связанности экономик России и стран ОС. Это снижение, хотя в отдельные годы и сменялось незначительным ростом, выглядит как устойчивая тенденция. Она определяется совокупностью факторов: ценовых, конъюнктурных, структурных, геополитических. В целом это отражение продолжающегося процесса экономической дезинтеграции и ослабления экономических позиций России в этих странах. Пока нет политических и экономических оснований полагать, что в ближайшие годы произойдет смена данного тренда. У ЕС же в этот период проходил рост связанности, торгового и модернизационного влияния, которое в большинстве стран ОС заметно выше, чем влияние России. В 2013 г. в Армении и Украине торговое влияние ЕС и РФ было примерно равным. Но сегодня торговые связи России и Украины резко сократились. Современная политическая и экономическая ситуация на Украине свидетельствует о том, что процесс сокращения не достиг своего дна. Для Беларуси торговые связи с Россией были определяющими. Различия между странами по торговому тяготению так или иначе совпадают с их интеграционным выбором. Отметим, что Молдова и Украина до 2014 г. стремились одновременно участвовать в ЗСТ с ЕС и СНГ.

3. И для РФ, и для ЕС более важной представляется формальная сторона интеграционного процесса, которая накладывает определенные обязательства и ограничения в национальной экономической политике. Интеграционный выбор странами ОС был сделан в условиях роста экономического влияния в мире Китая и стран Азии, изменений в мироустройстве, усиления международных противоречий. В сложившейся ситуации на интеграционный выбор сильное влияние оказывают факторы безопасности и культурно-ценностной ориентации. С экономической точки зрения для стран ОС более важной является возможность проводить многовекторную политику. Делая ставку на

неформальную интеграцию, Китай и Турция выходят на ведущие позиции во внешнеэкономических связях стран ОС.

4. Перспективы региона ОС в большой мере зависят от того, как будут развиваться отношения между ЕС и РФ, и как будут меняться их позиции в мировой экономике и политике в условиях сдвига центра тяжести мировой экономики в АТР. Если будет движение в сторону создания международного региона от Атлантики до Тихого океана (разработка концепции, ведение консультаций и переговоров, подписание промежуточных соглашений о сотрудничестве между ЕС и ЕАЭС и т.п.), то многие проблемы в развитии рассматриваемых стран будут сняты. При этом перспективным направлением регионализации может стать взаимное сотрудничество стран ОС. Другой вариант связан с активизацией сотрудничества России и ЕАЭС с Китаем и Турцией и формированием новых векторов регионализации в Каспийско-Черноморском и Центральном-Азиатском регионах. Этот вариант более вероятен в случае создания Единого евроатлантического рынка. Но активизация процессов регионализации в масштабах Евроатлантики и Евразии, как материка, не исключает сохранения, а вероятно, и усиления противоречий между Россией и ЕС. В целом реализация концепции единой Европы в условиях быстро меняющегося мира потребует немалых интеллектуальных и политических усилий.

Литература

1. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Соколова Т.В. Страны Южного Кавказа: Особенности развития и регионального взаимодействия. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 72 с.
2. Вардомский Л.Б., Шурубович А.В. Факторы и модели модернизации экономик стран СНГ // Мир перемен. – 2011. – № 3. – С. 43–58.
3. Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 224.
4. Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции: Сборник / Отв. ред. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. – М.: ИЭ РАН, 2014.
5. Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / Под общей ред. Е.М. Кузьминой. – М.: ИЭ РАН, 2013. – 226 с.
6. Интеграционные процессы и проекты России в «поясе соседства» / Отв. ред. М.Ю. Головин. – М.: ИЭ РАН, 2013. – 264 с.
7. Новые независимые государства: Сравнительные итоги социально-экономического развития // Российский экономический журнал. – 2012. – № 3. – С. 38–44.
8. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. ЦИИ ЕАБР. Доклад № 17. – Санкт-Петербург, 2013. – 100 с.
9. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги двадцатилетия // Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – М.: ИЭ РАН, 2012. – 400 с.
10. Golovnin M. Investments in the Russia – CIS – EU Triangle // Romanian Review of Political Sciences and International Relations. – 2014. – Vol. X. – No. 2. – P. 165–178.
11. IMF. World Economic Outlook Database, October 2014 // <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/index.aspx>

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

12. ITC Trade Map 2014 // <http://www.trademap.org/>
13. UNCTAD, FDI/TNC database // <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx>
14. World Bank. World Development Indicators, October 2014 // <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators>
15. World Tariff Profiles 2014. World Trade Organization, International Trade Centre and UNCTAD. – Geneva, 2014. – P. 200.

Н.И. Бубнова

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА:
НОВЫЕ ИПОСТАСИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ***

Бубнова Наталья Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений РАН.

Кризисы в отношениях России со странами Запада на протяжении последних двух десятилетий сравнивали с холодной войной уже не раз: во время бомбардировок Белграда, к концу администрации Буша, в период Грузинской войны 2008 г. Практически всякий раз в период возникавших кризисов говорили о том, что ситуация достигла дна, что хуже не бывает. Однако представители поколения, жившего и активно работавшего в сфере внешней политики в 60-е, 70-е, 80-е годы, отдавали себе отчет, что это было еще далеко не так, что во времена оны было куда как хуже. Еще чуть более года назад можно было надеяться, что холодная война сгинула в Лету и никогда больше не повторится. Однако сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что все параметры, которыми характеризовалась холодная война, на этот раз имеют место. Налицо политическое противостояние, экономические санкции, в первую очередь со стороны Запада, масштабная информационная конфронтация и – что особенно трагично – очень даже реальные горячие стычки, – на юго-востоке Украины, где Россия и Запад хоть и не являются «сторонами конфликта», но где их интересы схлестываются, аналогично тому, как это происходило в Корее, Никарагуа или Анголе во времена холодной войны.

Что отличает нынешнюю ситуацию от тогдашней – это не только отсутствие идеологического компонента, а отсутствие тотальности противостояния:

** Публикация подготовлена на основе выступления на мероприятии Научно-образовательной программы «Диалог во имя будущего – 2014», проводившемся Фондом Горчакова «Мир и справедливость» 7–13 декабря 2014 г. [1].*

оно имеет место не везде, не во всем, не все регионы охвачены им, речь идет не о глобальном противостоянии, более того, оно даже не в центре мировой политики (хотя в российском восприятии может представляться именно таковым).

Еще в 90-е годы в период преподавания в российском и американском университетах, автору неоднократно приходилось высказывать точку зрения, что Россия, даже если она останется слабой, никогда не станет подчиняться диктату, не согласится встраиваться в единоначальный *Pax Americana* и будет действовать неожиданно для США и западных стран, поступая так, как считает правильным – но произошедшая конфронтация всё же не была неизбежной. Многие отечественные политики и эксперты делают вывод о том, что конфликт по поводу Украины – не причина, а своего рода триггер в противостоянии с Западом, что противоречия в действительности вызваны перестройкой международных отношений. Но эта гипотеза нуждается в дополнительном критическом анализе: при всей ее кажущейся «фундаментальности», не является ли она «подогнанной» постфактум под логику развития ситуации? Ведь никто не предсказывал такой глубины «провала» в отношении России с Западом – как это должны были бы делать те, кто сейчас говорит о его «неизбежности» и «закономерном» характере.

Кто виноват?

С точки зрения западных стран, Россия нарушила международное право, разрушила систему международного правопорядка, забрала у соседней страны – в трудной для нее ситуации – часть территории, продолжает вмешиваться в развитие событий на Украине. Конечно, во всем этом прослеживаются и двойные стандарты, и доля лицемерия, и высокомерие, и исторически сформировавшиеся предубеждения. И тем не менее Россия для западных стран превратилась если не в изгоя, то в агрессивную непредсказуемую страну, которой нельзя доверять.

Между тем, с точки зрения российского руководства, именно западные страны сначала обманули Россию, вопреки договоренностям встав на путь расширения НАТО, затем предали ее, «организовав» Майдан, а в довершение, пользуясь принятым теперь у политиков жаргоном, «кинули» ее, поддержав государственный переворот на Украине в нарушение соглашения 21 февраля, под которым подписались и министры иностранных дел Франции, Германии и Польши. Не зря же, как полагают сторонники «теории заговора», накануне Майдана на Украине действовали около 60 американских НКО, не зря помощник государственного секретаря США В. Нуланд в опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» статье писала: «Мы вложили более пяти миллиардов долларов ... чтобы продвинуть Украину к тому будущему, кото-

рое она заслуживает» [2], президент американского Национального фонда за демократию (National Endowment for Democracy) К. Гершман назвал Украину «самым большим призом», а сам Барак Обама, неожиданно для многих, разразился признанием, что Америка помогла достичь договоренности о передаче власти в феврале 2014 г. на Украине – хотя переговоры тогда велись без участия США, и американская сторона на протяжении последующего года всячески отрицала свою причастность.

Долгое время казалось, что в российских правительственных кругах думают – хотя не совсем понятно, как такое было возможным – что реакция западных стран на присоединение Крыма и охлаждение в отношениях со странами Запада – дело временное. Что, как после грузинского кризиса, они быстро «успокоятся», примирятся с присоединением Россией Крыма и ее позицией по Украине и вернутся к *business as usual*. Но те, кто так считали, заведомо ошибались. Реакция Запада и кризис в отношениях с ним – это всерьез и надолго.

Не правы или не вполне правы и те, кто полагал, что Европа действует под нажимом США и что можно «отцепить» Европу или – как раньше бывало, – европейские страны «поодиночке» от Соединенных Штатов. Европейцы в данном случае последовательно проявляли политическую принципиальность, даже в ущерб своим экономическим интересам, действуя не менее жестко, чем американцы, до последнего момента – пока не стала очевидной угроза разрастания конфликта на Украине и перспектива поставок американского оружия украинским войскам.

На парламентских общественных слушаниях по вопросу о том, можно ли назвать теперешние российско-американские отношения холодной войной, проходивших 8 декабря 2014 г., выступавшие, кроме одного, были уверены, что это подходящая характеристика для нынешнего положения. Все, включая заместителя министра иностранных дел С. Рябкова, говорили, что речь идет о новой холодной войне, что санкции не отменяют долго (вспоминали пресловутую поправку Джексона-Веника, просуществовавшую в своем полуреликтовом состоянии без малого 40 лет), что присоединение Крыма к России не будет признано странами Запада (как в свое время за весь послевоенный период так и не признали присоединение Советским Союзом стран Балтии). М. Горбачёв сделал заявление – с которым, впрочем, не согласилась представитель Государственного департамента Дж. Псаки, – что Америка уже втянула Россию в новую холодную войну, «пытаясь открыто реализовать свою генеральную идею о триумфаторстве» [3], и что не исключено перерастание конфликта в горячую стадию. Статья А. Арбатова в ежедневном электронном бюллетене Московского центра Карнеги «Eurasia Outlook» под заголовком «Хуже, чем холодная война» [4], стала самым читаемым среди материалов

издания за весь год (ее загрузили почти 13 тыс. человек в режиме *unique views*).

Что делается?

Политические меры Запада не восполняют отсутствия стратегии

Официально США и другие страны Запада взяли курс на «изоляция» России. Однако под этим эвфемизмом скрываются гораздо более жесткие намерения. В российских политических кругах говорят даже, что Запад взял курс на смену режима в России, причем подобное можно услышать как от органических «антизападников», так и от до недавнего времени «умеренных», таких как В. Третьяков, В. Никонов, С. Соловьев.

Между тем в Соединенных Штатах и в Евросоюзе принимаются всё новые и новые визовые санкции и прочие агрессивные антироссийские законопроекты. Принятый в мае 2014 г. и подписанный президентом Обамой в декабре Законопроект Менендеса–Коркера, носящий название «Акт в поддержку свободы Украины 2014», предполагает замораживание активов и собственности лиц ближайшего окружения Путина, наказание компаний, предоставляющих финансирование или иным образом помогающих российской энергетической программе, «меры по укреплению демократических институтов» в странах бывшего Советского Союза, усиление информационной активности, в том числе на русском языке, в соседних с Россией странах.

Резолюция 758, одобренная американским Конгрессом 4 декабря 2014 г. подавляющим большинством (411 голосов – «за», 10 – «против»), фактически состоит из политических ультиматумов России. Конгрессмен Р. Пол на своей странице в *Facebook* назвал ее «путем к войне» и худшей из резолюций, принятых за историю деятельности Конгресса. Прекращена деятельность Комитета по гражданскому обществу Президентской комиссии (Макфол–Сурков).

Идет война взаимных обвинений и эскапад *quid pro quo*. Украинская Рада проголосовала за признание России страной-агрессором, а ЛНР и ДНР – террористическими организациями, и обратилась к другим странам с призывом последовать ее примеру. На зимней сессии ПАСЕ было продлено введенное в апреле 2014 г. – после присоединения Крыма – решение о лишении России права голоса в ПАСЕ и права участия в наблюдательных миссиях и руководящих структурах этой организации. В ответ российская сторона приостановила членство в ПАСЕ до конца года, а в российском политическом истеблишменте начали обсуждать вопрос о пересмотре всех взаимоотношений в рамках Совета Европы. В связи с голосованием в ПАСЕ, спикер Государственной думы С. Нарышкин поручил проработать вопрос, поднятый депута-

том-коммунистом Н. Ивановым, об осуждении «аннексии Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германия в 1989 г.». Ранее он выступал с подобными инициативами, предлагая, в частности, дать юридическую оценку бомбардировок Соединенными Штатами Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. и изгнать США из НАТО, «чтобы повысить уровень безопасности на континенте». А затем в Думе была выдвинута инициатива поднимать вопрос о выплате Германией России репараций за ущерб, нанесенный ей в ходе Второй мировой войны.

Соединенные Штаты и их европейские союзники действуют, исходя из исповедуемой ими – несмотря на декларации об обратном – теории *realpolitik*, предполагающей дихотомию *reward – punishment*: награда – наказание [5]. Но эти принципы не всегда работают даже на личностном уровне, не говоря уже о межгосударственных отношениях со странами. В частности, для русских исторически всегда было важным ощущение – правда или не правда? А в данном случае, российским пропагандистам удалось убедить большую часть населения, что правда на нашей стороне и «крымнаш», и это дало российскому руководству кредит доверия. Немалую роль сыграло и то, что российским населением воспринималось как пренебрежительное отношение, унижения и притеснения со стороны Запада, лидеры которого в большинстве своем исходили из уверенности, что одержали победу в холодной войне.

Курс на изоляцию России является ошибочным. При всем том, что отсутствие у Запада внятной стратегии в отношении России на протяжении двух десятилетий являлось, быть может, самым большим его просчетом, но линия на противостояние с Россией – еще хуже. Кто бы ни выиграл в первой холодной войне, но во второй холодной войне победителей не будет – будут только проигравшие.

***Экономические санкции эффективны
в нанесении ущерба, но непредсказуемы для будущего***

Страны Евросоюза договорились о продлении санкций против России на шесть месяцев, начиная с марта 2015 г. В конце января 2015 г. было принято решение о расширении санкционного списка, запретительные меры которого теперь касаются целых отраслей российской экономики и дополнительных лиц в России и непризнанных республиках Востока Украины. Поднимался вопрос о возможности закрытия России доступа к системе банковских платежей SWIFT.

Санкции нанесут ущерб экономике России, поскольку Европа – главный торговый партнер России (41% торговли страны до введения санкций) и 75% прямых инвестиций в Россию до 2014 г. поступало из Европы. В результате

санкций Россия лишится как основных источников финансирования, так и доступа к передовым технологиям. Что же касается возможностей импортозамещения, то все, кто жил в Советском Союзе, знают, какого качества товарами замещается импорт и какими перебоями и очередями чреват возникающий в результате дефицит, что особенно актуально в условиях возрастающего огосударствления российской экономики и начинающегося регулирования цен. Однако хотя Крым и позиция по Украине будут дорогими для России, но «это не про экономику», и экономические последствия, повидимому, не брались во внимание при принятии соответствующих решений.

Однако и Европа в результате введенных санкций тоже пострадает. Ведь по данным 2012 г., европейские страны за год экспортировали в Россию товаров и продовольствия на 170 млрд долл. 84% российской нефти и 76% российского газа поставлялись в европейские страны, причем Болгария, Румыния, Венгрия получали 100% своего газа из России. Хорошо еще, что российским экспортерам достало разума заявить о том, что продажа нефти и газа Европе не прекратится. В результате введения санкций и ухудшения экономического положения России, помимо всего прочего, будет нанесен ущерб и так многострадальной и находящейся на грани экономического коллапса Украине, являющейся ближайшим соседом России и наиболее тесно взаимосвязанной с ней в экономическом плане.

Ухудшение экономической ситуации воздействует на граждан страны. Но механизм причинно-следственных результатов данного воздействия иной, чем, например, в Европе. Когда людям здесь плохо, это совсем не означает, что произошедшее будут непременно ставить в вину властям. В стране с отсутствием демократической традиции причинно-следственная связь видится другой вследствие иной ментальности. Даже российские либералы зачастую говорят: «Почему выбрали в качестве мишени простых людей?» Они тут, мол, не причем! Как будто рядовые граждане никак не отвечают за политику страны и не могут оказать влияния на выбранных ими политических деятелей.

В санкциях российские граждане обвиняют Запад, не российские власти. Показательно, что и падение цен на нефть россияне связывают с будто бы инспирированным Соединенными Штатами разговором. Удивительно, но по опросам общественного мнения даже в продуктовых санкциях, которые, как известно, были введены самим российским правительством, значительная часть российских граждан – в результате сформировавшегося мобилизационного сознания и под воздействием государственной пропаганды – тоже склонны обвинять западные страны.

Следует также учитывать, что то, что европейцу запредельно плохо – россиянам может быть вполне по силам. В стране, не избалованной достатком и с трудным историческим опытом, граждане обладают большей вынос-

ливостью. В кризис в европейских государствах 7% падения жизненного уровня воспринимались как беда. Тогда как у нас, где по различным оценкам в 90-е годы произошло падение экономики от 50 до 70%, люди худо-бедно выживали, а многие, несмотря на лишения, воспринимали тот период как светлое время надежд. У нас в стране еще не забыли, как шить и вязать, своими силами делать ремонт и чинить машину, сажать огород и «закапывать» фрукты-овощи (большая часть сельскохозяйственных продуктов в СССР производились на приусадебных участках) и тысячи других практических навыков, которые – увы! – могут вновь оказаться полезными.

Хотя в любом случае экономические потери от санкций – и чужих и своих – будут значительны, но они также будут непредсказуемы с точки зрения их будущего влияния, краткосрочных и долгосрочных последствий.

Военные меры усиливают конфронтацию

В мае 2014 г. Конгресс США сразу в двух чтениях принял законопроект «О предотвращении российской агрессии 2014», позволяющий предоставить Украине, Грузии, Молдове статус «важных союзников» без членства в НАТО. Законопроект предусматривает военную помощь Украине, обмен с ней данными американской разведки, расширенное обучение сил безопасности стран, не входящих в НАТО. Он также предполагает активизацию НАТО, расширение военной поддержки Польши и стран Балтии, ускоренную реализацию программы строительства системы противоракетной обороны в Европе.

На саммите НАТО, проходившем 4–5 сентября 2014 г. в Уэльсе, Россию впервые со времени окончания холодной войны – уже, наверное, надо говорить «первой холодной войны» – официально признали угрозой для альянса и «угрозой для евро-атлантической безопасности». На саммите НАТО в Анталии 4–5 мая 2015 г. говорилось через запятую о двух проблемах, создающих «дугу нестабильности», где «на Востоке более напористая Россия, ответственная за агрессивные действия на Украине, а на Юге беспорядки, насилие, охватывающие все более обширную территорию на Ближнем Востоке и Северной Африке». В Польше, Румынии, прибалтийских странах развертываются новые военные объекты, где на ротационной основе должны размещаться контингенты войск НАТО. Подразделениям США в Восточной Европе придаются танки (до того последние американские танки были выведены из Европы в 2013 г.), вдвое увеличено число самолетов, осуществляющих патрулирование над Эстонией, Литвой, Латвией. Принятый на Саммите НАТО План действий по оперативному реагированию (Readiness Action Plan) предусматривает создание нового экспедиционного корпуса для быстрой переброски войск численностью примерно 5 тыс. человек. На территории

прибалтийских стран, в Западной Украине, в Польше, в акваториях Балтийского и Черного морей прошли маневры НАТО с участием кораблей и авиации, осуществлено более полутора десятков заходов американских кораблей в Балтийское и Черное моря. Альянс собирается оказывать Украине помощь в осуществлении военного планирования и военной реформы.

Уже упоминавшийся выше «Акт в поддержку свободы Украины 2014» позволяет предоставлять войскам Порошенко так называемое «оборонительное» летальное оружие (противотанковое и бронебойное оружие, беспилотники, системы обнаружения и контроля огня и др.), ставит под вопрос выделение средств на сокращение вооружений по СНВ, предусматривает возможность разрыва Договора РСМД, предполагает выделение дополнительных денег на ускоренное развитие ПРО в Восточной Европе. Одобренная Конгрессом США 4 декабря 2014 г. Резолюция 758, наряду с прочими мерами, также санкционирует поставки Украине летального оружия. Хотя оба документа не носят обязывающего характера, они могут рассматриваться как своего рода дамклов меч, довлеющий над президентом США, побуждая его принимать решения в пользу более жесткой политики. Появились сообщения о планах перевода американской военной техники из Афганистана на Украину, которые, впрочем, были впоследствии официально опровергнуты Пентагоном.

Важно, однако, что несмотря на все эти меры, противостояние носило в основном политический характер, лишь с некоторыми военными обертонами. Но и бряцание оружием, угрозы и повышение уровня боеготовности тоже сами по себе опасны, особенно в условиях произошедшего территориального сближения противостоящих сил. Угроза также связана с наличием ядерного оружия у обеих сторон. Причем в отличие от периода холодной войны, в настоящее время нет согласованных в двустороннем порядке правил, по которым ведут себя противостоящие друг другу вооруженные формирования в период обострения напряженности, нет опыта противостояния – что повышает градус опасности.

Информационное противостояние

В авторитарном государстве, да еще в период обострения международной ситуации, само собой ожидается, что СМИ оказываются под давлением государства, заинтересованного в их поддержке. Российская пресса, которая, по рейтингам *Freedom House*, квалифицируется как «несвободная», оказалась втянута в конфликт. Хотя достоверность рейтингов часто подвергается сомнениям, и среди российских СМИ – как печатных, так и электронных – немало тех, где выражаются мнения, не совпадающие с официальной позицией Кремля, в российских правительственных и экспертных кругах открыто гово-

рят об «информационной войне». Начиная с истории с якобы «распятым мальчиком», ежедневно в социальных сетях разоблачаются многие подтасовки и смонтированные в Photoshop'e снимки, используемые недобросовестными журналистами.

Ну а западные СМИ?! Почему они в условиях разгоравшегося конфликта оказались не менее односторонними и предвзятыми, чем российские? Ведь западных журналистов «с молодых ногтей» учат взвешенной подаче информации, честности как непреложному требованию профессии, представлению фактов и событий с точки зрения каждой из сторон конфликта. Неизжитая холодная война, все еще присутствующая в исторических книгах, лекционных курсах, учебниках западных университетов, как будто настигла из своего далека и современное поколение журналистов, обуславливая их негативные стереотипы восприятия.

Однако есть немало прецедентов и просто-таки недобросовестной подачи информации американской и европейской прессой. Во время грузино-осетинского конфликта западные СМИ представляли происшедшее так, будто бы это Россия напала на Грузию, а не грузинские Вооруженные силы подвергли ночной бомбардировке столицу Южной Осетии Цхинвали и убили российских миротворцев – как это было на самом деле. Европейские СМИ потом «одумались», некоторые – уже через неделю, а другие – после публикации выводов Комиссии Тальявини¹. А американские так и пребывают в заблуждении. Впрочем, сейчас, под воздействием событий на Украине, и в европейской прессе грузино-осетинский кризис снова уже освещается с сугубо антироссийских позиций, под углом «российской вины» в провоцировании конфликта.

Западные СМИ почти не показывали агрессивных действий протестующих на Майдане. Показательно в этом плане, что уже после того, как бойцов «Беркута» забрасывали бутылками с зажигательной смесью и были многочисленные жертвы среди представителей сил правопорядка, Обама назвал происходящее на Майдане «мирным протестом». Западные СМИ не задавались вопросом о легитимности захвата власти в Киеве и даже о том, кем были снайперы, застрелившие более 100 протестующих.

После присоединения Крыма корреспондент CNN Ф. Блэк в прямом эфире на вопрос, высказывалась ли в российских СМИ иная точка зрения, кроме поддержки присоединения полуострова, ответил, что «ничего такого за последние две недели не встречал». Хотя все российские газеты, включая,

1. Международная комиссия, получившая название по имени ее председателя Хайди Тальявини, была создана 2 декабря 2008 г. при поддержке Евросоюза для расследования фактической стороны обстоятельств возникновения и развития вооруженного конфликта в Грузии.

например, «Ведомости», содержали, наряду с прочими, критические материалы в отношении действий властей.

Может быть, речь идет просто о незнании вопроса – как это ни покажется странным многим представителям российского медийного пространства, привыкшим считать своих американских оппонентов более сведущими, чем те зачастую являются? В первой половине 90-х годов, например, отдельными американскими экспертами высказывалось предположение, что одной из причин, почему США заняли однозначно антисербскую позицию, было то обстоятельство, что единственным корреспондентом американского новостного агентства, освещавшим события и распространявшим свои сообщения по американским СМИ, была журналистка, оказавшаяся в районе действия сил боснийских мусульман и соответственно дававшая «картинку» и интерпретацию событий с той, односторонне антисербской, точки зрения. Интересно, что той журналисткой, по-видимому, была не кто иная, как С. Пауэрс, в настоящее время являющаяся представителем США в ООН.

Другой подобный пример: во время грузинских событий в августе 2008 г. ведущая CNN Ф. Суини заявила, что точно так же во Вторую мировую войну российские войска бомбили Варшаву – явно путая их с немецкими.

6 марта 2014 г. австралийская корреспондент CNN А. Корен упомянула в прямом эфире, что «Крым до 1954 г. был частью Советского Союза, а потом при разделе страны достался Украине». А затем 8 марта – что крымские власти выдвинули ультиматум украинским военным, что они должны-де принести присягу России или покинуть полуостров – тогда как в действительности речь шла о присяге Крыму.

Западные СМИ почти не освещали народные протесты против новых киевских властей на Востоке и Юго-Востоке Украины. Потом более полугодом не показывали или показывали очень мало использование украинскими войсками вооруженной силы на Востоке страны и связанные с этим разрушения и человеческие трагедии. На долгое время тогда оказалась позабыта принятая практика демонстрировать «человеческие истории» (human stories) – то чему учат в журналистских школах Соединенных Штатов. На экранах была картинка чего угодно – действий ИГИЛ в Ираке и Сирии, терактов в Ираке, событий Израильско-Палестинского конфликта, но не войны в самом сердце Европы.

После пожара в здании профсоюзов в Одессе другая ведущая CNN, лауреат премии «Эмми» К. Кроули в интервью с американским послом в Киеве Дж. Паэттом 4 мая ничтоже сумняшес задала ему вопрос: «Стояла ли Россия за пожаром в здании в Одессе в пятницу?»!

После крушения малазийского Боинга в западных СМИ не рассказывали о версиях произошедшего, говорили о вине России. «Буки», из которых предположительно сбили самолет и которые в количестве 47 единиц стояли

на тот момент на вооружении Украины, называли «российскими ракетами», тогда как применительно к Сирии говорилось, что ИГИЛ воюет не «американскими ракетами», а «ракетами американского производства».

В статье об обороне Донецкого аэропорта, как и во многих других публикациях, сражающиеся в украинской армии называются «украинцами» – в противоположность «сепаратистам» [6]. И подобным примерам несть числа. В резолюции 758 информационная составляющая деятельности против России подчеркивается. Бывшая госсекретарь Х. Клинтон сказала, что резолюция означает «информационную войну». Удивительно, как широкая европейская общественность, в том числе и тысячи тех, кто несли плакаты «Je suis Charlie», не замечают или игнорируют вопиющий факт нарушения права людей на объективную, многостороннюю информацию. Свобода прессы – базовая ценность, но она особенно важна в период противостояния, чтобы были услышаны обе стороны, все украинцы, в том числе страдающие люди Донеска и Луганска.

Что следует делать?

Политическое урегулирование

Без урегулирования на Украине не будет преодоления противостояния с Западом. Базой для таких договоренностей являются Минские соглашения (Минск-I и Минск-II), предусматривающие как военные меры: прекращение огня, отвод тяжелых вооружений, разделение враждующих сторон, так и политические условия прекращения конфликта, включая территориальную целостность Украины, внеблоковый статус Украины (как у Австрии в 1955 г. или у Туркменистана в 1995 г.), самоуправление Востока Украины, обеспечение прав русского языка. Между тем не проработан вопрос о гарантиях прекращения огня и отвода войск и механизмах контроля за этим процессом. Чего нет в Минских соглашениях (и первом, и втором) – это требования вывода из района конфликта правительственных войск Украины и Национальной гвардии (в минских документах речь идет только о выводе незаконных вооруженных формирований и иностранных военных) – такое положение было предусмотрено в рекомендациях, подготовленных группой Бойсто².

2. Группа видных российских и американских экспертов по вопросам внешней политики, включая ряд ведущих сотрудников ИМЭМО РАН, Фонда Карнеги, группы Киссинджера, созданная в 2014 г. для поиска путей преодоления украинского кризиса и урегулирования ситуации на Востоке и Юго-Востоке Украины. В сентябре 2014 г. группой был разработан и представлен план дипломатического решения конфликта.

Между тем сам факт неожиданного приезда в Москву европейских лидеров, а затем 16-часовой встречи четырех лидеров 6 февраля 2014 г. в Минске является очень важным. Может быть, определенную роль в решении канцлера Германии и президента Олланда сыграло упомянутое ранее неожиданное признание президента Барака Обамы, что Америка год назад «содействовала достижению договоренности о передачи власти на Украине»? Как могли воспринять это заявление европейские лидеры, которые – без американского участия – вели переговоры на Украине в феврале 2014 г. и уполномочили своих министров иностранных дел поставить подписи под соглашением 21 февраля, сразу же нарушенное, – как теперь выясняется, при американском «посредничестве», затем на протяжении всего года всячески отрицалось Вашингтоном?

Благая идея единого евроатлантического пространства безопасности, в рамках которой мог бы эффективно быть разрешен этот конфликт, осталась в прошлом. Директор Института США и Канады Сергей Рогов в ходе парламентских слушаний в Думе высказался за «Приднестровский вариант решения для Донбасса», при котором регион формально остался бы частью Украины, но получил бы фактическую независимость. Однако, хотя и России, и Соединенным Штатам неоднократно приписывали заинтересованность в сохранении замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, представляется, что в случае с Украиной это было бы лишь паллиативным решением, не нацеленным на перспективу.

Формы автономии Луганской и Донецкой областей, в соответствии с соглашениями Минск-II, должны были решаться в процессе выработки новой конституции Украины и после местных выборов. Однако киевская власть уже нарушает эти договоренности, объявив о начале конституционной реформы без согласования с представителями Луганской и Донецкой областей. В результате осуществления конституционной реформы в украинской Раде должны получить представительство и партии, выражающие интересы Востока и Юго-Востока страны. Предусматривается право назначения судов и прокуратуры на местном уровне, а также поддержание вооруженных отрядов собственной милиции. В отношении всех участников боевых действий соглашениями Минск-II должна быть применена амнистия.

В ходе второй минской встречи украинской стороне не удалось добиться установления немедленного контроля над участком российско-украинской границы в районе боевых действий, а другим участникам переговорного процесса – убедить украинские власти допустить международный контингент для этой цели. В результате в соглашении было зафиксировано, что Киев должен получить контроль над границей к концу 2015 г., что дает критикам достигнутой договоренности повод утверждать, что российская сторона сохранила возможность поставлять ополченцам вооружения и военную

технику. Но согласно тексту подписанного в Минске протокола, восстановление контроля киевских властей над границей произойдет только после проведения местных выборов в Донецком и Луганском регионах и по согласованным с ними и Россией правилам (хоть и на основе украинского закона).

Если же говорить о международной политике в целом, то перестройке международных отношений на более справедливой основе, с учетом нужд каждой из стран способствовал бы отказ Соединенных Штатов от установки на единоначальное лидерство, от позиции американской исключительности, уверенности в том, что «Америка знает лучше», использования силы как расхожего инструмента внешней политики, двойных стандартов и лицемерия. Американскому политическому истеблишменту следует перестать делать различие, как это происходит сейчас, между «американскими жизнями» и жизнями других.

Следует укреплять международные институты, укреплять международное право. России нужно не изолировать, а всячески вовлекать в решение международных проблем, где ее роль, особенно применительно к ситуации в Иране, Афганистане, Сирии, невосполнима. Определенным положительным сигналом возможной «подвижки» в американской позиции был визит в Сочи Джона Керри 12 мая 2015 г. Позитивным обстоятельством является и то, что Россия не свернула свое взаимодействие с США по Афганистану, борьбе с терроризмом, ядерной проблеме Ирана, сотрудничеству на МКС.

Белому дому нужно отказаться от штампов «империи зла» в отношении России, а воспринимать ее как равного и равноправного партнера, но при этом и не мерить ее собственным геополитическим аршином. Следует понимать, что Россия не имеет территориальных притязаний, ее политика направлена не на воссоздание империи, а на обеспечение безопасного окружения и по возможности – дружественно настроенных режимов в соседних с ней странах, а этому российское руководство видит угрозу в лице Запада и, в первую очередь, США.

Восстановление экономического сотрудничества

В экономическом плане Россию следует последовательно интегрировать, а не «дезинтегрировать» – пользуясь вольным переводом слов Барака Обамы. При этом одним из приоритетов международного сотрудничества должно как раз стать восстановление Украины, в первую очередь особенно пострадавших Донецкого и Луганского регионов.

Необходимы координированные международные усилия для того, чтобы не допустить гуманитарной катастрофы и обеспечить экономическое возрождение страны. Хотя в минских соглашениях нет специального положения о сотрудничестве между Россией и Западом (оно есть в предложениях группы

Бойсто), но оно особенно необходимо для восстановления экономики Украины. Очень важно, что договоренности Минск-II предусматривают трехсторонние переговоры между Россией, ЕЭС и Украиной о путях интеграции Украины в экономическое пространство ЕЭС, что предполагает учет мнения российской стороны.

В соответствии с соглашениями Минск-II должна обеспечиваться беспрепятственная поставка гуманитарной помощи в пострадавшие регионы, возобновление выплат украинскими властями зарплат бюджетников, пенсий и других социальных льгот соответствующим категориям жителей региона, восстановление банковского обслуживания Луганской и Донецкой областей силами европейских банков.

Информационная разрядка

Следует прекратить информационную войну в СМИ, перестать огульно обвинять западные страны, сократить разрыв между реальными Соединенными Штатами и западными странами в целом и тем, какими они предстают в российской (чуть было не сказала советской!) пропаганде. Нужно перестать исходить из теории заговора, не искать «руку Вашингтона» во всем, что происходит в мире. На парламентских слушаниях член Совета Федерации от Крыма О. Ковитиди говорила, что «Украина – модель того, как из страны-союзника и страны очень близкой сделать врага – для расчленения России, для полного уничтожения Российской государственности» [7]. А. Миграмян и В. Крашенинникова утверждают, что «в Вашингтоне будут умножать число конфликтов низкой интенсивности по периметру российских границ» [8]. Но в американских официальных документах и в заявлениях американских политиков не говорится ни о чем подобном! Скорее, именно такие высказывания, пускай и не напрямую, но увеличивают вероятность возникновения конфликтов у российских границ, вследствие роста взаимной враждебности, которую они провоцируют и культивируют. Американским политикам хочется тоже дать «советы постороннего». Хотя за океаном такие советы получать не привыкли, но, как представляется, на них имеют право те российские американисты, которые посвятили изучению этой страны немало лет жизни. Представителям американского политического истеблишмента хочется пожелать не смотреть на весь остальной мир сверху вниз. Убрать слова «наградить» и «наказывать» из внешнеполитического лексикона. Не называть соседние страны «задним двором» или «мягким подбрюшьем». Американским СМИ не следует начинать статьи словами «кто когда-либо слышал про эту крошечную страну» или «в этой далекой стране, про которую никто не знает». Не заканчивать статьи и политические дискуссии словом «whatever», демонстрирующим нежелание слушать оппонента или считаться с его мнением.

И конечно же, остановить русофобию и не видеть мир в черно-белых красках. Позитивным аспектом встречи Минск-II можно считать то, что в течение 16 часов А. Меркель и Ф. Олланд непосредственно слушали аргументацию В. Путина. То же самое можно сказать и о четырехчасовой беседе Керри с Путиным во время неожиданного визита государственного секретаря в Сочи в мае 2015 г. Но широкая западная аудитория, к сожалению, не имеет возможности слышать ни русских, ни восточных украинцев – безусловный пробел, без преодоления которого все обречены на то, чтобы холодная война вновь и вновь настигала нынешнее и последующие поколения.

Военные меры

Главной задачей соглашений Минск-II стало прекращение военных действий на Украине. По итогам прошедшей в Берлине 20 января встречи министров иностранных дел Германии, Франции, России и Украины в рамках контактной группы по урегулированию ситуации на Украине были созданы несколько рабочих подгрупп (по экономике, политике, гуманитарным вопросам, безопасности) с участием представителей Украины и ополченцев. Однако, по мнению ряда экспертов, работа в рамках этих рабочих групп будет осложнена тем, что контрагентами украинских участников в данном случае оказываются представители сепаратистов, которых представители украинского руководства называют «террористами». В соглашениях Минск-II снова, как и в сентябрьском соглашении, зафиксировано обязательство сторон отвести тяжелые вооружения, но теперь, в отличие от сентябрьских договоренностей, было оговорено, что вывод боевой техники ополченцев должен осуществляться от фактической линии контроля, а правительственных войск – от линии, зафиксированной в сентябрьских соглашениях, что в принципе является компромиссным решением, поскольку за предыдущие несколько месяцев линия противостояния сдвинулась не в пользу войск Порошенко (оговорено, на какое расстояние должны быть отведены различные системы огня). Но важно при этом обеспечить, чтобы Донецк и другие населенные пункты не подвергались обстрелу. Между тем многие договоренности не выполняются, как это уже бывало в прошлом. Эксперты указывают на то, что частные батальоны Коломойского и вооруженные отряды Правого сектора не подчиняются центральному киевскому командованию.

Вряд ли реалистично настаивать, как предлагает А. Мигранян, на прекращении военного сотрудничества Украины со странами НАТО. Но целесообразно рассмотреть и другие возможные пути обеспечения внеблокового статуса Украины. Например, по мнению Д. Тренина, достичь подтверждения нейтралитета этого ближайшего соседа России скорее получится не путем заключения договора, а на основе юридически не оформленного понимания

между Россией и Западом. Д. Ефременко, ссылаясь на мнение З. Бжезинского и Г. Киссинджера, считает предпочтительной «финляндизацию»³ Украины: «неприсоединение Украины к военным альянсам и, напротив, интенсивное развитие экономического сотрудничества как с ЕС, так и с Россией» [9], с параллельным признанием Россией свершившихся перемен, отказом от претензий на какие-либо части украинской территории и от попыток дестабилизировать новую власть в Киеве. Однако при этом он делает оговорку, что после победы Евромайдана «финляндизация» оказалась менее привлекательной как для националистических элементов в новом украинском руководстве, не желавших признавать каких-либо особых интересов Москвы на Украине, так и для российского руководства, которое должно было бы, таким образом, смириться с незаконной сменой власти в Киеве. Между тем представляется, что в настоящее время, с учетом того, что представители российского и украинского руководства возобновили прямой диалог, такой вариант развития событий не исключен – хотя и под иным «брендом», постольку поскольку сам термин «финляндизация» в период холодной войны воспринимался с негативной коннотацией как с одной, так и с другой стороны. Как бы то ни было, для России невступление Украины в НАТО остается своего рода «красной чертой» – принципиальным требованием, в отношении которого любые иные компромиссы для нее неприемлемы. Необходимо добиваться, как говорил С. Рогов на парламентских слушаниях в Думе, «сохранения остатков режима контроля над вооружениями».

Безусловным фактом является то, что, пользуясь его словами, «без СНВ, РСМД будет хуже» [7]. Необходимо прорабатывать пути дальнейшего ядерного разоружения, которые будут востребованы, когда двусторонние отношения улучшатся. Необходимы как возобновление российско-американского диалога, так и расширение процесса ядерного разоружения, с включением в него других стран, в первую очередь Китая, интенсификация мер по предотвращению распространения ядерного оружия, противодействие размещению боевых систем в космосе.

3. Термин, распространенный во второй половине XX в. и применявшийся преимущественно в западном политическом лексиконе для обозначения политики сотрудничества, лояльности и частичных уступок более слабой страны по отношению к соседней сверхдержаве. Его возникновение связано с заключением в 1948 г. советско-финского «Договора о сотрудничестве и взаимной помощи», установившего нейтралитет Финляндии и одновременно подтверждавшего ее статус как капиталистической страны с рыночной экономикой.

* * *

Произошедшее обострение особенно больно для представителей поколения, значительную часть жизни посвятившего сначала «разрядке» и ограничению вооружений, затем «перестройке» и налаживанию новых основ взаимоотношений с миром, а уже в недавние «нулевые» – преодолению враждебности в отношениях с США после грузинского конфликта и поиску совместных ответов на глобальные вызовы. Но конфронтация никому из сторон не идет на пользу и не соответствует интересам ни одной из них. Переговоры, переговоры и переговоры – и долгий путь восстановления отношений и восполнения ущерба, нанесенного противостоянием – вот что предстоит на многие годы и, возможно, десятилетия.

Литература

1. «Диалог во имя будущего», Официальный веб-сайт Фонда Горчакова «Мир и справедливость», 7–13 декабря 2014 г. – <http://gorchakovfund.ru/news/13310/>
2. New York Times, September 27, 2013.
3. «Горбачёв уже не может исключить превращения холодной войны в “горячую”» Interfax. Цитируется по «Ведомости», 29 января 2015 г. – <http://www.vedomosti.ru/politics/news/38797841/gorbachev-uzhe-ne-mozhet-isklyuchit-prevrascheniya-holodnoj>
4. Alexei Arbatov. «Worse Than the Cold War», Eurasia Outlook, Carnegie Moscow Center, September 16, 2014. – <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=56629>
5. Теоретическое обоснование данного подхода см., например, в книге Scholtz, H. and Schimmelfennig, F., 2007. EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood: Conditionality, Economic Development, and Linkage. EUSA Biennial Conference, Montreal, May 2007.
6. BBC News Europe, October 31, 2014. – <http://www.bbc.com/news/world-europe-29793696>
7. Парламентские слушания «Россия – США: Временное обострение или новая «холодная война»?», Государственная дума РФ, 8 декабря 2015.
8. «Холодная война 2.0: В Москве обсудили новый виток противостояния с Западом», Regnum, 12 января 2015 г. – <http://www.regnum.ru/news/polit/1872020.html#ixzz3Q7dl2C9x>
9. Ефременко Д.В. «Смена вех»: Россия и украинский кризис. – «Россия и современный мир». – М.: ИНИОН РАН. – 2014. – № 4.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И.Г. Михайлова

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Михайлова Ирина Геннадьевна – доктор философских наук, член Ассоциации историков искусств и художественных критиков, профессор СПбГУ.

1. Методологический подход к изучению исторического опыта воспроизводства социокультурной динамики российской государственности

Изучение динамики воспроизводства моделей российской государственности в контексте социокультурной динамики потребовало нового методологического подхода к анализу специфики воспроизводства стабильной государственности в условиях отказа от доминирующей в обществе идеологии и доминирующего в коллективном сознании социального идеала с позиций синергетической философии истории. Настоящее исследование, посвященное изучению специфических закономерностей конструктивного и деструктивного опыта воспроизводства моделей российской государственности и формирования ориентирующих их социокультурных идеалов, базируется на методе дуальных оппозиций и законе самоорганизации социальных идеалов [8].

Специфику провозглашенного современной Российской Конституцией идеологического плюрализма, положившего конец единой государственной идеологии, составила интеграция российского общества в глобализационные процессы, под влиянием которых общество, ввергнувшее себя в состояние идеологического хаоса, столкнулось с угрозой частичной или полной утраты национальной и социокультурной идентичности, идеалов и провозглашаемых ими ценностей и последующей трансформации в социокультурную колонию мощных мировых держав с присущей им идеологической установкой [5, с. 356]. Именно поэтому степень адекватности представлений членов общества об объективной сущности глобализационных процессов и их влиянии на интегрирующееся в них российское государство определяет специфику

нового социального идеала, формирующегося в недрах пятой модели российской государственности [2].

2. Специфика воспроизводства моделей российской государственности

Результаты предпринятого нами анализа специфики воспроизводства моделей российской государственности позволили выявить три типа социокультурного воспроизводства: *статичное, конструктивно-динамичное и деконструктивное*.

• Статичное воспроизводство

Предполагает воспроизводство социокультурного опыта и традиционной эмоциональной доминанты социальных отношений на неизменном уровне и ориентировано на традиционные идеалы посредством выбора освоенных альтернативных решений, адаптации к формирующимся условиям, которые рассматриваются как объективно заданные субъектам воспроизводственного процесса. Воспроизводственная активность такого типа противостоит инновациям, противоречащим принятым в этом обществе поведенческим стереотипам, а неприятие инноваций определяется неспособностью членов сообщества оценить их конструктивный смысл. Характерный для традиционных цивилизаций (как сообществ с низким уровнем развития рефлексивных способностей их членов) статичный тип воспроизводства является мощным фактором торможения саморазвития социального субъекта, поскольку признаваемые таким обществом инновации редуцируются к формальной модернизации, неизбежно трансформирующейся в «традиционализирующую модернизацию», использующую инновации только для воспроизводства традиции.

• Конструктивно-динамичное воспроизводство

Предполагает интенсификацию воспроизводственной активности и развитие инноваций в качестве важнейшей ценности, обеспечивающей опережающее развитие культуры по сравнению с историческим опытом. Специфика такого типа воспроизводства определяется спецификой соответствующей ему культуры, обусловленной ориентирующими социокультурными идеалами, позволяющими уже в недрах статичного типа генерировать эмбрион качественно новой, нетрадиционной, либеральной суперцивилизации, ориентированной на контридеал нелиберального человека [3, с. 56].

• Деконструктивное воспроизводство

Ориентированное на антиидеалы и провозглашаемые ими антиценности, характеризуется не только недостаточным развитием способности субъектов воспроизводственного процесса к преодолению внутренних и внешних противоречий и их своевременной профилактике, но и ярко выраженной тенден-

цией к минимизации уровня интенсивности воспроизводства и росту деконструктивных инноваций в культуре. Специфика этого типа определяется спецификой деструкции культурных смыслов, свидетельствующей об отставании культуры субъектов воспроизводственной деятельности от уровня усложняющегося воспроизводства накопленного культурного опыта и социальных отношений. Социокультурное противоречие, генерируемое деконструктивным воспроизводством, отличается дуальной природой: с одной стороны, оно выступает как конструктивный, динамический фактор общественного развития, ориентированный на социокультурные идеалы, а с другой – как деструктивный, энтропийный механизм, ориентированный на антиидеалы и антикультуру.

Играя созидательную роль посредством ориентации субъектов на культивирование их способности к противостоянию энтропийным процессам, дезорганизации и хаосу, деконструктивная напряженность в то же время генерирует раскол, трансформируясь в разрушительный механизм, вследствие утраты субъектами воспроизводственного процесса присущей им способности удерживать дезорганизацию на некотором допустимом уровне, не нарушающем единство сообщества и сохраняющем его интеграцию. И хотя эмбрион раскола начал развиваться еще в недрах первой, соборной модели российской государственности, мы не рассматриваем явление раскола ни как неотъемлемую составляющую традиционной русской культуры, ни как цивилизационное качество российской государственности. Мы предлагаем переосмыслить проблему раскола с позиций синергетического историзма, как проблему формирования способности субъектов воспроизводственного процесса к генерированию и воспроизводству функционального порядка, адекватного социокультурным потребностям общества. Проблема приобретает все большую актуальность в условиях, когда нормой становится извращенная форма порядка, смещенная либо к полюсу культа свободы (с присущими ему анархией и дезорганизацией), либо к полюсу культа ответственности (с присущей ему репрессивной формой саморазрушающегося порядка). Субъект воспроизводственного процесса, оказавшийся в условиях расколотого общества и вынужденный адаптироваться к ним, чтобы выжить, попадает в межполюсное пространство дуальной оппозиции «конструктивная напряженность – деконструктивная напряженность», которая формирует его поведенческие стереотипы, характеризующиеся дуальной, конструктивной и деконструктивной природой. Подобная ситуация вынуждает субъекта культурного процесса к поиску индивидуальной меры синтеза свободы и ответственности, способной обеспечить ему воспроизводство его ментальной активности в дезорганизованном социокультурном пространстве. Тем самым, достигаемая им мера синтеза свободы и ответственности изначально предусматривает нарушение традиционных этических и правовых норм. И по-

сколько контрэтические нормы находятся еще в стадии своего эмбрионального развития, пятая, гибридная модель российской государственности, провоцирует субъектов воспроизводственной деятельности к нарушению закона и этических норм, следствием чего становится, с одной стороны, утрата членами сообщества понятия «отклонение от общественных и правовых норм», а с другой – отождествление понятий «выживание» и «нарушение правопорядка» вследствие конфликта императивов жизнеобеспечения с этическими правовыми императивами.

3. Исторический опыт воспроизводства моделей российской государственности и его уроки

Результаты предпринятого нами детального анализа динамики воспроизводства российской государственности [4, с. 455] свидетельствовали о том, что первая, соборная модель российской (Киевской) государственности, характеризовалась воспроизводством дуальной оппозиции, один полюс которой был ориентирован на соборный идеал, воплощаемый Всенародным вече, а другой – на авторитарный, воплощаемый княжеской властью. Традиционный, соборный идеал, в качестве носителя локализма ориентировавший традиционное общество на политику интеграции посредством эмоциональной доминанты социальных отношений, создавал предпосылки для последующего раскола общества на регионы, страты и группы, насаждая статичное воспроизводство, препятствующее процессу интенсификации и несущее серьезную угрозу выбросов эмоциональной агрессивности в отношении членов других локальных сообществ внутри государства. Это, в частности, объясняет что сформировавшаяся на Руси первая модель государственности оказалась не в состоянии обеспечить интеграцию большого общества из-за низкого уровня рефлексии его членов, не готовых к воспроизводству подобной интеграции. Распад этой первой модели в 1132 г. обусловил первую в российской истории национальную катастрофу [7, с. 25–26].

Вторая, авторитарная модель российской (Московской) государственности, восходила к периоду правления Ивана I Калиты (1328–1341), который экстраполировал авторитарные принципы, присущие княжескому уделу, на государство. Эта вторая модель была ориентирована на авторитарный идеал, с одной стороны, насаждавший политику поиска дополнительных территориальных и человеческих ресурсов посредством военной экспансии, а с другой – требовавший преодоления локализма и перехода от эмоциональной доминанты социальных отношений к абстрактно-интеллектуальной. Однако присущее этой модели динамичное воспроизводство, нацеленное на развитие инноваций, противоречило требованиям авторитарного идеала, который, вследствие своей производной от синкретического вечевого идеала природы,

ориентированной на статичное воспроизводство, в то же время служил серьезным препятствующим фактором на пути реализации конструктивных творческих инноваций.

Несостоятельность второй, авторитарной модели российской государственности, оказавшейся не готовой к воспроизводству феодальной договорно-правовой системы, со всей очевидностью проявилась в процессе решения проблем формирования профессионального бюрократического аппарата и юридического оформления прав на частную собственность. Московская однополюсная («отцовская») модель государственности не справилась с задачей обеспечения консолидации общества на основе религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы, что послужило одной из основных причин Смуты (вследствие угасания династии Рюриковичей после смерти Фёдора Иоанновича, не оставившего наследников), окончательно подорвавшей устои авторитарной Московской государственности и не только ознаменовавшей вторую в российской истории национальную катастрофу, но и заложившей тенденции дальнейшего развития третьей модели, эмбрион которой начал формироваться еще в недрах распадающейся Московской государственности [7, с. 26–29].

Третья, самодержавно-милитаристская модель российской (Романовской) государственности, характеризовалась воспроизводством дуальной оппозиции, один полюс которой провозглашал принцип самодержавной власти, ориентированной на единоначалие, а другой – коллегиальный принцип управления, реализуемый посредством привлечения аристократии и призванный гарантировать защиту от самодержавного произвола. Однако заложенный в основу третьей модели авторитарный идеал воспрепятствовал сосуществованию нескольких субъектов и обеспечению правового регулирования отношений между ними, перекрыв этой модели еще на стадии ее эмбрионального развития конструктивный путь к воспроизводству правового порядка. Замена религиозной составляющей авторитарного идеала утилитарной хоть и способствовала подрыву нерасчлененной целостности культурных стереотипов, насаждала тем не менее альтернативный выбор деконструктивного пути огосударствления частных интересов, которое препятствовало не только управлению ими с помощью закона, но и развитию у членов сообщества государственной ответственности. Насаждая путь экстенсивной (а не интенсивной) модернизации, реализуемой государством милитаристской (а не капиталистической) индустриализации, ориентированной на заимствование западноевропейских инноваций без соответствующего развития способности членов сообщества к осмыслению потребности в их воспроизводстве, государственный утилитаризм препятствовал обеспечению внедряемых инноваций человеческими ресурсами.

Авторитарно-либеральный идеал, который воспроизводился третьей моделью самодержавной государственности, способствовал трансформации народного полюса власти (в соответствии с принципом демилитаризации) в придаток однополюсной модели (в соответствии с принципом самодержавия) посредством делегирования сословиям дворянства и городских мещан прав самоуправления и самоорганизации. Специфика демилитаризованной государственности определялась условностью закона, имитация которого выражалась в локальной избирательности права, препятствовавшей утверждению принципа законности в качестве универсального регулятора, который бы обеспечивал формирование у членов сообщества соответствующего уровня правосознания. Синтез авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих авторитарно-либерального идеала обеспечивал верховную власть гарантией привилегий неограниченности, которые лишали принцип законности его универсального значения, превращая коррупцию дворянской бюрократии в сопутствующий фактор воспроизводства стабильной государственности. Тем самым, авторитарно-либеральный идеал насаждал не менее уродливый синтез воспроизводства статичного (крепостная система), динамичного (ориентация на инновации, не обеспеченные человеческими ресурсами) и деконструктивного (имитация закона вследствие отрицания универсального принципа законности в качестве правового регулятора воспроизводственных отношений). Эта третья модель российской государственности не замедлила продемонстрировать свою несостоятельность уже в начале радикальных преобразований Александра II, направленных на переход к универсальным принципам законности и права, вследствие социокультурных противоречий, обусловленных дуальной оппозицией, один полюс которой был ориентирован на либеральную европейскую культуру, другой – на воспроизводство общинно-вечевой культуры, а межполюсное пространство – на компромисс с целью устранения нависшей угрозы протеста низших сословий и интеллектуальной элиты (интеллигенции) против самодержавной политики консервативной стабилизации. Окончательному распаду этой модели способствовало ограничение процесса ее самовоспроизводства условием подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, которое ознаменовало третью российскую национальную катастрофу [7, с. 28–30].

Четвертая, тоталитарная модель российской (советской) государственности, начавшая формироваться в недрах третьей, самодержавной модели, была изначально ориентирована на расторжение политической связи с доминировавшей в обществе догосударственной культурой и ее идеалами. Эта модель предполагала самовоспроизводство в соответствии с требованиями тоталитарного идеала, продуцировавшего синтез статичного, динамичного и деконструктивного воспроизводств в условиях сакрализации гиперлидера,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

власть которого не подчинялась закону и не легитимизовалась ни именем Бога, ни принадлежностью к монархической династии. Заимствование универсальных юридически-правовых абстракций второго осевого времени позволяло, с одной стороны, провозглашать равенство членов сообщества перед законом и их равные социальные и политические права, а с другой – ограничивать юридический универсализм таким образом, чтобы он не распространялся на коммунистическую партию и ее вождя, наделенного неотчуждаемым правом быть освобожденным от всех государственных постов. Возведение гиперидеала в ранг всеобщего исторического закона гарантировало юридически надзаконной власти коммунистической партии конституционный статус, а насаждаемая тоталитарным идеалом надконфессиональная и надэтническая идентичность обеспечивала воспроизводство надконфессиональной коллективной и наднациональной (надэтнической) идентичности. В качестве производного авторитарного идеала, составлявшего основу тоталитарной модели государственности, гиперидеал декларировал абсолютизацию относительного (частночеловеческого) идеала посредством передачи ему качеств абсолютного и гарантии его реализации в обозримом будущем. Подобная абсолютизация относительного идеала способствовала отождествлению утилитарного (политического) и духовного (эстетического) идеалов, активизируя процессы политизации культуры и эстетизации политической деятельности. Распаду четвертой, тоталитарной модели советской государственности и свержению четвертой в России национальной катастрофы способствовала утрата актуальности сакральными методами легитимации институтов власти. Двойной синтез принципов коллективного и авторитарного руководства, с одной стороны, и составляющих утилитарного и социалистического идеалов – с другой, объяснялся потребностью в моделировании аналога модели западного общества массового потребления. Крах четвертой модели российской государственности обусловил выбор Россией реформаторского (по сравнению с административно-командным) пути, ориентированного на синтез советского социализма с демократией и правовой государственностью [7, с. 30–32].

Пятая, гибридная модель российской государственности, с присущей ей имитацией процедуры всеобщего представительства, стала производным синтеза советских методов правовых имитаций с демократией и правовой государственностью. После краха коммунистического пути цивилизационного самоопределения, эта модель может рассматриваться в качестве переходной в межполюсном пространстве кардинальной дуальной оппозиции «традиционная суперцивилизация – либеральная суперцивилизация».

Прототипами пятой модели служили Новгородская и Галицко-Волынская олигархо-демократические двухполюсные модели [1, с. 110–111]. Однако, в отличие от пятой, двухполюсной модели, ориентированной, с одной стороны,

на авторитарный идеал, а с другой – на либерально-демократический идеал, Новгородская и Галицко-Волынская модели ориентировались на соборно-вечевой идеал, олицетворяемый Всенародным вече, с одной стороны, и на авторитарный идеал, воплощаемый княжеской властью, – с другой. Специфическую особенность всех этих моделей составляет третий фокус, который формируется в межполюсном пространстве дуальной оппозиции «вечевой / либерально-демократический идеал – авторитарный идеал», в качестве представителей немногочисленной группы олигархов, при политически и экономически бессильном авторитарном полюсе (централизованной власти) получающих возможность манипулировать демократическими институтами в своих (частных) интересах, подрывающих интеграцию большого общества (государства). И поскольку частные интересы олигархов, ориентированных на утилитарные идеалы, вступают в ожесточенную борьбу (что в условиях воспроизводства олигархического управления неизбежно даже в том случае, если оно легитимируется демократическими институтами в виде коллегияльных органов управления, подобных всенародному вече или парламенту с присущими им методами принятия решений), политическая консолидация может достигаться только посредством идеи сохранения национальной и цивилизационной идентичности, объединяющей все слои и страсти расколотого общества в условиях формальной внутренней интеграции. Тем самым, к конструктивному воспроизводству такие модели оппозиционирования двух политических субъектов не готовы уже вследствие изначально заложенной в их основе максимальной автономии при слабом государственной центре.

Вследствие утраты актуальности либеральным, тоталитарным и анархистским идеалами производным нового либерального синтеза в российских условиях, согласно концепции синергетического историзма, становится идеал неолиберального человека, адаптированный к новым социальным условиям и гарантирующий воспроизводство качественно новой модели стабильной государственности. Специфика этого либерального (оптималистского) идеала, обусловленная социальной ролью демократического государства, нацеленного, с одной стороны, на принцип защиты прав и свобод каждого гражданина (принцип индивидуализма), а с другой – на принцип социальной справедливости в отношении всех граждан (принцип коллективизма) [6, с. 422–423], определяется следующими факторами.

– Реализацией принципа конструктивной духовности, ориентированного на создание оптимальных условий для духовного творчества членов сообщества на пути к общечеловеческому, глобальному идеалу с целью конструктивного воспроизводства провозглашаемых им общечеловеческих ценностей.

– Реализацией принципов индивидуализма (в соответствии с требованием обеспечения максимальной свободы самоопределения членов сообщества) и коллективизма (в соответствии с требованием обеспечения максимальной ответственности членов сообщества за преодоление негативных последствий обусловленного свободой социального неравенства) посредством экономических (а не административно-командных) методов.

– Достижением меры синтеза прав и обязанностей (свободы и ответственности), предполагающей учет принципа конвергенции обязательств, принимаемых членами сообщества, в форме отказа от любых обязательств, которые препятствуют исполнению ими других обязательств, исключают воспроизводство их прав или ущемляют права других членов сообщества [3, с. 56–59].

4. Заключение

Предлагаемый с позиций синергетической философии истории подход к изучению исторического опыта воспроизводства социокультурной динамики российской государственности и специфических закономерностей формирования нового либерального российского идеала последовательно демократического общества позволил нам сделать выводы, имеющие важное методологическое значение для исследования механизмов воспроизводства моделей государственности и ориентирующих их социокультурных идеалов, определяющих пути цивилизационного самоопределения.

1. Результаты предпринятого нами анализа специфической природы социокультурных противоречий, характеризующих пятую модель российской государственности, подтвердили гипотезу о том, что основной причиной практического бездействия воспроизводимых ею механизмов контроля служат социокультурные противоречия, обусловленные трансформацией социокультурных стереотипов (эффективных только в условиях воспроизводства традиционной культуры) в деконструктивные. Производным ожесточенной борьбы социокультурных идеалов и уродливого синтеза светской и духовной идеологий служит социальная патология, причины которой заключаются, с одной стороны, в катастрофическом снижении способности членов российского сообщества к конструктивному воспроизводству необходимого минимума ресурсов для обеспечения оптимальных условий выживания и предотвращения роста социальной энтропии, а с другой – в чудовищном росте диспропорций административной структуры, утратившей свою производственную способность и подменившей содержание производственной деятельности выхолащивающими ее актами, позволяющими утверждать одни формы деятельности не только за счет других форм, но и в ущерб экономическому и культурному развитию общества в целом.

2. Прослеживаемая неспособность пятой, олигархо-демократической модели российской государственности к противостоянию деструктивным процессам, которые достигли уровня, угрожающего не только отрицанием социокультурного закона, разрушением национальной и цивилизационной идентичности, но и пятой национальной катастрофой, ставит российское общество перед решением фундаментальной проблемы генерирования и воспроизводства социального порядка. Актуальность этой проблемы возрастает по мере возникновения опасных тенденций к воспроизводству социального порядка посредством возврата к освоенной в условиях советской модели государственности тоталитарной форме «Большого террора».

3. Поскольку большое общество (государство) воспроизводит себя в постоянном поиске меры синтеза логических полюсов абсолютного порядка (культ ответственности) и хаоса (культ свободы), оно подвергается риску социокультурного раскола, специфика которого определяется дуальной природой конструктивной напряженности, позволяющей конструктивному фактору ее динамики трансформироваться в механизм самодеструкции, провоцирующий членов расколотого сообщества, ориентированных на оппозиционные социокультурные идеалы (или антиидеалы), к саморазрушительной борьбе друг с другом. Одной из основных причин такого раскола, согласно концепции синергетического историзма, служит самодостаточность составляющих социального субъекта (в особенности, элементов олигархических структур), не заинтересованных ни в конструктивном воспроизводстве, ни в обеспечении интеграции общества.

4. Дифференциация культуры, социальных связей и политических структур, в качестве неотъемлемой составляющей динамического процесса развития пятой модели российской государственности, не обеспеченной ни этической (идеологической), ни правовой, ни культурной формами легитимации, вряд ли могла не стать источником постоянных конфликтов. Поляризованная российская культура, искусственно лишенная промежуточных форм, наполняющих и структурирующих социокультурное пространство российской государственности, предопределила ожесточенный социокультурный конфликт, обострившийся до угрозы саморазрушения инкорпорированных в него составляющих социального субъекта. И хотя подобный конфликт может быть присущ любому, даже самому модернизированному обществу (в качестве производного синтеза традиционной и прогрессивной составляющих его культуры), в пятой модели российской государственности он не только глобализовался, но и в ходе своего самовоспроизводства генерировал социальную патологию в виде некоторого функционирующего механизма дезорганизации (хаоса), разрушающего сообщество. Производным подобного конфликта послужила инкорпорированность всего сообщества (с присущими ему культурой, социальными отношениями и управлением) в его глобальное

антисоциокультурное пространство, генерирующее тенденции к выбору деконструктивного пути цивилизационного самоопределения.

5. В условиях синтеза традиционной и либеральной суперцивилизаций, с присущим ему уродливым сплавом статичного и деконструктивного воспроизводства, конструктивные прогрессивные тенденции оказались не в состоянии справиться с двухфокусной структурой государственного и олигархического управления, обеспечить поступательное движение и воспроизвести объективно необходимое культурно-нравственное основание, без которого немыслима современная либеральная цивилизация, ориентированная на либеральный идеал.

6. Стремление пятой модели российской государственности к обеспечению консолидации расколотого общества на основе новой религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы, демонстрирует свою очевидную несостоятельность в условиях затяжных локальных войн (уроки второй, авторитарной Московской государственности).

7. Прослеживаемые тенденции пятой модели российской государственности к выбору альтернативного пути самовоспроизводства посредством подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, с одной стороны, и синтеза его авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих – с другой, подтверждают свою несостоятельность в условиях постоянно углубляющегося раскола большого общества (уроки третьей, самодержавной российской государственности).

8. Стремление к ограничению авторитарной власти конституционными законами обуславливает сохранение условности закона, имитация которого выражается в локальном избирательном праве, препятствующем воспроизводству принципа законности в качестве универсального регулятора, обеспечивающего соответствующий уровень правосознания членов сообщества. Синтез авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих авторитарно-либерального идеала лишают принцип законности его универсального значения, трансформируя коррупцию административной бюрократии в неизбежный сопутствующий фактор воспроизводства пятой модели российской государственности.

9. Конструктивное воспроизводство шестой, гипотетической, оптимальной модели российской государственности предполагает ориентацию на новый либеральный российский контридеал и базируется, согласно концепции синергетического историзма, на двух фундаментальных принципах последовательно демократического общества.

– Принцип синтеза свободы и ответственности (прав и обязанностей), исключаящий как односторонний культ свободы (доминанты прав над обязанностями), характеризующий ментальную активность членов общества

массового потребления, так и односторонний культ ответственности, характеризующий ментальную активность членов тоталитарного общества.

– Принцип доминанты духовных идеалов и провозглашаемых ими ценностей над утилитарными и их трансформации в главный стратегический ориентир глобального общества, предполагающий подход к утилитарным ценностям не как к цели, но как к инструменту для формирования новых духовных ценностей и воспроизводства накопленного социокультурного опыта.

Литература

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: Конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2005. – С. 110–111.
2. Бранский В.П. Глобализация и формирование нового российского идеала // *Цивилизация: Вызовы современности*. Сб. статей под ред. М.С. Уварова. – СПб.: Изд-во СПб. университета, 2009. – С. 143–162.
3. Бранский В.П., Михайлова И.Г. Самоорганизация в социокультурной динамике воспроизводства российской ментальности // *Мир психологии*. – 2011. – № 92. – С. 56.
4. Михайлова И.Г. Динамика воспроизводства российской государственности и ее взаимообусловленность спецификой российской ментальности // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 5. Ч. I. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 455.
5. Михайлова И.Г. Социокультурная динамика воспроизводства российской ментальности и новый российский либеральный идеал // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 7. Ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 356.
6. Михайлова И.Г. Специфика российской ментальности: Идеалы и их роль в социокультурной динамике российского общества // *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 4. Ч. I. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 422–423.
7. Михайлова И.Г. Российская государственность: Социокультурная динамика прорывов и катастроф // *Философские исследования*. – 2009. – № 3–4. – С. 25–26.
8. Синергетическая философия истории: Коллективная монография под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань, 2009. – С. 93–113.

Е.Я. Виттенберг

**РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института социологии РАН,
профессор РГГУ.

Проблемы социальной ответственности власти (СОВ) (в данной статье рассматривается социальная ответственность государственной власти) на протяжении более чем десяти веков существования российской государственности, на наш взгляд, отечественными историками недостаточно изучены. Не получили они исчерпывающего анализа и в работах, посвященных кратологии [18]. Нам удалось найти лишь несколько небольших работ, в которых бы политика власти рассматривалась именно под углом зрения ее социальной ответственности [10; 13]¹. В то же время общие оценки социальной политики власти в целом и деяний ее отдельных представителей содержатся в трудах многих российских ученых [2; 4; 5; 7; 8; 9; 12; 14; 16; 17].

В определенной мере все это связано с тем, что собственно понятие «социальная ответственность власти» появилось лишь в конце XX в. Однако отсутствие понятия СОВ вовсе не означало отсутствие этого исторического феномена. Ответственность власти перед обществом за результаты ее деятельности во всех сферах общественной жизни возникает, по сути, одновременно с самой государственной властью и в ходе исторического процесса оба феномена развиваются и наполняются новым содержанием; возникают механизмы контроля со стороны общества за властью, технологии ее смены и т.д. При этом сразу отметим, что исторический процесс становления социальной

1. Автор отдает себе отчет в том, что тема социальной ответственности власти является многоаспектной и не может быть исследована в одной статье, а этой публикацией он ставит перед собой цель, помимо изложения собственной концепции СОВ, привлечь внимание историков, экономистов, юристов, политологов к ее изучению.

ответственности власти в России был чрезвычайно сложным, не однонаправленным и до сих пор не завершен.

Кроме того, следует признать, что оценка степени ответственности деятельности тех или иных российских правителей или институтов власти с позиций сегодняшнего дня достаточно условна, ибо, как правило, трудно представить исторический контекст во всей полноте и оценить всю совокупность объективных и субъективных обстоятельств, в которых принимались те или иные решения даже 50 лет тому назад, не говоря уже о событиях многовековой давности.

Разумеется, было бы неверным и подходить к историческому феномену СОВ исключительно с позиций XXI в., в котором уже существуют развитые демократии и механизмы объективной оценки СОВ и контроля общества за властью.

Представляется целесообразным руководствоваться тремя основными критериями для оценки степени социальной ответственности или безответственности власти в прошлом.

1. Анализ социальной ответственности власти и технологий ее реализации будет (по мере возможности) производиться с учетом исторического контекста, в котором она осуществляла свои властные функции.

2. Основным критерием оценки социальной ответственности или безответственности власти явится анализ конечных результатов и последствий тех или иных ее решений, т.е. в какой степени они содействовали или, наоборот, препятствовали прогрессу страны, а также народосбережению и росту благосостояния населения.

3. Важным показателем степени ответственности деяний власти будет анализ того, какой ценой была достигнута та или иная социальная, экономическая или политическая цель. Это позволит понять, насколько рационально были использованы человеческие и материальные ресурсы для ее достижения.

Известно, что в период генезиса Российского государства (IX–XII вв.), когда закладывался фундамент системы взаимоотношений между властью и обществом, институт СОВ не был предусмотрен, поскольку князья, происходившие из рода Рюриков, имели наследственную власть и де-юре были неподконтрольны обществу.

Формулу власти в этот период сформулировал Юрий Долгорукий (1090–1157), который говорил племяннику Изяславу: «Ты владей Киевом спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому» [17, кн. II, т. 3, с. 9]. Тем не менее и великие киевские князья, и удельные князья, имевшие большую, но не абсолютную власть, вынуждены были в этот период считаться со своим боярским окружением, с церковными иерархами, с дружиной, с посадским населением городов и де-факто несли определенную

меру ответственности за свою социальную политику перед ними. Важно отметить, что вопрос об ответственности власти перед обществом ставился уже в период становления русского государства. Так, в философско-религиозном произведении «Слово о законе и благодати», написанном митрополитом Илларионом в середине XI в., была впервые сформулирована в самом общем плане идея ответственности князя перед подданными. По мнению Иллариона, князь, несмотря на божественное происхождение его власти, обязан «без блаза (искушения) же перед Богом данные ему люди управившу», ибо он несет ответственность «за труд паствы людий его» [6].

Более того, князя, совершившие безответственные поступки или преступления по отношению к подданным, могли быть наказаны. Наиболее распространенной формой наказания князей служило отнятие волостей, на которые они были посажены. Важно отметить, что князья в этот период еще могли подвергаться суду, но при этом они требовали, чтобы их судили им подобные. Так, в ответ на приглашение братьев в Киев: «Приезжай, посветуемся о русской земле пред епископами, игуменами, пред мужами отцов наших и пред людьми городскими», князь Олег Святославович (1052–1115) отвечает: «Неприлично судить меня епископу, либо игуменам, либо смердам» [17, кн. II, т. 3, с. 9].

Уже в Киевской Руси князья стремились к расширению своих властных функций. При этом чем больше власти они получали, тем меньше они были готовы нести ответственность перед народом и даже перед правящим классом. Шел постепенный процесс эмансипации правителей от ответственности за социальную политику и ее последствия не только от низших, но и в определенной мере от высших слоев общества, хотя этот исторический тренд был длительным и не всегда однонаправленным.

Несколько по-другому выглядело положение дел с СОВ в Пскове и Новгороде, где существовал такой известный институт демократии, как народное вече. Вече обладало широкими полномочиями: объявляло войны, заключало мир, принимало законы, формулировало «приговоры» по управлению, призывало на княжение, избирало владык, определяло торговые правила, исполняло судебные функции и т.д.

Ответственность князей перед вече была реальной, а нередко, учитывая нравы Средневековья, весьма суровой. И князь или другой высокопоставленный чиновник, включая церковных иерархов, по мнению вече, плохо выполнявшие свои функции (проиграл битву, оказался предателем, ввел незаконные налоги, был уличен в воровстве и т.д.), мог быть, по его решению, наказан. Среди тогдашних форм наказания представителей власти, включая князя, были следующие: денежный штраф, изгнание из города, сбрасывание в реку с моста и, наконец, смертная казнь.

Что касается ответственности власти перед низшими слоями общества, то она в тех условиях должна была проявляться в защите населения от внешних врагов, в налоговой политике, не разорявшей народ непосильными податями, в помощи населению во время стихийных бедствий и т.д. И все эти явления в политике многих князей присутствовали.

Более того, после принятия христианства князья стали уделять значительное внимание социальным вопросам и нередко из собственных средств поддерживали незащищенных представителей общества: сирот, вдов, калек и больных. Среди них выделялся благотворительностью Владимир Святославович (Владимир Святой – ок. 960–1015). Уставом 966 г. он официально вменил в обязанность духовенству заниматься общественным призрением, определив десятину на содержание монастырей, церквей, богаделен и больниц, а также требовал, чтобы «нищие приходяще на двор его во вся дни и принимаху, кто чего требоваша; а недужным, не могущим ходить, повеле слугам, да в дом приносят им» [11, с. 49].

До наших дней дошло много фактов, свидетельствующих о «нищелюбии» Ярослава Мудрого. Особенно важно отметить то, что в первом своде законов «Русская Правда», подготовленном при нем, были заложены основы социальной политики и содержались статьи социальной направленности (только проблемам детской защищенности было посвящено восемь статей), что было нехарактерно для государств Европы.

Еще одним великим князем, активно демонстрировавшим «нищелюбие», был Андрей Боголюбский (княжение в 1157–1174). В одной из летописей так описываются его социальные деяния: «Веляшет по вся дни возити по городу брашно и питие разноличное больным и нищим на потребу» [11, с. 85].

Как социально ответственный князь вошел в историю и Александр Невский (1221–1263). Н.М. Карамзин писал о нем следующее: «...Александр же мог добродетелями своими только облегчить жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказывали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства...» [7, с. 116].

В последующее время в результате завершения процесса объединения княжеств в одном государстве в XVI в. возникла новая историческая парадигма под знаком укрепления власти московских царей. Однако московские цари делили власть и ответственность с такими институтами, как боярская дума и земский собор, что, в условиях отсутствия разграничения функций этих трех институтов, порой создавало неразбериху в принятии и исполнении решений. И именно тогда, видимо, закладывались основы дублирования одних и тех же функций в деятельности разных институтов власти и основы коллективной безответственности, которой российская бюрократическая машина страдает до сих пор.

Совершая безответственные поступки, а то и преступления, российские цари часто полностью игнорировали общественное мнение. Необходимость правителей считаться с обществом, в большей или меньшей степени осознававшаяся в западных странах, даже в условиях абсолютных монархий, многими российскими царями не только никогда не воспринималась как осознанная необходимость, но более того – презиравалась. Так, например, Иван Грозный, сватавшийся к английской королеве, собиравшейся посоветоваться с окружением по этому поводу, писал, что считает «ее власть ненастоящей, коли она зависит от мужицкого мнения».

Вместе с тем, исследуя деятельность даже такого царя, как Иван Грозный, нельзя забывать о том, что оценка его политики взаимодействия с обществом не может быть однозначной во всех аспектах, и в период его правления были позитивные моменты. Так, при нем начался созыв земских соборов, а также проведена военная реформа, реформа судебной системы и государственного управления, принят Судебник 1550 г., а одной из целей Губной и Земской реформ было внедрение элементов самоуправления на местном уровне, т.е. элементов гражданского общества.

Начало XVIII в. ознаменовалось активной реформаторской деятельностью Петра I, целью которой была модернизация страны и направление ее развития в общеевропейское русло. За время его правления были осуществлены серьезные реформы, придавшие общественной жизни некое новое качество: военная реформа, реформа финансовой системы, административная реформа, заложены основы системы образования. В 1712 г. Пётр подписал указ, положивший начало отечественному здравоохранению – «Об учреждении во всех губерниях гошпиталей... для самых увечных, таких, которые ничем работать не смогут, ни стеречь, также и зело престарелых...»².

Важно отдельно отметить, что Пётр способствовал развитию эмбрионов самоуправления и гражданского общества. На низовом уровне сами граждане несли ответственность за многие направления своей деятельности. При Петре начался процесс формирования ответственной личности в европейском ее понимании практически во всех сословиях общества. Так, карьера и благосостояние подданных стали определяться уже не только происхождением, но и способностями человека и его усердием в служении Отечеству. Власть при Петре была, безусловно, ответственной перед будущими поколениями, ибо плодами его реформ в полной мере пользовались потомки.

При Петре I было покончено с неким размазыванием власти по нескольким органам и неопределенностью властных функций и ответственности.

2. «*INFOBLAGO.RU – главный интернет-ресурс российской благотворительности*».

В итоге была выстроена жесткая бюрократическая властная вертикаль органов исполнительной власти, полностью подчиненная царю и ответственная исключительно перед ним. Можно сказать, что административные реформы Петра положили начало формированию и разделению функций и ответственности законодательной, исполнительной и судебной властей. Так, носителем законодательной власти выступал сам Пётр. За время своего правления Петром была проделана гигантская законодательная работа и, по подсчетам Ключевского, им было подписано около 2500 законов, указов, инструкций и т.д. [9, IV, с. 56].

В то же время Пётр I делегировал часть своих полномочий Сенату, возложив на его членов персональную ответственность. Однако эта ответственность была опять-таки ответственностью не перед обществом, а лишь перед самим Петром.

Россия в эпоху Петра качественно преобразилась и превратилась из архаичного в современное по тем временам мощное государство. Но была ли политика Петра во всех ее аспектах социально ответственной? Ответ на этот вопрос будет не столь однозначным, как может показаться на первый взгляд. Если рассматривать его деятельность с точки зрения целей и результатов, то ответ на него будет, в целом, положительным. Но если поставить вопрос о цене, которую пришлось заплатить подданным за его реформы, то окажется, что эта цена, по печальной российской традиции, была чрезвычайно высокой. Это и сотни тысяч человеческих жизней, и жесточайший налоговый гнет, буквально разорявший население, и часто неоправданная жестокость при подавлении любого противодействия реформам.

Будучи ориентированным на европейские ценности того времени, Пётр тем не менее не принял главного ответственного решения в своей реформаторской деятельности, а именно: не отменил крепостного права, что существенно снизило социальный эффект его реформ. Сохранение крепостного права породило противоречие между его реформами, требовавшими для их осуществления самостоятельных и ответственных граждан, и нахождением в статусе рабов большинства населения страны. Ведь даже на современных по тому времени производствах трудились крепостные, что неминуемо негативно отражалось на производительности их труда.

Более того, при Петре была осуществлена податная реформа, окончательно прикрепившая крестьян к земле. Вместе с тем Пётр несколько смягчил некоторые аспекты крепостного права. Так, было ограничено вмешательство помещиков в заключение браков крепостных, принят закон, запрещающий разбивать семьи при продаже крепостных. Он также открыл некоторые возможности для обучения крепостных, и даже у холопов появились возможности сделать военную карьеру. Им была предоставлена возможность записываться в солдаты, что освобождало их от крепостной зависимости. Однако

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

все это были паллиативные решения, и на основы крепостничества Пётр так и не рискнул посягнуть.

А между тем в передовых странах Европы, в которых Пётр неоднократно бывал и учился, уже крепостное право было отменено, что дало мощный импульс развитию производительных сил³.

С Петра I в России наступил период абсолютной монархии, продолжавшийся с теми или иными нюансами до октября 1917 г. И русские цари вслед за Людовиком XIV могли на протяжении двух веков смело говорить: «Государство – это я». Однако это своеволие власти также имеет предел, поскольку она наряду с собственными интересами выражает и защищает интересы тех слоев общества, на которые опирается. Любая власть, даже деспотическая, не может быть полностью эмансипированной от общества, в котором функционирует и которым управляет.

В послепетровское время смена власти в России, как правило, осуществлялась незаконными насильственными методами, и в этот период говорить о социальной ответственности власти не приходилось, поскольку государственные дела нередко вершили безответственные временщики и различного рода проходимцы и авантюристы.

Приход в 1762 г. после череды переворотов Екатерины II, казалось бы, открыл перед Россией очередной раз перспективы дальнейшей ускоренной европизации. Эти перспективы были связаны с тем, что на престол взошла образованная женщина, хорошо знакомая с передовыми либеральными идеями своего времени. «Я желаю, я хочу лишь добра стране, куда Бог меня привел, – писала она, – слава страны – моя собственная слава; вот мой принцип; была бы очень счастлива, если бы мои идеи могли этому способствовать. Я хочу, чтобы слова и подданные были богаты, – вот принцип от которого я отправляюсь. Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным; этого легко достигнуть: примите за правило ваших действий, ваших уставов благо народа и справедливость, неразлучные

3. Так, уже в XIV в. после восстания Уота Тайлера (1381) в Англии практически повсеместно произошло освобождение крестьян от личной крепостной зависимости и замена ее поземельной.

В XV в. с крепостным правом было покончено и в Испании. Результатом мощного народного восстания в Каталонии в конце XV в. стало подписание королем Фердинандом «Гвадалупской сентенции» (1486), окончательно отменявшей на условиях денежного выкупа все формы личной зависимости крестьянина от феодала по всей Испании.

В Голландии, где крепостное право вообще не получило широкого распространения, и крестьяне сохраняли личную свободу, в ходе первой в мире буржуазной революции во второй половине XVI в. оно было отменено повсеместно, что дало мощный импульс развитию страны.

друг с другом, – свобода душа всех вещей! Без тебя все мертво, Я хочу, чтобы повиновались законам, а не рабов; хочу общей цели сделать людей счастливыми...» [цит. по: 9, т. V, с. 66]. Это были слова самодержца, осознающего свою социальную ответственность перед подданными. Но, как это часто бывало у правителей, дела императрицы весьма существенно отличались от декларативных заявлений.

В начальный период своей власти, находясь под сильным влиянием французских просветителей, Екатерина активно взялась было за модернизацию российского законодательства и начала писать так называемый «Наказ», а по сути дела, новый современный свод законов, который должен был существенно улучшить положение подданных. «Наказ» касался всех основных вопросов государственного устройства: верховной власти и ее отношения к подданным, государственного управления и разделения властей, прав и обязанностей граждан и сословий, провозглашал равенство всех граждан перед законом, декларировал веротерпимость, осуждал пытки и т.д. Особенно важно с точки зрения предмета нашего исследования отметить, что в наказе неоднократно затрагивался вопрос об исполнении государством своих обязательств перед гражданами, хотя о категории «ответственности» власти перед подданными и ее формах речи не шло.

Однако в императрице, по ее собственному признанию, боролась «отменно республиканская душа» и самодержавная правительница, считавшая, что для России деспотия является лучшей формой правления.

Отсюда в годы ее царствования словесная демократическая риторика сопровождалась усилением в стране деспотической практики, разговоры о свободе личности не мешали усилению крепостнического гнета (как известно, в 1765 г. Екатерина подписала закон, согласно которому помещик имел право ссылать крестьян на каторгу на любой срок, в 1767 г. – указ, запрещавший любые жалобы крепостных крестьян на помещиков), декларирование заботы о благосостоянии подданных сопровождалось усилением их бесправия, обнищанием и ростом их недовольства, проявившегося в масштабном восстании Е. Пугачёва.

Подобный разрыв между теорией и практикой в годы правления Екатерины едва ли свидетельствует о высоком уровне ее социальной ответственности. Многие ее законы толкали Россию в противоположную сторону от *mainstream* мирового развития, в основе которого лежали позитивные тренды, заключавшиеся в становлении буржуазной демократии и становлении социально ответственного государства.

Вместе с тем в годы ее правления был осуществлен ряд конструктивных реформ. Так, она содействовала дальнейшему разделению исполнительной и судебной властей, что делало их деятельность более функциональной и ответственной, осуществила финансовую реформу, губернскую реформу,

судебную реформу, секуляризационную реформу, реформу Сената, городскую реформу, полицейскую реформу, реформу образования. И многие из этих реформ способствовали определенному улучшению положения дел в том сегменте социальной жизни, в котором они проводились. Так, например, реформа образования положила начало государственной системе общеобразовательных школ в России, содержавшихся за счет казны, и дававших возможность учиться в них представителям всех сословий. Значение этой реформы для социальной жизни трудно переоценить. Заслуживает высокой оценки и созданная в годы ее правления система общественного призрения, организованная столь рационально, что в общих чертах она сохранилась до наших дней.

При этом, сохраняя и укрепляя абсолютную монархию, усиливая гнет и бесправие крепостных крестьян, наращивая власть и привилегии своей социальной опоры – дворянства, Екатерина II объективно способствовала торжеству развития страны и росту ее отстаивания в социально-экономическом и политическом отношениях от передовых стран того времени.

В правление Павла I речь шла уже не о прогрессе, а регрессе социально-политического развития России. Испытывая чувство неприязни к матери, Екатерине II, Павел отменил значительную часть ее прогрессивных реформ и никто не мог помешать ему в этом. Он восстановил упраздненные коллегии, очередной раз без серьезных оснований изменил административное деление России, возвратил прежние формы управления провинциями, ограничил prerogatives местного самоуправления, раздал помещикам более 600 тыс. государственных крестьян. Из его социально ответственных решений можно назвать установление нормы крестьянского труда (три дня барщины в неделю), что было первым ограничением помещичьего всевластия.

Следующий российский император Александр I принял ряд ответственных решений, целью которых было смягчение крепостного права и улучшение положения крепостных крестьян. Так, он запретил передачу государственных земель, населенных крестьянами, частным владельцам, а также продажу крепостных крестьян без земли. Своим Указом от 12 декабря 1801 г. он разрешил всем свободным людям приобретать в собственность незаселенные земли, тем самым лишив дворян многовековой монополии владения сельскохозяйственными угодьями. Закон «О вольных хлебопашцах» (февраль 1803 г.) позволил помещикам отпускать на волю за выкуп своих крестьян с землей. Таким образом, появилась возможность массового прекращения крепостного состояния крестьян, означавшая пусть робкий, но все-таки поворот к развитию буржуазных отношений в деревне. Однако все попытки преобразований Александра I как в крестьянском вопросе, так и в вопросе конституционного ограничения императорской власти столкнулись с серьезной

оппозицией со стороны консервативного дворянского большинства и разросшегося бюрократического аппарата.

Реальные действия, направленные на кардинальное переустройство общества и формирование нового типа государства, были предприняты в правление Александра II. Безусловно, главной и самой ответственной его реформой, принятой, несмотря на сопротивление консервативной части дворянства, буржуазии и бюрократии, явилась отмена крепостного права в 1861 г. В результате все крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, получили небольшой участок земли бесплатно, на котором могли жить и работать, возможность еще купить земли на выгодных условиях, а также гражданские права: они могли совершать сделки купли-продажи, открывать предприятия, претендовать на переход в другое сословие и т.д. Все это положило начало процессу формирования гражданина, ответственного за судьбу своей семьи, места проживания и в итоге – страны.

Способствовала формированию социальной ответственности власти и судебная реформа, провозглашавшая принцип равенства перед законом для всех граждан и принцип гласности и открытости в судопроизводстве. Появление института суда присяжных, позволило выносить более независимые и справедливые судебные решения.

Земская и городская реформы, открывшие дорогу формированию полноценных органов местного самоуправления, способствовали развитию институтов гражданского общества, деятельность которых должна была содействовать повышению социальной ответственности как самих граждан, так и власти.

Еще одна реформа Александра II – реформа печати по сути дела положила начало формированию ответственности власти перед обществом в буржуазном ее понимании. В результате печатные органы получили возможность широко обсуждать принимаемые законы, социальную политику правительства, критиковать власть (за исключением царя), что значительно повысило ответственность институтов власти уже не только перед царем, но и перед обществом, получившим рычаг воздействия на власть в виде свободной прессы.

Правда уже в период контрреформ, характеризовавший царствование Александра III, местные власти получили возможность приостанавливать выпуск газет и журналов (с 1883 по 1885 г. было закрыто девять изданий), а в 1884 г. была осуществлена чистка библиотек от нежелательной литературы. Одновременно началось наступление на городское и сельское самоуправление, в результате которого произошло, по сути, их огосударствление (земское самоуправление стало низовой ячейкой государственного управления, а городские головы объявлены состоящими на государственной службе), что в очередной раз помешало становлению институтов гражданского общества в России.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Все эти контрреформы, тормозящие модернизацию страны, никак не могли быть отнесены к социально ответственным. Тем не менее следует отметить, что в период правления Александра III была продолжена реформаторская деятельность в области экономики: был облегчен выкуп земли крестьянами, отменена подушная подать, приняты меры для смягчения малоземелья крестьян, учрежден Крестьянский банк, предоставлявший льготные кредиты крестьянам, сужены права общины на переделы земли и закреплены наделы за крестьянами и т.д.

Одновременно было положено начало рабочему законодательству: ограничен труд детей, запрещен ночной труд для женщин и несовершеннолетних, принят закон об ограничении размеров штрафов, введены специальные расчетные книжки, в которых оговаривались условия найма рабочего. Важно отметить, что Россия стала первой в мире страной, где осуществлялся контроль за условиями труда рабочих специальной фабричной инспекцией. Все эти решения власти были, безусловно, социально ответственными, поскольку способствовали улучшению положения рабочих и крестьян.

Большое внимание в социальной политике уделялось улучшению положения трудящихся и в период правления Николая II. Так, в 1897 г. был издан закон об ограничении рабочего времени 11,5 часами⁴, на фабриках, имевших более 100 рабочих, вводилась бесплатная медицинская помощь, охватывшая 70% общего числа фабричных рабочих (1898). В 1903 г. были утверждены Правила о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев на производстве, обязавшие предпринимателя выплачивать пособие и пенсию потерпевшему или его семье в размере 50–66% содержания потерпевшего, а в 1912 г. было введено обязательное страхование рабочих от болезней и от несчастных случаев. Для защиты прав рабочих в 1906 г. в стране были созданы профсоюзы.

Столыпинская аграрная реформа была призвана минимизировать остатки феодальных пережитков и создать условия для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Все это были безусловно позитивные преобразования, способствовавшие росту благосостояния населения. При этом необходимо признать, что нередко ответственные решения царской власти принимались не в результате осуществления ею целенаправленной ответственной социальной политики, проводившейся в интересах трудящихся, а под жестким давлением, вызванным широким забастовочным движением, крестьянскими бунтами и, наконец, революцией 1905–1907 гг.

4. Для сравнения отметим, что в США восьмичасовой рабочий день начал вводиться с 1884 г., в Австралии он был введен в 1900 г., в Великобритании он равнялся девяти часам, в Дании – 9%, в Норвегии – десяти, в Швеции, Франции, Швейцарии – 10%. Таким образом, Россия была одной из стран с самым продолжительным рабочим днем.

В итоге, если в российской истории можно найти примеры солидарной социальной ответственности всех слоев общества, то в ней можно найти и примеры солидарной безответственности. Уникальным феноменом коллективной безответственности власти, бизнеса, значительной части гражданского общества, а также и самих граждан является ход событий в России с февраля по октябрь 1917 г. и сам октябрьский переворот 1917 г., существенно затормозившие развитие России, да и не только ее. Этот феномен зрел в российском обществе на протяжении многих лет. Царская власть, предельно консервативная по своей сути, с большой неохотой и с большим опозданием осуществляла лишь некоторые из назревших и перезревших реформ. Кроме того, как это было уже не раз в российской истории, реформы проводились непоследовательно и, как правило, не доводились до конца.

В результате в канун Февральской революции 1917 г. в России не были решены до конца такие важнейшие вопросы, как аграрный, национальные отношения, демократизация политического устройства, всестороннее законодательное оформление прав и свобод рабочего класса, культурный подъем населения.

Временное правительство за короткий период своего существования также не смогло откликнуться на требования трудящихся масс и оперативно решить назревшие социальные вопросы, что, безусловно, могло бы предотвратить Октябрьский переворот. Молодые амбициозные политические партии еще не обладали необходимой политической культурой, необходимым опытом, осознанием своей ответственности за судьбы страны и не смогли объединиться для решения назревших проблем государства. У власти и у общества в целом не было понимания опасности, исходившей от надвигавшегося государственного переворота. Слабое гражданское общество, не до конца сформировавшееся, объективно не могло после падения монархии играть роль ответственного общественного стабилизатора и противодействовать большевизму. К тому же многие общественные организации подпали под влияние большевиков.

Победа большевизма создала в России принципиально новые условия взаимодействия государства и общества. К ответственным решениям советской власти можно отнести сохранение независимости страны, безусловно, победу над фашизмом, культурную революцию, развитие национальных окраин, индустриализацию, ликвидацию безработицы, ряд серьезных научно-технических достижений, типа запуска первого спутника земли или строительства первого атомного ледокола. При этом надо отдавать себе отчет в том, что из-за стратегических и тактических просчетов власти и ее заидеологизированности, советскому народу пришлось заплатить невероятную плату за достижения, прежде всего в виде десятков миллионов человеческих жизней. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что многие достижения были

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

связаны с часто неоправданными гигантскими затратами материальных ресурсов, нанесением серьезного ущерба экологии и т.д.

К однозначно безответственным и более того – преступным деяниям сталинского режима можно отнести массовые репрессии, основной целью которых было уничтожение любого инакомыслия, а также создание многомиллионной рабской рабочей силы для индустриализации.

Среди крупных безответственных решений в социальной политике советской власти необходимо также назвать коллективизацию, осуществленную в угоду идеологическим догмам. Коллективизация, лишившая крестьянство стимулов к труду, создала стране и населению массу острых проблем, начиная от гибели сотен тысяч граждан от голода и кончая лишением страны продовольственной независимости.

К результатам политики советской власти, которые также без колебаний можно квалифицировать как безответственные, следует отнести и ослабление национального генофонда. Войны, репрессии, несколько волн эмиграции, выдавливание из страны ученых, писателей, артистов привели к огромным потерям в человеческом капитале и превращению России в интеллектуальном плане в общество «средних людей», которыми власти было легче управлять и манипулировать. И эти потери ощущаются и сегодня, когда стране явно не хватает ответственных политиков-государственников, а также бизнесменов, менеджеров, ученых и т.д.

В послесталинский период было немало сделано для улучшения жизни народа. Социальная политика в определенной мере начала осуществляться в интересах общества. Среди ответственных их деяний необходимо назвать освобождение крестьян от «колхозного крепостного права», повышение жизненного уровня населения, массовое жилищное строительство, развитие образования, здравоохранения, науки и искусства и т.д.

В категорию непродуманных и социально безответственных можно зачислить такие экономические решения властей, как отказ от хозрасчета и реформ, предложенных Косыгиным–Либерманом, дежавю с возрождением (иногда в карикатурной форме) культов личности Хрущёва и Брежнева, запихивание в психиатрические больницы инакомыслящих и т.д. Немало было безответственных решений и во внешней политике. В качестве примера здесь можно назвать подавление демократических движений в Венгрии (1956) и в Чехословакии (1968), а также ввод советских войск в Афганистан (1979).

Имела ли место в годы существования СССР социальная ответственность власти? Безусловно нет, хотя и в нашей стране формально существовали институты народовластия: выборы, Верховный Совет, механизмы сменяемости власти и т.д. и есть примеры тому, что они *как бы* действовали. В советской истории можно найти немало примеров, когда сменялись главы правительств, снимались с должностей, а во времена Сталина и расстреливались,

министры, маршалы, высшие партийные руководители. Но часто это было не наказанием за безответственную социальную политику, а скорее являлось следствием латентной борьбы за власть. По сути, в СССР произошло дежавю, и в вопросах социальной ответственности власти страна вернулась во времена самодержавия, когда ответственность власти за провальную или успешную социальную политику держалась не перед обществом, а перед одним человеком и его ближайшим окружением, будь то император или руководитель Коммунистической партии.

В период перестройки было много сделано для модернизации страны: разрешен частный бизнес в форме кооперативов, стало неизмеримо больше демократии: не на словах, а на деле появились такие институты демократии как честные выборы, свобода демонстраций, забастовок, свободная печать, критиковавшая безответственные решения власти, стали налаживаться конструктивные отношения с Западом.

Однако, как и в других случаях, период нахождения у власти М. Горбачёва с позиций социальной ответственности–безответственности не может быть оценен однозначно. Весьма трудно признать социально ответственной политику его команды, приведшую к развалу страны и человеческим трагедиям десятков миллионов людей. Сразу хочу четко обозначить свою позицию: я не являюсь сторонником сохранения СССР в том виде, в котором он существовал и осознаю невозможность сохранения страны с безответственными элитами, развалившейся экономикой и нарастающим сепаратизмом союзных республик, но думаю, что в случае проведения более гибкой и более ответственной политики центральной власти, Союз в каком-то виде, например в форме Конфедерации, можно было сохранить.

В период перестройки было также много решений, которые едва ли можно отнести к категории ответственных. Так, например, не было оформлено в виде договора табу на расширение НАТО на Восток, не были в полной мере обеспечены социальные гарантии военнослужащим группировки, выводимой из Восточной Европы и т.д. Вместе с тем очевидно, что М. Горбачёв и Б. Ельцин войдут в историю как лидеры страны, которые, желая того или нет, положили конец псевдосоциалистическому эксперименту длиной в три четверти века и расколу мира на две системы.

* * *

Анализ социальной ответственности власти на протяжении всей многовековой российской истории позволяет сделать следующие выводы.

1. Оценка меры социальной ответственности российской власти на различных исторических этапах не может быть однозначной. Начиная с Киевской Руси и кончая СССР, российская власть, отличавшаяся перманентной

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«властечентричностью», в целом немало делала для развития страны, благосостояния народа, развития культуры, науки, искусства и образования, что в конечном итоге возвело Россию и СССР в ранг великих мировых держав.

В то же время специфика социальной политики российской власти заключалась в том, что она, как правило, носила реактивный, а не креативный характер, т.е. власть не имела какой-либо целостной программы модернизации страны⁵, которую бы она последовательно воплощала в жизнь, а лишь реагировала на возникающие вызовы. Наиболее характерным примером в этом плане может служить период правления Николая II, когда власть осуществляла социально-экономические и политические преобразования лишь под большим давлением масс и с серьезным опозданием.

2. Российская власть часто не выполняла функцию служения народу, почти им не контролировалась, а нередко подавляла его, манипулировала им, обманывала его, и на протяжении практически всей российской истории не несла перед ним полноценной ответственности. Более того, за несколько веков в России сложилась некая политическая традиция социальной безответственности власти. Это происходило потому, что страна на протяжении всей своей истории, по сути, не знала демократии, а авторитарные режимы русских князей, абсолютная монархия царей, тоталитарное правление партийной номенклатуры в СССР не предполагали наличия в стране механизмов реализации волеизъявления различных социальных страт и контроля общества за властью, технологий смены ее демократическим путем и т.д. Отсутствие института ответственности власти перед обществом, как правило, приводило к тому, что безответственные ее решения оставались безнаказанными, что серьезно снижало уровень подготовленности и глубину анализа последствий принимаемых властью решений.

3. Погружение в историческую матрицу российской власти дает основание полагать, что ее носители нередко осуществляли свою социальную политику исключительно с целью во чтобы то ни стало удержать власть, а если удастся, то и добиться еще большей власти, что лежало в основе многих безответственных решений российских правителей. Отсюда феодальные междоусобицы, дворцовые перевороты, массовое уничтожение непокорных и потенциально непокорных.

4. Оценка политики власти с позиций ответственности или безответственности в исторической ретроспективе позволяет представить широкую картину, в которой одни социальные решения власти выглядят высоко ответственными, несущими обществу и стране прогресс и, соответственно,

5. Исключение составляли идеалистические планы Коммунистической партии по строительству социализма и коммунизма.

улучшение жизни народа. Оценка других – представляется неоднозначной, а третьи – выглядят спустя десятилетия и столетия, когда уже отчетливо видны их последствия, безответственными, а иногда и преступными. Разумеется, социальная безответственность власти это атрибут, имманентно присущий не только России. В истории власти почти любой страны можно найти многочисленные факты и ответственных, и безответственных решений⁶.

5. Цивилизованная формула «больше власти – больше ответственности», существующая в демократических государствах, в российской истории имела обратный смысл: чем больше власти получали российские правители, тем меньше они несли ответственность за результаты своего правления, ибо авторитарные, а тем более тоталитарные режимы не предполагают законных механизмов контроля общества за властью, корректировки ее безответственных решений, юридических процедур наказания ее за провальную деятельность или пассивность, реально действующих технологий ее смены и т.д.

6. Анализ российской истории дает основание сделать вывод, что России, возможно, больше, чем другим странам, не везло с правителями (да простит меня читатель за употребление в данном случае ненаучного термина). Среди них было немало людей посредственных, не соответствовавших масштабам и задачам, стоявшим перед обществом, не обладавших политической волей и управленческим талантом для руководства великой страной. Были среди российских властителей и люди с большой психикой. И в условиях отсутствия механизмов замены слабых или нездоровых правителей, принимавших безответственные, а то и преступные решения, огромная страна была вынуждена десятилетиями мучаться, дожидаясь их естественной смерти.

7. В российской истории было немало правителей-реформаторов, стремившихся вести ответственную социальную политику и пытавшихся модернизировать страну. При этом с сожалением приходится констатировать, что все попытки модернизации России, по сути, либо провалились, либо не были доведены до конца. Одной из причин этого (возможно не главной), на наш взгляд, было то, что в сознании российских царей-реформаторов возникал феномен когнитивного диссонанса, при котором они испытывали определенный психологический и нравственный дискомфорт, вызванный столкновением в их сознании несовместимых и конфликтующих представлений, содержащихся в устаревшей морально-этической ценностной системе самодержавия и крепостничества и в либеральной ценностной системе, формировавшейся

6. Так, например, английский лорд-протектор Кромвель ввязался в губительную войну с Испанией и собирал на ее финансирование незаконные гигантские налоги, разорявшие население; Наполеон вторгся в Россию, погубив на ее полях сотни тысяч солдат и объединив против себя Европу, что привело к ухудшению условий жизни французов и т.д.

в передовом буржуазном обществе. В итоге этой борьбы у всех реформаторов, к огромному сожалению, побеждали консервативные ценности, и России по сей день так и не удалось исполнить 200-летней давности завещание П. Чаадаева и «слиться с великой семьей европейской».

У отдельных российских правителей (Анна Иоанновна (1730–1740) и Елизавета Петровна (1740–1761)) можно было наблюдать то, что сегодня называется «конфликтом интересов», а именно конфликт между гедонизмом и социальной ответственностью.

Более того, в российской истории можно заметить некий феномен либерально-консервативной «чересполосицы», когда следующим за правителем-либералом был правитель-консерватор, который стремился свести на нет все модернизаторские усилия предшественника. Так, за реформатором Петром I правили консерваторы – Екатерина I и Петр II (первая была полуграмотной женщиной, а второй – ребенком, вокруг которого сложилось реакционное окружение), за Екатериной II – консерватор Павел I, за Александром I – Николай I, за Александром II – Александр III, за Н. Хрущёвым – Л. Брежнев и т.д.

8. Специфика российской власти заключалась в том, что большинство модернизаторских проектов в ней осуществлялось с гигантскими затратами человеческих и материальных ресурсов, многие из которых были неоправданными. Большое по численности население и природные богатства страны стали одной из причин тому, что в России не берегли и расточительно расходовали как человеческие жизни, так и материальные богатства. «Государство крепло, народ хирел» – этот тезис Ключевского характеризует социальную политику власти на протяжении столетий. Весьма точна и оценка Ключевским цены российских реформ. Реформы в России, по его мнению, осуществлялись только за счет «домашних средств». «А так как домашние средства состояли только в расширении государственной власти за счет общественной свободы и в стеснении частного интереса во имя государственных требований, то каждая реформа... сопровождалась какой-либо тяжелой жертвой для народного благосостояния и общественной свободы» [9, III, с. 123–124].

Что касается советского времени, то совсем не случайно в полном собрании сочинений В. Ленина в 55 томах нет такого понятия, как «гуманизм».

Кроме того, отдельные правители-реформаторы, подобно Петру I или И. Сталину, говоря словами Маркса, «пытались варварскими методами победить варварство», что еще на порядок повышало социальную цену их преобразований.

9. Социальная безответственность российской власти во многом детерминировалась тем, что, осуществляя законодательные функции, ее представители, и прежде всего высшие руководители, по сути, всегда находились вне правового поля, над законом. Законодательство и правоприменительная практика нередко были пересекющимися средами. Вот одно из характер-

ных подтверждений этому. Как известно, в 1936 г. была принята Конституция СССР, содержание которой было одним из самых демократичных в мире. Эта Конституция гарантировала гражданам в ст. 127 неприкосновенность личности, а в ст. 128 – неприкосновенность жилища. В то же самое время сама власть в стране осуществляла чудовищные преступления, нарушая все только что принятые законы и конституционные гарантии.

10. В условиях авторитарных и тоталитарных режимов в России ответственность имела одну безраздельно доминировавшую направленность, именно снизу вверх, и крайне редко – сверху вниз. Между властью и обществом также почти всегда отсутствовало доверие и устойчивые коммуникации. В этих условиях основная часть социума была отчуждена от власти, не могла заставить власть учитывать в своей политике ее интересы в цивилизованной форме, а посему борьба классов и слоев за свои права нередко принимала разрушительные формы и проявлялась в бунтах, восстаниях, крестьянских войнах и революциях. Разумеется, не только Россия, но и другие страны шли к демократии через кровь и социальные потрясения⁷. Однако едва ли в мире найдется еще одна страна, которая на протяжении XX в. пережила четыре революции.

После четвертой революции, приведшей к распаду СССР, у России появился очередной исторический шанс сделать власть социально ответственной и транспарентной, поставить ее под контроль закона и общества, обладающего современной политической культурой, побудить или заставить власть, наконец, последовательно осуществлять ответственную социальную политику, выполнять функцию служения обществу, поощрять ее электоральным доверием за достижения и наказывать (в случае принятия безответственных решений) сменой в соответствии с законами и демократическими процедурами. Насколько Россия воспользуется этим шансом, покажет время, но первая четверть века ее постсоветского развития свидетельствует о том, что на этом пути ей еще предстоит преодолеть большие трудности.

7. Здесь достаточно вспомнить Великую английскую революцию 1640–1658, которая началась с кровавой гражданской войны между королем и парламентом, сопровождалась царевубийством, а провозглашение республики завершилось реакционным откатом и протекторатом (диктатурой) Кромвеля. Великая французская революция 1789–1815 началась с царевубийства, сопровождалась кровавым якобинским террором и завершилась диктатурой Бонапарта.

Литература

1. Аптекарь П., Эппле Н. Память о репрессиях оказывается проверкой общества на наличие убеждений. – <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/35408021/pamyat-zhertvah#ixzz3HdX1Zzn1>
2. Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. – М., 2006. – 368 с.
3. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собр. соч. в 30 т. Т. 7. – М., 1956. – С. 158–160.
4. Дьяконов М.А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. – СПб., 1989. – 239 с.
5. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. – СПб.: Алетейя, 2001. – 636 с.
6. Илларион митрополит. Слово о законе и благодати. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – www.pushkinskiydom.ru › ... ›
7. История Отечества в лицах. С Древнейших времен до конца XVII (биографическая энциклопедия). – М., 1993. – 174 с.
8. Карамзин Н.И. История государства Российского. – СПб., 2012. – 415 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в девяти томах. – М., 1987–1989.
10. Кожяев М.М. Социальная ответственность политического правителя в интерпретации древнерусской концепции «симфония властей». – cyberleninka.ru
11. Козлов Ю.В. От Рюрика до императора Николая II. – Саранск, 1992. – 49 с.
12. Костомаров Н. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей – электронная библиотека истории. – www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kost/
13. Никитина Н.Ю. От благотворительности и меценатства к социальной ответственности в истории России. – www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1846
14. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 2011. – 608 с.
15. Развитие русского права. Судебники 1497 и 1550 годов. – ...studopedia.ru/1_67463_razvitie-russkogo-prava-sudebniki-i--godov-so...
16. Скрынников П.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. – СПб., 2000. – 463 с.
17. Соловьёв С.М. История России с Древнейших времен. Сочинения в восемнадцати томах двадцати трех книгах. – М., 1988–2000.
18. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология. – М., 2002. – 448 с.
19. Энциклопедия боярских родов. Боярская дума. – bojre.narod.ru/bojrskej_duma.htm

ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

И. Н. Буздалов

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА: НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И «ОСОБЫЙ РОССИЙСКИЙ ПУТЬ» ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Буздалов Иван Николаевич – академик РАН,
главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Традиционным недостатком практически всех попыток формирования стратегии, методов и механизмов аграрной политики страны с началом проведения рыночных реформ является, прежде всего, недооценка приоритетного значения сельского хозяйства и всего агропромышленного комплекса в общем процессе социально-экономического развития. В современных условиях серьезного усложнения геополитических и мирохозяйственных процессов как прямого следствия просчетов и амбиций властных политиков «цена» этой недооценки заметно возрастает. Связанное с этим обострение продовольственной, энергетической, климатической, демографическо-миграционной и иных глобальных проблем мира *выдвигает новые требования к национальной аграрной политике*. Она должна не только гарантировать взаимозависимое устойчивое развитие всех обеспечивающих аграрное производство отраслей, но и его более тесную координацию с развитием других ключевых секторов, общим социально-пространственным преобразованием страны, а также глобальными мировыми трендами. Такой подход призван облегчить переход к социально ориентированному, ресурсосберегающему экономическому росту и фактически закреплен в современных аграрных политиках ведущих развитых и ряда развивающихся экономик, особенно Китая.

Руководствуясь положением Дэн Сяопина: «Сельское хозяйство – основа экономики», китайские власти с начала 80-х годов XX в. последовательно осуществляют действительно новую, протекционистски ориентированную аграрную политику, добившись на ее основе беспрецедентных результатов в преобразовании отрасли и всего народного хозяйства. В России к традиционным недугам движения по «особому пути», связанным с приверженностью, говоря словами М.Е. Салтыкова-Щедрина, строить здание «на песце», а когда

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

оно рухнет, начинать «на том же песце» его возводить, добавились сейчас еще и болезненные последствия санкций западных стран, да и собственных «контрсанкций» в области продимпорта. В этих условиях *переход к протекционистской аграрной политике для преодоления глубокого затяжного характера аграрного кризиса, тормозящего весь процесс социально-экономического развития, не только настоятельно необходим, но и неотложен.*

Концептуальные аспекты проблемы

Ответственный государственный подход к разработке и целенаправленному осуществлению научно обоснованной аграрной политики обусловлен рядом факторов и условий фундаментального характера, прежде всего тем, что *сельское хозяйство как первичная базовая основа материального производства* занимает особое место среди ведущих отраслей и сфер экономики не только по своей целевой функции, циклу воспроизводства, но и по отраслевой и пространственно-социальной структуре. Аграрное производство основано на жизнедеятельности крестьянства – корневой системе нации, формирующей безальтернативную базу устойчивого социально-экономического развития, удовлетворяя первейшую потребность человека в продуктах питания. Можно, конечно, с высоты верховной власти внушать голодающему (по вине непрофессионализма этой власти), что «не хлебом единым» он жив, и призывать его к патриотизму, духовности, «сплочению» с сытыми призывающими, к терпению во имя какой-то изобретенной ими очередной «национальной» идеи. Но уже при полупустом желудке указанных призывов человек не хочет даже слушать, а его терпение быстро иссякает и трансформируется в озлобление. Голодный же бунт – самый беспощадный и вполне «осмысленный».

Сейчас на продовольствие в России приходится около 50% потребительского рынка, а затраты на питание составляют около 40% расходов российских домохозяйств. Даже небольшие сбои с продовольственным снабжением лишь по отдельным продуктам (гречка, сахар и т.д.), неизбежно сопровождающиеся с другой бедой – ростом цен, мгновенно вызывают у населения нарастающую протестную реакцию, в то время как, например, нехватка автоматов, танков и т.д. его особенно не беспокоит.

Воспроизводственный цикл сельского хозяйства опирается преимущественно не на исчерпываемые минеральные, а на воспроизводимые ресурсы – плодородие почв, биологический (частично энергетический) потенциал растений и животных. Он более равномерно, чем в других межотраслевых комплексах, распределен по территории страны. Сельское хозяйство использует 13% земельной площади (36% – без учета площади лесов и поверхност-

ных вод) и почти 20% потребляемых водных ресурсов России. Площадь пашни у нас в стране сопоставима с площадью пашни во втором в мире производителе продовольствия – Евросоюзе, но в отличие от него может быть увеличена на 15–30%. Причем такой прирост возможен за счет освоения части миллионов заброшенных за годы реформ пахотных земель. Однако если сделать поворот на главный путь развития сельского хозяйства – его интенсификацию, системную модернизацию, то объем производства на оставшихся сейчас в обороте землях сельскохозяйственного назначения можно увеличить более эффективным способом в 2–2,5 раза, упрочив и активизировав тем самым общий потенциал отрасли, как «вечного двигателя», локомотива экономики. А это возможно лишь при целенаправленном осуществлении научно обоснованной аграрной политики.

Обзор специальной научной литературы и энциклопедических изданий между тем показывает, что понятие «политика» применительно к экономике трактуется далеко неоднозначно, часто весьма расплывчато или явно произвольно, причем таким трактовкам можно найти формальные объяснения. Дело в том, что политические решения в области экономического и связанного с ним социального развития, в частности в сельском хозяйстве, нередко противоречат объективным законам этого развития и базируются на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях властей, принимающих эти решения. В.И. Даль в своем «Толковом словаре» определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные и образ его действий при сем нередко скрывающий первые. Политик умный, ловкий, не всегда честный государственный деятель».

Этой уклончивостью, лживостью политических целеустановок грешили большевики, обещав землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, а всем и каждому – «светлое будущее», на деле введя новое, государственное крепостное право. Заведомо невыполнимые обещания, декларации, в лучшем случае полумеры, движения «шаг вперед – два назад» – достаточно распространенное явление, в той или иной мере характерное даже для стран с действительной приверженностью к принципам демократии и гражданского общества, не говоря уже о странах, где основанные на идеологических догмах действия «государя» (царя, «генсека», президента, национального лидера и т.д.) или «коллективного руководства» (хунты, политбюро и т.д.) не имеют опосредованных четким разделением властей демократических ограничений и развитых институтов правового государства.

К числу последних имеются определенные основания отнести Россию с ее явно неокрепшим, «рыхлым» гражданским обществом, проявлениями телефонного права вместо реального соблюдения прав человека и т.д., что позволяет высшему руководству подменять политические решения, основанные на достижениях науки, решениями, в частности в области аграрной

политики, «по усмотрению», по кажущейся (в действительности псевдонаучной) целесообразности, по собственному понятию или очевидной прихоти. В этих условиях задача экономической науки, других общественных наук заключается в выявлении того, насколько аграрная, как и вся экономическая политика имеют под собой объективно обусловленные научные основы. В исходном пункте решения указанной задачи нужно, во-первых, аргументировано определиться в самом понятии аграрной политики, во-вторых, четко сформулировать ее научные основы, определяющие теоретические принципы и, в-третьих, разработать направления, методы и механизмы осуществления аграрной политики, отвечающие этим основам и принципам.

Нет нужды доказывать, что в эволюционно развивающемся обществе, в условиях правового государства, подлинного народовластия, независимости суда и т.д. определяющие политические установки властей по определению должны быть прозрачными, отражаться в правовых актах, в подконтрольных обществу действиях исполнительных, управленческих и хозяйственных органов всех уровней. Стоит только какие-то «высшие» политические соображения поставить над экономическими интересами (как, например, это наблюдалось в последнее время в отношениях между Украиной и Россией), как это сразу неизбежно негативно скажется на состоянии экономики, уровне жизни людей, вызовет нагнетание международной обстановки, санкции и т.д.

В общем концептуальном плане до сих пор помимо смещения акцентов в соотношении политики и экономики в само понятие экономической, в том числе аграрной, политики вкладывается разный смысл, смешиваются ее сущность, стратегические целеустановки с направлениями, мерами ее практического осуществления. В одном случае аграрная политика представляется как «последовательная реализация системы мер для перехода агропромышленного производства из одного состояния в другое» [Шмелёв, 2000 г.], в другом – как «совокупность идей, целей, средств и методов формирования и регулирования отношений между городом и деревней и в самой деревне, а главное – решение продовольственного вопроса» [Милосердов, 2002 г.], в третьем – как «определение соответствующих целей и ресурсное обеспечение их достижения, установление стратегических приоритетов, дополненных механизмом их обоснованного тактического корректирования» [АПК: Экономика, управление, 1992 г., № 7, с. 8].

Есть и другие излишне усложненные, замысловатые формулировки понятия аграрной политики, в которых, как и в приведенных выше, *отсутствует акцент на главную ее функцию и стратегическую социально-экономическую цель – создание сельскому производителю всех необходимых для творческого высокопроизводительного труда, гарантированных государством условий жизнедеятельности*. Только в рамках реализации этой цели аграрная экономика, вся агропродовольственная система страны перейдет в новое качест-

венное состояние, только на этой основе может успешно решаться продовольственный вопрос, обеспечиваться другие стратегические приоритеты и т.д. Профессионализм властей в разработке и осуществлении аграрной политики характеризует государственную мудрость (или, наоборот, неадекватность, бездарность) политического руководства страны вообще.

Приоритет сельского развития как критерий научной обоснованности аграрной политики

Степень научной обоснованности, следовательно эффективности аграрной политики, тем выше, чем полнее учитывается в ней базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства. Добившись на основе высокоразвитого сельского хозяйства общего социально-экономического прогресса развитые страны современного мира, к тому же не имеющие серьезных запасов углеводородов (Германия, Франция и др.) в своей экономической стратегии исходили из того, что *рациональное использование уникального ресурсного потенциала отрасли, стимулирование эффективности производства через обеспечение достойных доходов занятых в сельском хозяйстве, стабильное снабжение населения основными продуктами питания отечественного производства по разумным ценам, поддержание экологического и социально-демографического баланса на сельских территориях – важнейшие базовые условия существования и развития государства и общества. Поэтому обеспечение этих условий выступает как объективная общественная необходимость и является постоянным макроэкономическим приоритетом, определяющим критерием и главной целью собственно аграрной политики, предпосылкой системной экономической и социальной модернизации, следовательно успешного позиционирования России в меняющихся мирохозяйственных процессах.*

Многовековая история России между тем показывает, что в отношениях государства с сельским хозяйством и крестьянством принцип приоритетности за некоторыми исключениями, прежде всего в годы осуществления Столыпинской реформы, не находил своего отражения в аграрной политике. Этим определялась не только отсталость отрасли, но и общее социально-экономическое неблагополучие в обществе [Абалкин, 2009]. Особенно это проявилось в процессе так называемых «социалистических преобразований», когда вместо приоритетного развития отрасли применялись методы военно-феодальной эксплуатации крестьянства, взимания с него «дани» через механизм пресловутой «перекачки», «ножниц цен» и т.д.

В настоящее время методы внеэкономического принуждения в значительной мере устранимы, а размеры неэквивалентного обмена, масштабы

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«перекачки» результатов крестьянского труда в пользу субъектов монопольного окружения сельского хозяйства уменьшены. *Однако в проводимой ныне аграрной политике России сельское хозяйство по-прежнему рассматривается как традиционный «донор», как неизбежный, хронически отсталый «довесок» к остальным «неаграрным» секторам экономики. Необходим решительный разворот всего общества к приоритетному развитию сельского хозяйства, следовательно, его системному преобразованию через масштабную господдержку аграрного сектора, являющуюся общемировым трендом.*

Такому тренду масштабной господдержки сельского хозяйства с начала 80-х годов XX в. неизменно следует Китай. За годы реформ ее размеры выросли почти в 30 раз и в общей структуре бюджета страны составляют 7,5%. В России, наоборот, доля сельского хозяйства в расходной части бюджета, составлявшая в 1990 г. 14% его суммы, снизилась до символической в 1,2%. В расчете на 1 га посевной площади размеры господдержки отрасли в России оказались в 20 с лишним раз ниже китайских показателей. В результате за период экономических реформ валовая продукция сельского хозяйства Китая (на той же земельной площади) увеличилась в 2,3 раза, в том числе животноводства в 3,2 раза, а в России ее объем не достиг уровня 1990 г. и в животноводстве упал на 1/3. В настоящее время Китай, обеспечив рост потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения в 2–3 и более раз (по мясу в 3,5 раза, растительному маслу в 4,3, рыбе – в 9, фруктам – в 12 раз и т.д.) экспортирует продукцию сельского хозяйства, в том числе в Россию на сумму свыше 70 млрд долл., а Россия импортирует ее в объеме свыше 40 млрд долл. в год (2013 г. – 43,1 млрд долл.).

Допущенные российским руководством серьезные ошибки и просчеты в отношении социально-экономической стратегии сельского развития до сих пор глубоко не проанализированы и тем более не исправлены. В связи с этим утверждение, прозвучавшее в отчете Правительства РФ в Госдуме 24 апреля 2014 г., о том, что властям «не стыдно» за нынешнее положение дел в сельском хозяйстве, крайне неубедительно и необъективно. По сути, другую, более предметную, оценку действительного положения на селе дал, наконец, президент В.В. Путин, заявивший на заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политике 21 апреля 2014 г., что сельская жизнедеятельность «во многих местах (на самом деле на площади более половины сельскохозяйственной территории. – И. Б.) словно остановилась, замерла» и что люди бегут из деревни «из-за общей невестребованности». Правда, эта оценка не была подтверждена в его Послании Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. Вместо этого опять были приведены результаты благоприятного по погодным условиям 2014 г. А ведь с апреля по декабрь этого года никаких существенных изменений к лучшему (если не считать милостей природы) в деревне не произошло. Достаточно внимательно взглянуть

на общее болезненное состояние аграрного сектора страны, на показатели сельской демографии, качество человеческого капитала и производственно-технической базы на селе, парадоксы и злоупотребления в использовании земельных ресурсов, состояние социальной и инженерной инфраструктуры, низкие показатели уровня жизни селян, сельской занятости, трудовой активности, миграции из села, особенно молодежи, чтобы убедиться в глубине испытываемого современным сельским хозяйством острейшего системного кризиса.

Успешному решению этой задачи способствовало бы широкое использование опыта «всех развитых стран», к чему и призвал В.В. Путин в своей статье «О наших экономических задачах» (Ведомости, 31.04.2012 г.), а этот опыт, как известно, основан на реальном обеспечении приоритета сельского хозяйства, активной протекционистской направленности аграрной политики. К сожалению, практические действия в этом плане оказались «уклончивыми». Ведь одними призывами урожаи полей и животноводческую отрасль не поднять, стимулы к производительному труду и социальное благоустройство села не повысить, деградацию сельской демографии не приостановить и в целом затянувшийся глубокий системный кризис отрасли не преодолеть.

А что на деле показывает опыт всех развитых стран? Так, в Германии на основе аграрного законодательства, ориентированного на приоритет сельского развития, неизменно поддерживаются достойные условия для жизнедеятельности крестьянства, на базе которых обеспечивается высокоинтенсивное развитие сельского хозяйства, активно способствующее общему прогрессу в стране. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенная и динамично развивающаяся отрасль, располагающая земельными угодьями в расчете на одного жителя страны в 3,2 раза меньше, чем Россия, сейчас производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства в больших объемах экспортируется. По сути, Германия стала развитой страной во многом именно благодаря проведению научно обоснованной аграрной политики.

В отличие от развитых и быстро развивающихся стран, прежде всего Китая, российский аграрный сектор, в условиях проводимой властями политики, оказался в глубокой долговой яме и состоянии фактического банкротства. В итоге он не только не стабилизирует или динамизирует экономику России, но сдерживает ее развитие, не обеспечивая возможный значительный мультипликативный эффект для сопряженных отраслей промышленности и сферы услуг. Кризисное его состояние не позволяет преодолеть и беспрецедентное за всю историю России засилие импорта продовольствия, какие бы не осуществлялись замены его поставщиков из соседних Польши, Литвы, Норвегии на чилийские, аргентинские и т.д. без необходимого наполнения аграрного бюджета страны.

Не просчитав последствий «контрсанкций» на импортные поставки продовольствия из США, других стран Запада и вообще усматривая в санкциях против России своего рода стимулы, наконец, самим по-настоящему заняться своей экономикой, ее модернизацией, импортозамещением и т.д. ответственные представители власти не делают при этом необходимых пояснений и объяснений. А что же раньше, когда цена за баррель нефти зашкаливала за 100 долл., мешало направить усилия и ресурсы государства на формально провозглашенную модернизацию аграрного и всего реального сектора экономики, и все шло по тому же «особому российскому пути»?

Что касается действий по принципу «око за око», то оценивать их нужно с позиций собственной выгоды, вместо которой страна понесла немалые потери и убытки. Неслучайно, неся эти убытки вследствие российских контрсанкций, Белоруссия отказалась поддержать их в отношении стран Запада (впрочем, как и другие акции России, в том числе внешнеполитические, осложнившие международную обстановку с ее нынешними последствиями для страны, ее денежно-валютной системы, уровня жизни населения и т.д.). Можно сгоряча ввести эмбарго еще и на импортные лекарства, детское питание и т.д., но нетрудно предвидеть и его последствия. Главное же наивно думать, что указанные «стимулы» заработают сами по себе без изменений в методах и механизмах управления, в частности без реального поворота от общих призывов к реальному ресурсному обеспечению приоритета сельского развития.

Государственный приоритет развития сельского хозяйства как определяющий критерий научной обоснованности аграрной политики обуславливается также непредсказуемой зависимостью отрасли от действия стихийных природных сил. Связанные с этим непредвиденные риски снижают привлекательность аграрного сектора для частных инвесторов и предопределяют объективную необходимость активного участия государства в обеспечении приоритета сельского развития через систему мер поддержки села.

Между тем торжественно провозглашенная в начале реформ стратегия такого развития на деле выродилась в основном в декларации или популистские благие намерения, в лучшем случае – в полумеры. Формально государство брало на себя ответственность за рыночно-социальную трансформацию аграрного сектора, ее финансово-организационное обеспечение. *На практике принимавшиеся в этом направлении федеральные законы по сельскому развитию, прежде всего Закон «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997), не выполнялись и часто подменялись документами, которые не относились даже к подзаконным актам, что дискредитировало законодательную деятельность и являлось одной из существенных причин серьезного подрыва производительных сил сельского хозяйства, ресурсорасточительности в использовании и без того мизерной*

бюджетной поддержки села. При этом в стране практически отсутствует необходимое правовое обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства.

Правда, на 2005–2007 гг. был принят национальный проект «Развитие АПК», формально по названию отвечавший принципу приоритетности сельского развития. Но за время реализации этого проекта социально-экономическое положение в сельском хозяйстве мало изменилось к лучшему, а импорт продовольствия в страну удвоился. Главную причину декларативности приоритета сельского развития в этом проекте объяснил его инициатор, Президент РФ В.В. Путин: «Недопустимо малое» государственное финансирование.

Многие еще верят в якобы «историческую» необходимость политики «перекачки», изначально подорвавшей производительные силы сельского хозяйства, подкрепляя эту слепую веру количественными результатами индустриализации, сооружением «Магнитки», Днепрогэса и т.д., масштабами развития военно-промышленного комплекса. Однако эта «верующая» публика не задумывается над тем, что достижения индустриализации можно было значительно повысить, если бы перераспределение результатов крестьянского труда осуществлялось в рамках оптимальных пропорций в экономике, соблюдалась эквивалентность обмена, как важнейшего условия прогресса в сельском развитии. Если бы не сталинский волюнтаризм и «развитие России продолжалось так, как оно шло с конца XIX в. и до 1917 г., то к 1940 г. Россия приблизилась бы к США и не привело бы к антропологической катастрофе» [Пивоваров, 2008 г.].

Несмотря на некоторые частные позитивные сдвиги последних лет (возвращение в Минсельхоз рыбного хозяйства, выделение символического по сравнению с необходимым дополнительного «антикризисного» финансирования сельского хозяйства в 2013 г.), *отвечающая современным требованиям система формирования и реализации аграрной политики, которая соответствовала бы опыту «всех развитых стран», не была создана.* Общее социально-экономическое состояние аграрного сектора и всей сельской местности оставалось тяжелым, крайне неустойчивым, представляющим угрозу не только продовольственной, но и всей национальной безопасности страны.

По сути, в сельском хозяйстве страны происходит *деиндустриализация сельскохозяйственного производства.* Сельхозтехника крайне изношена и сроки ее эксплуатации перешли все разумные границы. В крайнем упадке находится вся система сельскохозяйственного машиностроения. *В кризисном состоянии плодородие почв.* При доле России в мировом производстве минеральных удобрений более 9%, в потреблении эта доля почти в 8 раз меньше. При общем увеличении (с 15,9 до 18,3 млн т) производства минеральных удобрений за 1990–2013 гг. внесение их в почву в России сократилось с 9,9

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

до 2,0 млн т, а в расчете на 1 га посевных площадей с 88 до 37 кг. Почти не используются органические удобрения. Заброшена химическая мелиорация земель. Известкование кислых почв, занимающих 35% пашни в России, с 1990 г. упало в 17 раз до 0,3 млн га. В критическом состоянии ирригация.

Крайне опасна *десоциализация села*. Перенос ответственности за поддержание и развитие жилищно-коммунальной, социальной, медицинской и образовательной сферы с сельхозпредприятий на не имеющие ресурсов муниципальные образования при слабой поддержке этой сферы государством привел к масштабной деградации инженерной и социальной инфраструктуры в сельских регионах. Около 60% сельских жителей срочно нуждаются в улучшении жилищных условий. Жилой фонд изношен, большая его часть не имеет элементарных коммунальных удобств. Отмеченная президентом страны «общая невостребованность», качество жизни, вдвое заниженный в сравнении со средним по экономике уровень оплаты труда селян подрывают стимулы их эффективной деятельности.

При сохранении такой ситуации развитие человеческого потенциала занятых в сельском хозяйстве, привлечение на село квалифицированных специалистов, преодоление депопуляции многих сельских территорий, а следовательно, поддержание устойчивости на большей части территории России, особенно в труднодоступных и приграничных районах, маловероятно. Госпрограммы развития сельского хозяйства и целевые программы развития села без необходимого государственного ресурсного обеспечения не способны переломить негативные тенденции.

Возрождение сельского хозяйства невозможно и без преодоления тенденции его *деинтеллектуализации*. В рамках проводимой аграрной политики практически отсутствует отвечающая современным требованиям система подготовки кадров квалифицированных работников. В 2012 г. среднее профессиональное образование имели около 21% занятых в сельском хозяйстве, высшее профессиональное – менее 10%. Около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут на работу в сельское хозяйство ввиду карьерной и жизненной бесперспективности. При сохранении такого положения через три–пять лет в аграрном секторе почти не останется квалифицированных механизаторов, агрономов, зоотехников и других специалистов. Вследствие отсутствия необходимой господдержки и дезорганизации системы аграрных исследований и разработок сузилась научно-образовательная база аграрного сектора, ухудшилась связь фундаментальной и прикладной наук с производством, усилилась коммерциализация результатов исследований и разработок. Численность научных кадров в аграрных научно-исследовательских учреждениях снизилась более чем вдвое. Не находят практического применения до 80% научных разработок по рациональному ведению сельского хозяйства на

современной технологической основе, хотя даже нынешний инновационный потенциал в сельском хозяйстве оценивается в 400 млрд руб.

Определенную негативную роль играет и *организационная деструктуризация сельхозпроизводства. Не получили широкого распространения настоящие кооперативные формы хозяйства, особенно вертикального типа, а в производственных кооперативах во многом сохранились прежние колхозные порядки, закреплённые нормами ущербного по своему содержанию Закона «О сельскохозяйственной кооперации». Места кооперативов, по сути, часто заменяют огромные агрохолдинги, не всегда эффективно использующие земельные и водные ресурсы, высвобождающие без предоставления альтернативной занятости значительные трудовые ресурсы и поглощающие основную часть кредитно-инвестиционных (в том числе государственных) ресурсов.*

На другом полюсе находится предоставленная сама себе масса мелких хозяйств населения (прежде всего приусадебные и другие семейные хозяйства), располагающих очень ограниченными земельными и кредитными ресурсами, хотя производящих более 40% валовой продукции отрасли. Возросла роль фермерских хозяйств, успешно конкурирующих с агрохолдингами в производстве таких интенсивных культур, как подсолнечник (более 27%), зерно (свыше 22%), овощи (почти 14%), сахарная свекла (12%), но также имеющих ограниченные ресурсы господдержки. Крайне недостаточно поддержка государством средних и крупных агропредприятий, имеющих больший потенциал развития, но вследствие обусловленного механизмом «перекачки» бедственного финансово-экономического положения лишенных возможности его рационально использовать.

России нужна новая аграрная политика

Как уже отмечалось, основным изъяном проводимой в России аграрной политики, усугубляющим причины перечисленных кризисных трендов, является не только совершенно *недостаточная бюджетно-финансовая, но и «дополняющая» ее, богатая парадоксами и неувязками организационно-правовая господдержка сельского хозяйства.* Оно по-прежнему рассматривается и фактически используется как ослабевшая от недокорма «дойная корова» для обеспечения других общественных нужд. В то же время *масштабы производимого крестьянством национального дохода позволяют успешно и форсировано осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от подрывающей производительные силы сельского хозяйства перекачки, т.е. перестать бесцеремонно обирать село* [Милосердов, 2010 г.].

Власти современной России и субъекты монопольного окружения сельского хозяйства, бесспорно, ослабили бремя перекачки. Селу возвращается

часть изымаемых у него государством, посредниками, «партнерами» по АПК доходов, но суммы этого возврата не отвечают принципам эквивалентного обмена и социальной справедливости в отношении крестьянства. По данным за 2009–2012 гг., только по расчетам на товарную продукцию сельского хозяйства государство и субъекты монопольного окружения села «выкачивали» из отрасли в среднем за год по 1,3 трлн руб. вновь созданной стоимости отрасли. Селу же было возвращено через бюджетные назначения 1/10 этой суммы, причем непосредственные производители получили менее 1/4 этих назначений. Такого фискального бремени не испытывает в стране ни одна другая отрасль, ни одна другая группа населения. По имеющимся оценкам, за эти годы сумма уплаченных субъектами сельского хозяйства налогов, сборов и других обязательных платежей, а также страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на 7–18% превышала его поддержку из консолидированного бюджета.

Доля аграрной составляющей этого бюджета за 1990–2012 гг. снизилась на порядок (до 1,2%) против, например, 10% госбюджета соседней «союзной» Республики Беларусь. По уровню основной теперь формы прямой господдержки сельхозпроизводителей в расчете на 1 га пашни Россия отстает от стран ЕС, Китая, других государств в 10–15 и более раз. Доля бюджетной поддержки сельского хозяйства в России втрое ниже доли сельского хозяйства в создании валовой добавленной стоимости в экономике, а в странах Евросоюза – почти в 19 раз выше [Пошкус, 2010 г.].

Для поддержания, а тем более наращивания производства хозяйства вынуждены брать кредиты под крайне высокие даже льготные проценты, что неизбежно приводит к образованию задолженности, приблизившейся к 2,5 трлн руб. – почти в 1,3 раза превышающей годовую выручку от реализации произведенной ими продукции в 2014 г., что при отсутствии средств у СХО для возврата долгов ставит многие из них на грань разорения.

В упомянутом отчете Правительства РФ в Госдуме 22 апреля 2014 г. Д.А. Медведев заявил, что задолженность СХО по кредитам является «положительным фактором», не пояснив сути этой «положительности» для хозяйств. Если имеется в виду списание задолженности как возникшей вследствие непрофессионализма властей в проведении аграрной политики, то такое заявление сельхозпроизводители будут приветствовать, как меру социальной справедливости. Но если они останутся в роли должников, то с дальнейшим накоплением задолженности и сохранением нынешнего неэквивалентного обмена, ценового диспаритета, продолжающейся «перекачки» результатов крестьянского труда сельское хозяйство окажется в безвыходной долговой яме и состоянии полного банкротства, в котором ничего «положительного» не просматривается.

Страны, реально стремящиеся к достижению продовольственной и в связи с нею общей национальной безопасности, соответственно, к активному позиционированию на мировом агропродовольственном рынке, не только декларируют эту приоритетность, но на деле оказывают ему реальную и устойчивую бюджетно-финансовую и организационно-управленческую поддержку. В Евросоюзе сопоставимом с РФ по площади сельхозугодий, но имеющем более благоприятные климатические условия, гораздо лучше развитую сельскую инфраструктуру, на Общую сельскохозяйственную политику в 2014–2020 г. намечено направить более 408 млрд евро или примерно 18 трлн руб. (по курсу ЦБ РФ 2013 г.). В российском госбюджете сопоставимые средства – 20 трлн руб. в качестве главного приоритета намечено до 2020 г. направить на вооружения. В Госпрограмме развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. предусмотрено финансирование на порядок меньше (всего 1,5 трлн руб. из федерального бюджета). Однако даже намеченные до предела «урезанные» размеры господдержки вряд ли будут достигнуты, учитывая сложившуюся практику первоочередного секвестирования расходов бюджета (во всяком случае, федерального) на аграрное развитие.

Преодолеть кризис возможно, судя по опыту развитых стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом последовательно протекционистской модели аграрной политики. Изобретать здесь какую-то призрачную конструкцию «особого пути», которую, согласно поэтической притче, «умом не понять» (и в которую надо бездумно «только верить») и втискивать в нее реальную экономическую, в том числе аграрную, политику – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и страны в целом. По некоторым авторитетным оценкам, это прямой путь к катастрофе [Кончаловский, 2013 г.], постигшей, как известно, и Великую, «неделимую» царскую Россию, и «передовой», как считалось, «нерушимый» советский строй.

Конструкция «особого российского пути» была и остается разве что удобной властям для навязывания стране (и оправдания) разного рода надуманных «исторических» решений, «крутых» поворотов и переворотов, «великих переломов», амбициозных «прорывных» проектов, поисков и «назначений» врагов и прочих «приоритетных» увлечений распорядителей движения по ухабам и трясинам этого пути. Когда же обнаруживается их абсурдность, разрушительность, все легко списать на «загадочность» русской души, на «перегибы», «культ личности» и т.д., включая «происки» Запада, а в «прикладном» плане на стрелочников-исполнителей.

Понятно, что ресурсы государства ограничены. Но ограниченность ресурсов, в том числе финансовых возможностей – общая закономерность, характерная для любой страны и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском хозяйстве (к тому же не имевших таких, как Россия по-

токов нефтедолларов), на деле исходили и исходят из его приоритета и формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общей сбалансированности социально-экономического развития, создающего возможность системной модернизации всего народного хозяйства.

Если можно как-то объяснить (в том числе мнимыми угрозами) необходимость обременительных военных расходов, то, по меньшей мере, сомнение вызывает заведомо излишнее усердие распорядителей и распределителей общенародного финансового фонда в затратах на «братскую» помощь, «дружеские» (за счет России) отношения, космические, спортивные, юбилейные и прочие их увлечения и прихоти. Трудно объяснить и волевое списание десятков миллиардов долларов внешних долгов. А здесь немалые источники для обеспечения приоритета первостепенной значимости – возрождения сельского хозяйства, если к ним добавить еще доходы от экспортной выручки за углеводороды, а тем более того же зерна. Сейчас от этой выручки селу не достается ни копейки. Помогло бы этому возрождению введение, наконец, прогрессивного налога, обращение на его нужды части природной, а тем более земельной ренты как составной части создаваемого в отрасли национального дохода.

Повторимся, нужна не корректировка проводимой ныне в стране аграрной политики, а ее радикальное изменение, по сути, формирование «новой актуализированной аграрной политики, новой модели функционирования АПК» [И.Г. Ушачев, 2014 г.].

Мобилизовать необходимые для приоритетного развития сельского хозяйства средства вполне реально и в нынешних сложных социально-экономических условиях, если осуществить ответственный государственный подход к расстановке макроэкономических приоритетов, обеспечению структурной сбалансированности экономики с учетом использования для насущных нужд села части суверенных финансовых фондов страны наряду с другими претендентами (крупные банки, нефтегазовые и прочие госкомпании), если не в первую очередь. К сожалению, такого подхода, необходимого бюджетного маневра в работе экономического блока правительства судя по практическим его действиям и планам (соответственно, и по негативным последствиям) пока не просматривается. Опять стремление поддерживать в первую очередь банки с их новыми долгами и теми же внушительными бонусами и ростовщическими процентными ставками, те же монополизированные госструктуры. Одной только Роснефти из указанных фондов намечено добавить свыше 600 млрд руб., в то время как на 27% сельского населения выделена подачка в 20 млрд, т.е. с соотношением 32:1 и 3: в сравнении с общей суммой годового бюджета сельского хозяйства.

В современных условиях, когда продовольствие становится все более действенным инструментом геополитики, когда сельское хозяйство США все

больше теряет значение мировой продовольственной «подушки безопасности», а Китай и Индия сосредоточены на обеспечении продуктами питания собственного населения, *Россия, опираясь на приоритетное развитие сельского хозяйства и всего АПК, может не только не быть вытесненной на периферию мировой экономики, но и стать одним из основателей и ключевых игроков нового «продовольственного миропорядка» на выгодных для себя долговременных условиях. Причем это возможно и при опосредованной рыночным механизмом модели «мобилизационной экономики», ориентированной на системную социально-экономическую модернизацию сельского хозяйства и максимальную самообеспеченность страны продовольствием.*

Литература

1. Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 9.
2. Аграрная политика России – современные тенденции. – М.: ИМЭПИ, 1999. – С. 11.
3. Аграрный протекционизм: Научные основы, механизм осуществления в условиях рыночных отношений. – М., 2007. – 470 с.
4. Буздалов И.Н. Аграрная теория: Концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. – М., 2005.
5. Буздалов И.Н. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. – М., 2010. – № 9.
6. Буздалов И.Н. Униженный класс: О социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства // Вопросы экономики. – М., 2011. – № 4.
7. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. – М., 2013. – С. 98.
8. Жученко А.А. Вызовы XXI столетия мировой и отечественной продовольственной безопасности // Агропродовольственная политика России. – М., 2012. – № 1.
9. Кончаловский А. У России нет своего пути – свой путь ведет к катастрофе // Аргументы и факты. – 15 апреля 2013 г.
10. Лемешев М.Я. и др. Мировой опыт пока ничему не учит. – М., 2011.
11. Милосердов В.В. Многострадальная судьба российского крестьянства. – М., 2010.
12. Пошкус Б.И. Факторы укрепления сельского хозяйства: Надежды и действительность. – Екатеринбург, 2011.
13. Пивоваров Ю.С. Профиль. – М., 2008. – № 32. – С. 21.
14. Шмелёв Г.И. Аграрная теория и аграрная политика России в XX веке. – М., 2000.
15. Ушачев И.Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе России. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – М., 2014. – № 4.

В.В. Пациорковский

**НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ**

Пациорковский Валерий Валентинович – доктор
экономических наук, профессор, заведующий лабораторией
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

В технологическом развитии все компоненты народного хозяйства, а не только его отраслевая структура, на которую сделан акцент в программных установках конференции «Технологическое развитие России: ключевые проблемы и решения», должны находиться в тесном взаимодействии и соответствии формируемому технологическому укладу. В этом плане для нашей страны модернизация домохозяйств и общих условий жизни широких слоев населения на основе использования ими новых технологий весьма актуальны. Вряд ли можно добиться больших успехов в инновационном развитии, если мы, как и раньше, будем стремиться создать в промышленности и на производстве современный технологический уклад, а домохозяйства и социальная инфраструктура останутся в стороне от технологического развития.

Повышение устойчивости жизнеобеспечения индивидуального семейного жилища посредством его переустройства на основе повышения автономности водообеспечения и водоотведения, газо- и энергопотребления, тепло- и энергосбережения, равно как и широкого использования возможностей IT-технологий в быту, открывают огромные перспективы в нарастании производственной функции домохозяйств, прежде всего в сельской местности и в диверсификации экономики.

К сожалению, в нашей стране отсутствуют какие-либо программы модернизации домохозяйств и их адаптации к новому технологическому укладу. Реализуемая в настоящее время федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 гг. далека от задач модернизации жилищного фонда

основной части домохозяйств¹. Она ориентирована на расселение из даже не ветхих, а аварийных домов, опасных для проживания, равно как и на содействие в обеспечении жильем отдельных групп граждан (молодых семей, ветеранов войны, военнослужащих).

Между тем, по различным данным, не менее 75–80% семейных домохозяйств страны размещено в морально устаревшем жилищном фонде. Его основные характеристики в городских домохозяйствах – малогабаритные квартиры с низкими потолками и жесткой планировкой, а в сельской местности – отсутствие практически всех коммунальных удобств от водоподведения до водоотведения.

В городе это жилище предполагало вынос в общественное обслуживание основной части функций, осуществляемых семейным домохозяйством, а в сельской местности – развитие технических систем и инженерной инфраструктуры. Хорошо известно, что в ушедший период социальная инфраструктура в городе получила очень ограниченное развитие, а сельская местность практически так и осталась без инженерной и социальной инфраструктуры.

Конечно, отказ от строительства морально устаревшего панельного жилья, планируемый, например, в Москве с 2016 г.², можно рассматривать как составную часть модернизации жилищного фонда. Однако подобное развитие событий не может отразиться на удовлетворении потребности основной части домохозяйств в современном жилище. Более того, если учесть, что к настоящему времени почти весь жилой фонд приватизирован, то задача улучшения жилищных условий ложится на саму семью и домохозяйство. Государство же в новой реальности скорее должно способствовать созданию благоприятных условий для решения семей рассматриваемых задач, чем само принимать непосредственное участие в их выполнении.

Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что современное жилище предполагает индивидуальное домостроение усадебного типа, а именно **дом, двор, хозяйственное подворье и земельный участок**. Только в таком жилище сегодня и на перспективу возможно удовлетворение разнообразных потребностей всех половозрастных групп населения от грудных детей до немощных стариков. Уместно отметить, что указанный вектор

1. О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 гг. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050 г. – <http://www.rg.ru/2011/02/01/jilische-site-dok.html>

2. В Москве больше не будут строить морально устаревшее панельное жилье. – <http://moskovskaya.mesto.ru/news/v-moskve-bolshe-ne-budut-stroit-moralno-ustarevshee-panelnoe-zhile-6371.html>

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

развития связан главным образом с сельской местностью, малыми городами и пригородом.

Исходя из важности указанных обстоятельств, которые могут играть заметную роль при разработке конкретных мер и механизмов инновационного развития, ниже уделено внимание ряду вопросов строительства и модернизации индивидуальных домохозяйств.

Доступность земли для индивидуального жилищного строительства. Росреестр при описании земельного фонда использует 13 различных видов разрешенного использования земель поселений и сельскохозяйственного назначения. Все они допускают производство сельскохозяйственной продукции на этих землях, но не все разрешают жилищное строительство. Земли, на которых их владельцам разрешено строительство жилых домов, представлены в таблице 1.

Таблица 1

**ЗЕМЛИ ПОСЕЛЕНИЙ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ,
НА КОТОРЫХ ВЛАДЕЛЬЦАМ РАЗРЕШЕНО ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЖИЛИЩНОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО, 2013 г.**

<i>Вид использования земли</i>	<i>Количество граждан, ед.</i>	<i>Общая площадь, тыс. га</i>	<i>Доля граждан в данном виде использования земли, в %</i>	<i>Доля земли в данном виде использования, в %</i>
1	2	3	4	5
Крестьянские (фермерские) хозяйства	259 195	23 707,6	1,1	73,2
Личные подсобные хозяйства	16 278 585	7 648,2	67,5	23,5
Дачные участки и дачные объединения	223 093	92,2	0,9	0,3
Земельные участки, предоставленные гражданам для индивидуального жилищного строительства	7 338 779	920,8	30,5	3,0
Всего	24 099 652	32 368,8	100,0	100,0

Источник: Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года. – М.: Росреестр, 2013. – С. 497–602³.

В предлагаемую таблицу не попали граждане – владельцы земельных долей и земельных участков в садовых, огородных и животноводческих

3. Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года. – М.: Росреестр, 2013. – С. 497–602.

товариществах, которых по данным Росреестра насчитывается около 18,5 млн человек. Связано это с тем, что на таких землях строительство жилья для постоянного проживания запрещено законодательно. Тот факт, что именно там оно и шло наиболее бурными темпами все последнее время вплоть до появления такого разрешенного вида использования как дачное строительство с правом возведения жилого дома и с правом регистрации проживания в нем, не должен вводить в заблуждение. Встающие при этом проблемы изменения разрешенного вида использования земель, а тем более перевода земли из одной категории в другую (из земель лесного фонда или сельскохозяйственного назначения в земли поселений), далеко выходит за пределы нашего рассмотрения.

Из данных таблицы 1 (столбец 2) видно, что к настоящему времени только около 17% населения страны получило доступ к земле с целью индивидуального жилищного строительства. Это чрезвычайно важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что формирование рынка земли в наблюдаемый период открыло пока еще очень ограниченный доступ к земельным участкам основной массе экономически активного населения.

С учетом сказанного, при анализе социально-экономических последствий купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения следует принимать в расчет не только наблюдающиеся факты их выбытия и сокращения. Огромную роль здесь играет и то обстоятельство, что **земли сельскохозяйственного назначения оказались тем ресурсом, доступность которого позволяет многим людям самостоятельно решать различные проблемы своей жизни: от производства сельскохозяйственной продукции, до строительства жилья, удовлетворения рекреационных потребностей и капитализации личных и семейных сбережений** (столбец 3).

Одно из важных следствий формирования рынка земли связано с тем, что сегодня повсеместно земельные участки для целей индивидуального жилищного строительства как на землях населенных пунктов, так и на землях сельскохозяйственного назначения продаются по всему периметру расселения в различных регионах страны. При этом в собственности граждан в 2013 г. было всего лишь 6,9% земель РФ⁴. Сдерживающими факторами здесь являются политика государства и спрос. В то же время если смотреть на предложение, то может создаться впечатление, что продается весь тот или иной регион⁵.

4. *Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года.* – М.: Росреестр, 2013. – С. 235.

5. *См.: Продажа земельных участков в Республике Башкортостан.* – <http://www.roszem.ru/regions/bashkortostan-respublika>; <http://realty.dmir.ru/bas/sale/prodazha-zemli-v-respublike-bashkortostan>; <http://zem.mirkvartir.ru/Башкортостан+ республика>. *См.*

Описываемые процессы дали новый импульс концентрации населения вокруг больших городов. Интенсивно идет переселение населения в районы, прилегающие к региональным центрам. Причем преимущество в развитии имеют те поселения, тяготеющие к такому центру, которые открывают возможность ежедневной маятниковой трудовой миграции.

В регионах получило распространение строительство и создание коттеджных поселков. Всего таких поселков строится только вокруг Уфы и Рязани более чем по 20 в каждом случае⁶. Тема о том, как застраивается Подмосковье, требует особого рассмотрения. Формирование таких поселков окажет определенное влияние на систему расселения и муниципальную жизнь. Проблема здесь состоит в том, что когда они создаются с подрядом на землях поселений, то их интеграция в муниципальное образование не вызывает больших напряжений. Вместе с тем основная часть таких поселков создается на выведенных из оборота землях сельскохозяйственного назначения и строится без подряда. В этих случаях их интеграция в соседние муниципальные поселения весьма проблематична.

В местах, нуждающихся в повторном заселении, рано или поздно придется переходить от умирающего компактного к формированию дисперсного расселения, от навязанного сверху местного самоуправления к чему-то похожему на ТОСы. В указанном направлении идет и инициатива снизу, которая формируется от получающих все более широкое распространение индивидуальных рисков, связанных с переселением в сельскую местность⁷, до различных коммерческих и общественных начинаний по созданию родовых поместий, экопоселений⁸. Например, на сервере родовых поместий в Рязанской области отмечено семь таких поселений⁹.

Вот как представляют свое поселение в одном из них – «Лагоде». «Земля в собственности. Переведена в разрешенный вид использования “для дачного строительства”. Это позволяет, уплачивая минимальные земельные налоги, строить любые постройки (в том числе и жилые дома) без согласования с архитектором и другими властями. Так же значительно упрощаются и удешевляются все вопросы, связанные с подводом коммуникаций (электричества,

также: Продажа земельных участков в Рязанской области. – <http://realestate.pingola.ru/sale>; <http://www.roszem.ru/regions/ryazanskaya-oblast> и др.

6. Коммеджные поселки Уфы. – <http://ufa.zemlebaza.ru>. Коммеджные поселки Рязани. – <http://www.062.ru/cat/12-522>

7. Лельчук А. Исход из города. – <http://ladim.org/st0ea122F201.php>; Текун М. Мой биполярный мир. – <http://ladim.org/st0da121c201.php>

8. Список родовых поселений, экопоселений России. – <http://poselenia.ru>

9. Рязанская область. – <http://poselenia.ru/region/59/136>; Лагода. – <http://poselenia.ru/poselenie/2678>

газа, дорог)»¹⁰. Эта рекламно-маркетинговая информация служит хорошим примером выхода исходно полезной инициативы за рамки действующего законодательства. Связано это в основном со слабостью правового поля и ограниченностью интереса местных и региональных властей к вопросам массового индивидуального жилищного строительства.

Массовое индивидуальное жилищное строительство. Решение задач модернизации домохозяйств вряд ли возможно без разворачивания массового индивидуального жилищного строительства на селе и в малых городах. Все программы обеспечения жильем молодых специалистов, молодых семей, ветеранов и т.п., решая текущие задачи предотвращения развала села, закрепляют режим выживания. Они весьма далеки от проблем устойчивого сельского развития.

Формируемое в стране рыночно ориентированное правовое поле (Земельный, Жилищный и Градостроительный кодексы), опережая свое время, препятствуют массовому жилищному строительству. В то же время только поощрение индивидуального строительства современного жилья на основе выделения земельных участков и предоставления товарного кредита способно быстро и эффективно решить задачу обеспечения жильем всех нуждающихся в нем горожан и селян¹¹. Такое развитие событий может способствовать повышению привлекательности и качества жизни на селе и в малых городах.

Федеральный центр за пределами устных высказываний руководителей страны в пользу поддержки малоэтажного жилищного строительства¹² принимает в этом направлении очень ограниченные управленческие и законодательные решения. В то же время такие решения крайне необходимы. Во-первых, для того чтобы дать четкий сигнал многим регионам, привыкшим не делать лишних телодвижений без указаний сверху. Во-вторых, для приведения действующей нормативной базы в части Градостроительного, Жилищного, Земельного, Лесного и Водного кодексов в соответствие с требованиями развития массового индивидуального жилищного строительства.

Сегодня повсеместно, в том числе и в сельской местности, земельный участок под индивидуальное жилищное строительство можно приобрести

10. Лагода. – <http://poselenia.ru/poselenie/2678>

11. Гудков А., Сапожников О. Строителям пообещали прямые выборы // Коммерсантъ. – М., 2010. – 5 июля. № 118/П4418.

12. Медведев Д.А.: «Нужно сделать так, чтобы земли работали для жилищного строительства». 01.07.2009 г. // Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства. Видеоматериалы. – <http://www.fondrgs.ru/press/video/1089.html>; Медведев Д.А.: Рабочая встреча с губернатором Белгородской области Евгением Савченко 31 марта 2010 года. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/7297>

только по аукциону. В связи с огромной и хорошо известной разницей в доходах и уровне жизни в городской и сельской местности указанное положение дел ставит в совершенно неравные условия местных селян и пришлых горожан, желающих приобрести участок в сельской местности. Разработчики такого порядка позаботились о формально равном доступе к земле, совершенно упустив из виду, что у нас в городе и на селе в обороте находятся, если так можно выразиться, абсолютно другие деньги.

Массовое индивидуальное жилищное строительство правильно рассматривать как исходный пункт модернизации всей системы расселения, в том числе и индивидуальных домохозяйств. К нему и надо стремиться, зафиксировав «оживление жилищного строительства»¹³. Поэтому, как уже отмечалось в ряде предыдущих работ автора, инновация типа: «*Построй свой дом!*» или «*Построй свой дом – укрепи Россию!*»¹⁴ сегодня и на перспективу может сыграть важную роль в консолидации общества, открыть каналы новых инициатив и модернизации снизу.

Предлагаемая инновация, во-первых, направлена на удовлетворение отложенных первичных потребностей и неудовлетворенного спроса много-миллионной массы россиян. Во-вторых, она может способствовать восстановлению чувства справедливости, попоранному шоковой терапией и приватизацией. В-третьих, строительство собственного дома на своей земле открывает широкие возможности распространения самозанятости и формирования самодостаточного в своей основе социального слоя населения. Именно такие слои и составляют костяк среднего класса. С жилищным строительством на селе связана и модернизация сельского подворья, приведение его в соответствие действующему технологическому укладу. Это очень важный момент. Он может быть упрятан в декларации по улучшению условий жизни селян.

Формирование на сельском подворье и в домохозяйстве современного технологического уклада. Материально-техническая база российского сельского подворья в лучшем случае соответствует третьему технологическому укладу. По расчетам экономистов, он господствовал в народном хозяйстве еще примерно в 1880–1930 гг. В то же время в народном хозяйстве, в том числе и в крупном сельскохозяйственном производстве, сегодня доминирует

13. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. – С. 5. – <http://www.government.ru/gov/results/13358>

14. Папиорковский В.В. *Сельская Россия: Приоритеты развития.* – М.: Поколение, 2009. – 198 с.; Папиорковский В.В. *Приоритеты демографического развития: Семья и домохозяйство // Национальные проекты.* – М., 2009. – № 3 (34). – С. 84–87.

пятый (1980–2040)¹⁵, а руководство страны совершенно справедливо ставит задачу перехода к шестому технологическому укладу¹⁶.

Технологическая отсталость сельского подворья противоречит его новому положению в обществе в качестве особого экономического уклада. Это реальность, и независимо от того, является ли подворье потребительским или мелкотоварным хозяйством, туда должны прийти современные средства механизации, сертифицированный посадочный материал, элитные породы скота, агрономическое и ветеринарное обслуживание и т.п. Существующий на сельском подворье технологический уклад держит его в режиме выживания и бедности.

Вместе с тем самозанятость на личном подворье должна обеспечивать средние или близкие к ним доходы населения, занятого в народном хозяйстве. В этом случае крестьянин-единоличник, не используя наемный труд, сможет рассчитывать на собственные силы и быть хорошим примером успеха моральной экономики в условиях господства товарно-денежных отношений.

Решение задач модернизации подворий предполагает, кроме нового строительства и технического обновления, внедрение в их повседневную практику технологических карт, позволяющих обчитать экономическую эффективность различного рода продукции и услуг. В 2010 г. среднемесячная начисленная заработная плата составляла 21 193 руб.¹⁷. В таком случае два экономически активных члена домохозяйства, занятые на личном подворье и одновременно желающие остаться на среднем по народному хозяйству уровне вознаграждения за свой труд, должны были иметь среднемесячный доход 42 386 руб. в месяц, или 508 632 руб. в год.

Это значит, что при средних ценах производителей сельскохозяйственной продукции, сложившихся в том году¹⁸, они должны были произвести и реализовать 54 т картофеля, 41 тыс. л коровьего молока, 8,8 т огурцов и т.д. Зная средний выход той или иной продукции с одного га или удоиность одной коровы можно легко выйти на обсчет необходимой техники, земельных площадей, численности дойного стада, требуемого объема кормовых единиц и издержек производства в целом.

Следует помнить, что при любом уровне развития крупного товарного производства подворья всегда смогут найти или сохранить свою нишу. Связано это с тем, что крупные и средние товарные производители, используя

15. Басаргин В. Задача номер один для Минрегиона – стимулировать развитие рынка жилья. – http://www.rost.ru/news/2009/01/231633_16038.shtml

16. Ганьжин В.В. Как России вперед. Отклик на статью Президента РФ «Россия, вперед». – http://ganjin.narod.ru/Kak_Rossii_ypered.htm

17. Россия в цифрах. 2011. – М.: ФСГС, 2011. – С. 124.

18. Там же. – С. 535.

возобновляемые природные ресурсы, нигде и никогда не доходят до производства отдельных видов продукции, требующей огромных затрат труда. Это относится, например, к пчеловодству, кролиководству, выращиванию многих видов растений, грибов и ягод.

Еще важнее общая стабилизирующая и воспроизводственная роль личных подворий на селе. Как уже отмечалось ранее, в многоукладной экономике общество просто обязано следить за тем, чтобы во всех ее секторах господствовал один технологический уклад. Только в этом случае труд в быту и на личном подворье сопоставим с трудом в общественном производстве, а оба уклада находятся в условиях равной конкуренции. Поэтому положение дел на личном подворье, особенно в условиях санкций и решения задач импортозамещения, должно в такой же мере беспокоить общество, как и положение дел у средних и крупных товаропроизводителей.

В пользу возможности движения в указанном направлении свидетельствует несколько важных обстоятельств. Во-первых, эпоха индустриального общества подходит к завершению. Новый технологический уклад предполагает высокий уровень автоматизации и роботизации промышленного производства. Это значит, что настоятельность тотального вовлечения широких масс населения в производство посредством наемного труда быстро падает. И, напротив, растет настоятельность распространения труда на основе свободных профессий и самозанятости.

Во-вторых, распространение новых коммуникационных технологий и скоростного транспорта делают излишней концентрацию трудовых ресурсов и рабочих мест на заводах, фабриках и в офисах крупных городов и агломераций. В этих условиях с неизбежностью начинает расти роль семейного жилища и домохозяйства. Там, где это возможно, они быстро прибавляют к потребительской производственную функцию. В нашей стране в последние годы этот процесс идет особенно интенсивно в сельской местности.

В-третьих, исторически оказалось так, что со временем хозяйственные отношения в капиталистической экономике приобрели характерные для нее черты свободы от всего, что стоит на пути получения прибыли. Реальность состоит в том, что сегодня как в нашей стране, так и в окружающем нас мире, в том числе и в социальной науке, стараются избегать обсуждения вопросов, связанных с нравственностью экономики.

В этом плане домашняя экономика, разрушенная индустриальным обществом и вновь встающая сегодня на ноги, моральна по своей природе. Она открывает огромные возможности совершенно других социально-экономических отношений, которые в уходящем обществе рассматриваются как реликты или чудачества отдельных людей. Если моральная экономика займет достаточно большую нишу, то это может способствовать оздоровлению

всего общества, в том числе семейных отношений и матримониального поведения.

В сложившихся условиях хозяйствования, независимо от провозглашаемых намерений, само противопоставление мелкотоварного сектора и крупных товаропроизводителей на селе закрывает перспективы сельского развития. Кстати сказать, развитие сельского туризма и народных промыслов тесно связано с семейными домохозяйствами. Необходимый для сельского туризма гостиничный фонд и другие виды услуг могут сформировать только семейные хозяйства.

Информатизация как составная часть модернизации домохозяйств.

Модернизация домохозяйств в качестве одной из своих составляющих предполагает повышение уровня и качества информатизации различных сторон их жизни, в том числе и решения задач, связанных с организацией производства и реализацией продукции мелкотоварных производителей, в том числе и сельских.

Информатизация сельских домохозяйств имеет как общие черты, так и существенные различия с проблемами информатизации и инновационного развития сельского хозяйства и АПК. В отличие от агробизнеса, требующего для решения своих задач огромного комплекса новых разработок по адаптации информационных технологий к его потребностям, информатизация домохозяйств идет в известном смысле независимо от провозглашаемых установок как потребителей, так и органов управления. Сегодня и на ближайшую перспективу материально-техническую основу информационного блока сельского домохозяйства составляют *мобильные средства связи и планшетные компьютеры*. Этот блок, если еще и не сформирован полностью, то, как минимум, формируется полным ходом.

В наших обследованиях последних лет (2006–2010) мы фиксировали широкое распространение на селе потребительского кредитования под покупку мобильного телефона. Городские дети покупают сельским родителям телефоны и сами обслуживают их, получая взамен спокойствие за постоянную связь с престарелыми родителями. А уж как эти телефоны в полном смысле «нянчат» сельяне и передать трудно.

Конечно, этот пример свидетельствует в первую очередь о социальной функции информатизации сельского домохозяйства. Вряд ли здесь нужно напоминать, что в отличие от агробизнеса сельское домохозяйство – исходно социальная и уже потом хозяйственная ячейка общества. Всему свое место и время.

По данным «Комплексного наблюдения условий жизни населения», выполненного органами статистики в 2011 г., в настоящее время в сельской местности в расчете на 100 домохозяйств имеется 183,4 мобильных телефона и 38,4 персональных компьютеров, планшетников и цифровых органов-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

зеров¹⁹. При этом 28,1% сельских домохозяйств имеют непосредственный доступ в Интернет. Из них 14,8% уже используют технологии *беспроводного* доступа к сети Интернет²⁰.

Последнее обстоятельство имеет, на наш взгляд, решающее значение. Использование *проводных* технологий доступа к сети Интернет, не говоря уже о телевидении, ограничено в своей перспективе развития. Это особенно справедливо для сельской местности.

Напротив, беспроводные сети уже сегодня открывают огромные, пока еще слабо используемые населением возможности. В качестве одного из фундаментальных и уже действующих сервисов в этой сфере следует указать на комплекс онл@йн-услуг, предлагаемый Сбербанком. В этот комплекс входят услуги по управлению счетами через мобильный телефон (Мобильный банк), доступ к услугам банка через Интернет (Сбербанк онл@йн), автоматическое пополнение мобильного телефона (Автоплатеж), информационное банковское обслуживание по телефону (Контактный центр) и многие другие сервисы²¹, имеющие огромную перспективу развития и использования.

Если учесть, что Сбербанк фактически монополист как по оказанию банковских услуг в сельской местности нашей страны, так и по доверию, которым он пользуется у населения, то распространение его информационных услуг на селе – дело времени и маркетинговой политики. Люди очень быстро сообразят, что оплата мобильного телефона непосредственно у себя дома, в пути, в поле или огороде гораздо удобнее не только посещения банка, но и оплаты с помощью платежной карты, банкомата или информационно-платежного терминала.

Такого рода услуги формируют инфраструктуру информационного сервиса самых различных сторон жизни селян, связанных с открытием возможности перехода к безналичным расчетам в сфере оплаты труда, расчетов за поставленную продукцию, товары и услуги. Они способствуют интеграции домохозяйства в социальные связи и реальный сектор экономики, разрушая традиционные представления о подворье как изолированном, натуральном хозяйстве.

При этом модернизация частного подворья в целом предполагает повышение уровня его автономности посредством распространения автономных систем водообеспечения, водоотведения, энергообеспечения и др. Ошибочно

19. *Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения*. – М.: Росстат, 2012. Табл. 13, лист 1. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/ko-ujn.html

20. Там же, табл. 14, лист 1.

21. *Сбербанк. Онл@йн-услуги*. – http://sbrf.ru/moscowblast/ru/person/dist_services

рассматривать повышение уровня автономности как тенденцию к изолированности и натурализации. Автономность – антитеза чрезмерного обобществления и централизации, ограничивающих возможности маневра и реакции частного хозяйственного предприятия²² (сельского подворья) на изменения внешней среды и условий хозяйствования.

Информатизация домохозяйства представляет собой очень важное звено его модернизации. Она обеспечивает его интеграцию в народнохозяйственные связи без использования удушающих механизмов централизации и управления. Уже и сегодня сам доступ к сети Интернет позволяет каждому пользователю получить любую мыслимую и не мыслимую, разумную, а иногда и не очень, информацию по всем вопросам жизни, в том числе и по ведению хозяйства. При этом сетевой доступ весьма разнообразен и специализирован. Он имеет широкий спектр возможностей: от самостоятельного повышения квалификации через доступ к требуемой литературе – до получения специальных консультаций и даже обмена опытом в специализированных социальных сетях и тематических чатах.

О возможностях, связанных с геосистемами, геопозиционированием и геонавигацией, которые предоставляют планшетные компьютеры и смартфоны, многие люди давно мечтают, но еще просто не знают. Вместе с тем с их помощью можно с минимальными затратами контролировать границы земельных участков и землепользования (посредством использования геосистем – ГЛОНАСС, GPRS и геопозиционирования), положение дел в любой точке хозяйства не выходя из дома (видеонаблюдение), а также многие хозяйственные процессы от вспашки до выпаса и доения крупного рогатого скота (дистанционное управление).

Планшетники усиливают и закрепляют движение от *аудио- к визуальной культуре и далее к культуре синтеза звукового и зрительного восприятия* (мультимедийности). Это обстоятельство позволяет утверждать, что всестороннее влияние информатизации на жизнь общества и отдельного человека в ближайшей перспективе будет нарастать быстрыми темпами.

Указанный процесс достаточно хорошо и полно может способствовать объединению тенденций информатизации домохозяйства и одновременно обучению детей в школе. Последние две особенности могут иметь огромные последствия. Особенно если учесть, что они полностью отсутствовали в печатной культуре.

Много лет тому назад (в XVI–XVII вв.) «книга стала в буквальном смысле учебной машиной, а рукописное письмо перешло в разряд вспомога-

22. Чаинов А.В. *Крестьянское хозяйство*. – М.: Экономика, 1989. – С. 203.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

тельных средств обучения»²³. Возможно и в наше время планшетному компьютеру, кроме того, что он уже может использоваться как инструмент управления, суждено стать новой учебной машиной, а книга перейдет в разряд вспомогательных средств обучения и источников информации.

23. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. – <http://knigosite.ru/read/14962-galaktika-gutenberg-gak-lyuen-marshall.html>

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко

ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ДИНАМИКА И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РФ В КОНТАКТНЫХ ЗОНАХ «РУССКО-ВОСТОЧНОГО» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гаврилов Юрий Андреевич – кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Шевченко Александр Георгиевич – старший научный сотрудник
Института социологии РАН.

Проблемы исследования этнорелигиозной динамики

Историческое формирование российско-евразийского суперэтнуса происходило в процессе динамичного взаимодействия русско-православного ядра (включающего также украинцев и белорусов) со множеством этнических единиц самого разнообразного происхождения. В процессе такого взаимодействия органически формировалось этнокультурное целое как национально-этническая основа российской цивилизационной общности.

Такой процесс отнюдь не означал ассимиляции – каждая этническая общность сохраняла свое неповторимое культурное и религиозное своеобразие. Ряд народов, которые до вхождения в состав российской суперэтнической общности придерживались своих традиционных анимистических и магических верований (собирательно именуемых шаманизмом) – угрофинские, часть тюркских, малочисленные этносы северного и сибирско-дальневосточного регионов со временем относительно легко приняли «русскую веру» – православное христианство. Другие народы, исповедовавшие мировые, локальные и национальные религии (различные течения неправославного христианства, ислама, буддизма, иудаизма), войдя в состав российского суперэтнуса, сохранили свое историческое вероисповедание.

Здесь надо иметь в виду, что при далеко не полном совпадении религии и этничности (в каждом крупном этносе всегда присутствуют религиозные меньшинства), религиозный фактор в формировании этнокультурного облика

того или иного народа играет особую роль. Он проявляет себя не только как индикатор этнической принадлежности («русский – значит православный», «татарин – значит мусульманин»), но и, по мнению этнолога Л. Гумилёва, выступает также в качестве мощной этнической доминанты самого процесса этногенеза [3, с. 190–193]. Тем самым религиозный фактор становится системообразующим элементом этнической традиции, предстающей в данном аспекте как традиция этнорелигиозная¹. Вместе с тем, выступая в качестве доминанты и индикатора этничности, религия не является единственным и исключительным фактором этногенеза. Играя нередко доминантную роль для большого числа народов, она не приводит к их слиянию, хотя и обеспечивает определенную общность.

В этом плане применительно к российскому суперэтносу можно говорить о преобладающем в его составе сообществе православных народов с доминирующим русско-славянским ядром, однако к этому ядру механически несводимом. Так, например, чуваша или мордва, в среде которых православие стало утверждаться с XVI в., приняв «русскую веру», не перестали быть чувашами и мордвой (хотя объективные ассимиляционные процессы, связанные со сменой идентичности, особенно в последние десятилетия, разумеется, имеют место). Аналогичным образом можно говорить о пребывающих в составе российского суперэтноса сообществах мусульманских и буддийских народов. Помимо них в этническом многообразии современной России присутствуют этнические группы, исторически принадлежавшие к неправославным христианским народам (католики, протестанты, монофизиты), а также приверженцы национальных религий (иудеи, караймы), локальных и синкретических культов.

Становление российской суперэтнической общности было таково, что на всем пространстве исторической России между разными этносами и этнокультурными ареалами отсутствовали ярко выраженные разграничения. Еще в первой половине XX в. историки и географы евразийской школы для характеристики этнической карты России-Евразии предложили определение «радужной сети», в пределах которой разнообразные этнические типы сменяют друг друга через ряд промежуточных форм.

Один из основателей классического евразийства историк и лингвист Н. Трубецкой в известной работе «Наследие Чингисхана» в связи с этим писал: «Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом – с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками

1. Сохранение этнорелигиозных традиций и роль в них религиозного фактора не следует путать с динамикой личной веры в Бога и посещением культовых учреждений верующими, хотя рост числа верующих (заметный в России в последнее время), вне сомнения, способствует укреплению этих традиций.

существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом или мордвином или зырянником; но от зыряннина или мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чувашами, татарами, мещеряками); татарский тип также постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят» [7, с. 214].

Действительно, пространству Северной Евразии исторически не был присущ феномен «фронтира» (от английского «frontier» – граница), как именовалась в XVIII–XIX вв. пограничная зона между индейскими племенами и белыми переселенцами в период освоения земель «Дикого Запада» Северной Америки. Для этнической истории евразийского пространства характерно преобладание не жесткого разграничения, а взаимопроникновения различных этнических ареалов. Это относится и к таким отдаленным аналогам «фронтира», как причерноморское степное пространство «Дикого поля» или зона русского продвижения в Восточной Сибири.

На ранних этапах, связанных с гегемонией кочевых тюрко-монгольских этнополитических образований в зоне Великой Степи, последние, проникая в зоны восточнославянского расселения (чаще всего это были военные вторжения, однако имели место и мирные переселения, связанные с переходом на службу русским и литовским князьям), оставляли свои устойчивые этнорелигиозные анклавы. Часть из этих анклавов сохранилась до нашего времени (например, касимовские и литовские татары). В более поздний период уже формирующееся русское этническое ядро в процессе своего расширения в северо-восточном, восточном и южном направлениях вступало в динамичное взаимодействие с автохтонными этническими общностями. Доминирующими в таком взаимодействии явились процессы не ассимиляции (хотя и она присутствовала), а аккультурации – взаимное восприятие материальной и духовной культуры обоими народами при сохранении их в качестве самостоятельных этнических единиц.

Особенно ярко проявил себя феномен аккультурации в случае принадлежности народов к различным этнорелигиозным традициям, в частности православно-христианской и мусульманской: они препятствовали полной ассимиляции, но в то же время не мешали творческому усвоению культуры друг друга. Такая аккультурация никогда не носила одностороннего характера. Те же ученые евразийской школы не без основания считали, что русские (великороссы) в плане своей этнокультурной традиции более близки не к родственным по языку славянским народам, а к другим народам Северной Евразии, генетическое происхождение которых не только не славянское, но

и не индоевропейское – тюркским, угрофинским, монгольским. Это можно проследить в психологическом типе, бытовом укладе, фольклоре, музыкальном и декоративно-прикладном искусстве и даже в языке [5, с. 63–126].

Благодаря такому аккультурационному взаимодействию в зонах тесного соприкосновения русского народа с другими евразийскими этносами в составе русского этнического целого сложились оригинальные субэтнические общности, наиболее ярким примером которых является казачество. Еще более активным был процесс русского культурного влияния на всю мозаику этнических и этнорелигиозных общностей евразийского пространства. Русские в течение нескольких столетий выступали как своего рода «сверхнация», обладающая способностью притягивать к себе в культурно-цивилизационном плане народы, вступившие в поле русской культуры. Отсюда, в частности, произошли такие расхожие понятия, как «русские татары», «русские евреи» и «русские немцы» [4, с. 286–287], а также такой глубоко оригинальный феномен, как «русское мусульманство». На последний еще на рубеже XIX–XX вв. обратил внимание известный крымско-татарский просветитель Исмаил-бей Гаспринский [2].

Процессы такого этнокультурного взаимодействия в той или иной форме имели место на всем пространстве исторической России. Однако наибольшее значение в данном плане приобретали те контактные зоны, где русско-православному миру довелось напрямую соприкоснуться с иноверными этнорелигиозными общностями, представленными не этнодисперсными диаспорами, а автохтонными народами, проживающими в регионах своего исторического «месторазвития» [6, с. 282]. Именно их и можно с определенной мерой условности считать контактными зонами «русско-восточного» взаимодействия. При отсутствии ярко выраженного «фронтира» такие контактные зоны охватывают весьма обширные регионы. В границах современной Российской Федерации их можно отчетливо наблюдать в шести из восьми федеральных округов, существовавших на начало 2014 г.

Неоднозначные и зачастую прямо негативные тенденции этнорелигиозной динамики населения РФ, связанные с активизировавшейся тенденцией убывания русско-славянского православного ядра российского суперэтноса, при одновременном росте уже существовавших и появлении новых неправославных этнорелигиозных общностей как следствия миграционных процессов, о чем мы писали ранее [1], в пределах контактных зон проявляется еще более отчетливо, а потому требует самостоятельного анализа. Поскольку границы этих зон четко не выражены, для удобства анализа нами в качестве таковых выделены обширные географические пространства, включающие по несколько федеральных округов.

Волго-Уральская зона на территории Приволжского и Уральского федеральных округов (Республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татар-

стан, Удмуртия, Чувашия, Пермский край, Кировская, Курганская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская области).

Зона Юга России на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области).

Восточно-Азиатская зона на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Республики Алтай, Бурятия, Саха-Якутия, Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Новосибирская, Омская, Сахалинская, Томская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ).

В совокупности на территориях названных «русско-восточных» контактных зон, по данным последней переписи 2010 г., проживали 90,8 млн человек, что составляет 63,6% населения Российской Федерации. Во всех трех зонах на первое место по численности выходит православная этнокультурная общность, на второе – в Волго-Уральской и Южной – мусульманская, в Восточно-Азиатской – буддийская. Кроме них во всех трех зонах присутствуют представители иной этнокультурной ориентации – неправославной восточно-христианской, западно-христианской, иудейской, а также народы, исторически являющиеся приверженцами локальных и синкретических культов.

Этнорелигиозная динамика² Волго-Уральской зоны

В этой зоне сосредоточено наиболее многочисленное население страны – около 30% всех жителей РФ. За период между двумя переписями оно сократилось на 1,5 млн человек, или на 3,6%, что более чем вдвое выше аналогичного общероссийского показателя (1,6%). Причем почти 80% его жителей приходится на православную этнорелигиозную общность. В ее составе 27 этнических групп, из которых наиболее крупной являются русские – около 70%, еще около 2% в совокупности представлено украинцами и белорусами.

Заметную группу этой общности составляют крупные угрофинские и тюркские этносы (более 500 тыс. человек каждый), имеющие в пределах зоны свои автономные национально-территориальные образования – чувашаи,

2. Здесь и во всех случаях далее приведена как позитивная, так и негативная динамика численности этносов в период между двумя последними переписями населения России.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

мордва, удмурты и марийцы, причем именно на Волго-Урал приходится абсолютное большинство (до 90% и выше) данных народов, проживающих в РФ. В совокупности они составляют здесь около 9% православной общности.

Среди остальных представителей православной общности можно видеть и относительно крупные автохтонные этносы, в том числе относящиеся к северным народам (коми-пермяки, кряшены, ханты, ненцы, манси), и диаспоры выходцев из других российских регионов (осетины, коми), ближнего (молдаване, грузины, гагаузы) и дальнего (греки, болгары) зарубежья. Таким образом, православная общность Волго-Уральской зоны этнически весьма разнообразна: помимо абсолютно доминирующего русского компонента заметную долю в ней составляют довольно крупные тюркские и угро-финские этносы автохтонного происхождения.

Отрицательная динамика, характерная для православной этнокультурной общности по РФ в целом (5,4%), по Волго-Уральской зоне выражена даже более отчетливо – 7%. Общее сокращение здесь происходило преимущественно за счет русских, составляющих абсолютное большинство православного населения Волго-Урала – показатель составил 6%. Однако фактически он был выше: численность украинцев и белорусов за тот же период сократилась на треть, а столь высокие темпы сокращения происходили во многом из-за смены этнической самоидентификации. Все большее число представителей данных этносов идентифицирует себя как русских, но при этом количественный состав русской группы не увеличивается, а напротив, продолжает уменьшаться.

Очень заметна и убыль численности других крупных православных этносов – как автохтонных (наиболее высокий показатель сокращения у коми-пермяков), так и этнодисперсных диаспор (грузин, осетин, молдаван, греков, болгар). Не последнюю роль и здесь играет смена идентичности как следствие ассимиляции. Лишь пять этнических групп увеличили свою численность. Это прежде всего кряшены, которых стало больше на 45%, что, впрочем, во многом связано не с их естественным приростом, а опять-таки со сменой самоидентификации (ранее многие из них идентифицировались с татарами). Довольно заметно (на 10% и выше) увеличилось число представителей северных народов – ханты, манси, ненцев и селькупов.

Мусульманские народы составляют вторую по числу жителей этнорелигиозную группу Волго-Урала. В ее составе к 2010 г. было зафиксировано 24 этнические единицы, которые в этнополитическом аспекте можно распределить на четыре категории, разновеликие по своей численности.

Первую, наиболее крупную, составляют три автохтонных этноса, имеющие в зоне Волго-Урала свои национально-территориальные автономии. Это прежде всего татары – второй после русских по количественному составу и самый многочисленный мусульманский этнос РФ. В пределах Волго-

Уральской зоны татары составляют 10,8% населения и 66,8% мусульман. На данной территории сосредоточено около 86% всех татар РФ, причем представлены основные субэтносы татарского народа – казанские, мишари, пермские, значительная часть сибирских.

Другим автохтонным мусульманским этносом Волго-Урала являются башкиры, на которых приходится 22,5% этнорелигиозной группы. При этом лишь около 3% всех башкир РФ проживают за пределами данной зоны. К двум названным этносам примыкают казахи, проживающие в областях, соприкасающихся с Казахстаном, которых также можно отнести к автохтонным народам Волго-Урала. В совокупности три названных этноса составляют 93,6% мусульман этой зоны.

Три другие категории мусульманских этносов представлены этнодисперсными диаспорами.

Вторая по числу жителей категория – это диаспоры мусульманских народов Средней Азии и Закавказья, составляющие 4,8% мусульман Волго-Урала. Немногим менее половины из них составляют азербайджанцы.

В третью по численности категорию следует выделить диаспоры 12 мусульманских этносов Северного Кавказа, составляющими в совокупности 1,5% волго-уральских мусульман. Среди них наиболее многочисленны лезгинцы, чеченцы и кумыки.

Наконец последнюю, численно незначительную категорию составляют диаспоры мусульманских народов дальнего зарубежья (турки, курды, дунгане, арабы) – не более 0,1%.

Как видим, в настоящее время в мусульманской этнорелигиозной общности Волго-Урала сохраняется абсолютное доминирование автохтонных тюркских этносов – татар, башкир и казахов. Удельный вес других этнических элементов крайне невелик. Вместе с тем динамика различных мусульманских этносов существенно различается, причем для первых из вышеназванных характерна тенденция к сокращению. Для категории среднеазиатских и закавказских диаспор, напротив, характерна активная положительная динамика; при этом больше всего выросло число узбеков.

В связи с этим можно констатировать, что при сохранении данной тенденции на ближайшие десятилетия возможно определенное реструктурирование мусульманской этнорелигиозной общности данной зоны в пользу этнодисперсных диаспор за счет сокращения наиболее многочисленных автохтонных этносов Волго-Урала.

Помимо православных и мусульман в пределах Волго-Уральской зоны, по данным переписи 2010 г., проживают представители других этнорелигиозных общностей, относящиеся к 14 этносам. Их численность в целом невелика и продолжает сокращаться, хотя у народов разных этнорелигиозных традиций динамика во многом различна.

Наиболее активно происходит сокращение западно-христианских народов, которых стало меньше на треть. Определяющим для всей группы явилось резкое уменьшение численности немцев, в первую очередь за счет продолжающейся эмиграции и ассимиляции. Столь же значительно и по тем же самым причинам сократилось число евреев. В то же время возросла численность армян, относящихся по своей этнорелигиозной традиции к неправославным восточно-христианским народам. В результате армяне сделались наиболее многочисленной этнической группой среди народов иных этнорелигиозных традиций, проживающих в Волго-Уральской зоне.

Заметно в процентном отношении увеличилась также общность буддийско-восточноазиатских народов, из числа которых наиболее многочисленной является корейская диаспора. Выросло также число цыган и езидов, условно относимых к приверженцам локальных и синкретических культов. Рост последних связан также с изменением самоидентификации, ибо в ходе предыдущих переписей многие идентифицировались в качестве курдов.

Подводя итоги анализа динамики этнорелигиозных общностей Волго-Уральской зоны, можно констатировать, что отмеченные выше процессы в целом пока не привели к существенным переменам в этнорелигиозной структуре населения, хотя сокращение доли православно-христианской общности с 82,6 до 79,6% сделалось уже заметным. На этом фоне произошло незначительное процентное увеличение мусульманской общности – с 15,9 до 16,2%. Удельный вес народов иных этнорелигиозных традиций остался в пределах 0,9%, однако при этом заметно вырос процент лиц, не указавших своей этнической принадлежности – с 0,6 до 3,3%.

Этнорелигиозная динамика зоны Юга России

Вторая значимая «русско-восточная» контактная зона охватывает до 16% населения РФ. Она характеризуется положительной динамикой его общей численности, что резко выделяет Юг России среди других регионов страны. Другой отличительной ее особенностью можно считать высокую степень этнического разнообразия. В пределах данной зоны располагаются все национально-территориальные автономии северокавказских народов, вследствие чего процент мусульманского населения здесь наиболее высокий.

Динамика численности разных этнорелигиозных общностей существенно различается. Православная общность включает 16 этнических единиц, причем русские составляют в ней 93,6%. Вторым по численности православным народом, принадлежащим к числу автохтонных этносов Северного Кавказа, стали осетины. Они составили 3,2% данной общности (с поправкой на то, что данный этнос не является полностью религиозно гомогенным, имея в своем составе мусульманские группы).

Из других православных народов наиболее многочисленны украинцы, белорусы, греки и грузины. Два последних этноса также следует отнести к числу автохтонных. Так, история расселения и проживания греков на территории нынешнего российского Юга насчитывает уже более 2,5 тыс. лет и именно здесь наблюдается наибольшее сосредоточение греческого населения России. В южно-российской зоне сконцентрирована и треть всех проживающих в РФ грузин, многие из которых являются традиционными жителями приграничных с Грузией районов (последнее относится и к абхазам).

Остальные этносы православной группы представлены многочисленными этнодисперсными диаспорами выходцев из других российских регионов (чуваши, мордва, марийцы, удмурты, коми-пермяки, коми), стран ближнего (молдаване, гагаузы) и дальнего (болгары) зарубежья.

И для русского населения, и для православной группы в целом здесь также характерна отрицательная динамика, однако показатели ее ниже, чем по Волго-Уралу и по РФ в целом (соответственно 4,2 и 5,4%; 6 и 7%). За исключением осетин, все православные народы Юга России сократили свою численность, причем резкая отрицательная динамика украинцев, белорусов и ряда этнодисперсных диаспор также связана со сменой идентичности в ходе ассимиляции.

Народы мусульманской этнорелигиозной общности в зоне Юга России представлены 37 этносами. Доминирующее положение среди них занимают титульные этносы северокавказских национально-территориальных автономий и другие близкие к ним народы Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, абазинцы, шапсуги), а также народы Дагестана (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы, цахуры, таты). Для них характерно компактное проживание на своей исторической территории, хотя, разумеется, далеко не все пребывают в границах своих автономных образований. Неслучайно именно в зоне Юга России сконцентрировано от 80 до свыше 90% представителей данных народов. В совокупности названные северокавказские этносы составляют 88,7% мусульманской этнорелигиозной общности.

К ним примыкает еще четыре мусульманских этноса, которые также можно считать автохтонными для данной зоны – татары, значительная часть которых относится к местному субэтносу астраханских татар; казахи, расселенные в пограничных с Казахстаном районах Волгоградской и Астраханской областей; азербайджанцы, компактно проживающие на юге Дагестана; туркмены, принадлежащие к местной субэтнической группе «трухменов», размещившиеся на территории Туркменского района Ставропольского края. В совокупности эти народы составляют 8,9% мусульманской общности.

Остальные мусульманские этносы представлены этнодисперсными диаспорами относительно небольшой численности. Так, народы дальнего

зарубежья, в числе которых наиболее многочисленны турки и курды (имеются также в незначительном количестве арабы, персы, афганцы и малайцы), составляют не более 1,6%, среднеазиатские народы (узбеки, таджики, киргизы) – 0,6%, другие российские мусульманские народы (башкиры, крымские татары) – 0,1%.

Наибольший рост численности отмечен среди северокавказских народов (10,3%), который в основном и обеспечил общее увеличение мусульманской общности. При этом наиболее активная положительная динамика наблюдалась у даргинцев, черкесов, агулов, а также у кумыков и шапсугов. Лишь численность кабардинцев незначительно снизилась. Другие относительно многочисленные автохтонные этносы демонстрируют разнонаправленную динамику: если количество казахов, азербайджанцев и туркменов возросло, то татар – весьма заметно снизилось.

Однако самую значительную тенденцию к численному росту проявляют диаспоры среднеазиатских этносов: киргизы увеличили свою численность в 3 раза, а узбеков и таджиков стало больше почти вдвое. Довольно заметно растет также численность диаспор этносов дальнего зарубежья, прежде всего турок и курдов. В сравнении с автохтонными мусульманскими народами эти диаспоры пока еще малозначительны, но при сохранении отмеченной тенденции ситуация может начать постепенно меняться, хотя и не столь радикально, как в Волго-Уральской зоне, поскольку численность автохтонных мусульман здесь тоже растет довольно высокими темпами.

В отличие от Волго-Урала народы иных этнорелигиозных традиций в зоне Юга России гораздо более многочисленны. В их числе – представители 18 этносов, а самая значительная общность, демонстрирующая тенденцию к своему росту, представлена неправославными восточно-христианскими народами.

Прежде всего, это армяне-монофизиты, имеющие зоны своего компактного расселения на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Армяне относятся к наиболее многочисленным этносам Юга России. Они занимают четвертое место после русских, чеченцев и аварцев, причем именно в этой зоне проживают более половины всех армян РФ. К ним примыкают небольшие этнические группы ассирийцев-несториан и удинов, также исторически приверженных монофизитству.

Увеличивает свою численность и представительная буддийская общность. Ее представительность обусловлена компактным расселением в зоне российского Юга калмыков – одного из трех автохтонных исторически буддийских народов РФ, имеющих здесь свою национально-территориальную автономию. Относительно заметный рост численности калмыков определил общее увеличение данной этнорелигиозной группы, в составе которой

присутствуют также растущая группа корейцев и незначительные диаспоры других народов.

В то же время общность западно-христианских народов демонстрирует тенденцию к значительному сокращению. Между двумя переписями на Юге России уменьшилась численность всех западно-христианских народов, причем общее сокращение данной общности произошло за счет наиболее крупной из них немецкой группы, сократившейся наполовину. Столь же высокими темпами уменьшается численность евреев-иудеев; автохтонная этническая группа горских евреев вообще близка к своему исчезновению. Количественный состав цыган и езидов, напротив, увеличился почти на треть.

В результате анализа этнорелигиозной динамики Юга России можно отметить активный рост мусульманской общности на фоне продолжающегося (хотя и не столь активно, как по РФ в целом) сокращения численности русского и ряда других православных народов: удельный вес православной этнорелигиозной общности уменьшился с 69,7 до 66,3%, а мусульманской – увеличился с 25,2 до 27,2%. Процент этносов иных этнорелигиозных традиций остался неизменным (4,4), но при этом, как и в Волго-Уральской зоне, выросла доля лиц, не указавших своей этнической принадлежности – с 0,7 до 2,1%.

Этнорелигиозная динамика Восточно-Азиатской зоны

Население этого региона, составляя менее пятой части всех жителей РФ и также имея высокую отрицательную динамику численности, по своему этническому разнообразию превосходит обе рассмотренные выше зоны. Здесь, впрочем, следует сделать оговорку, связанную с меньшей достоверностью данных последней переписи 2010 г., касающихся этнорелигиозного состава населения, поскольку процент лиц, не указавших своей этнической принадлежности, в этой зоне достигает 13,5%.

Отсюда проистекает столь значительный разрыв между динамикой населения в целом и соответствующими показателями, которые касаются основных этнорелигиозных общностей. Так, совокупная численность всех учтенных этносов Восточно-Азиатской зоны уменьшилась на 16,6%, тогда как количество лиц без этнической принадлежности возросло более чем в 12 раз. В данном случае можно предположить, что это является одним из следствий неконтролируемой миграции. Вместе с тем полученные результаты все же дают адекватное представление, касающееся основных параметров интересующих нас аспектов, вследствие чего они вполне могут быть использованы для анализа.

Этническое разнообразие касается прежде всего православной этнорелигиозной общности, в которую входят 53 этнические единицы. Абсолютное

доминирование русских здесь проявляется также довольно отчетливо: на их долю приходится 93,5% православной общности, а вместе с украинцами и белорусами они составляют 95,6%. Остальной этнический спектр этой общности включает как автохтонные восточносибирские и северные народы, так и диаспоры других народов РФ, ближнего и дальнего зарубежья. Вторым по численности православным народом являются якуты, за которыми с большим отрывом следуют алтайцы, хакасы и эвены. 17 этносов насчитывают менее 1 тыс. человек каждый – в основном это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Отрицательная динамика русских, предопределившая аналогичный показатель всей православной общности, в данной зоне наиболее высока: потери составили почти пятую часть православного населения. При этом численность некоторых относительно крупных сибирских и северных этносов, таких как якуты, алтайцы, эвенки и эвены, заметно возросла, что, однако, никак не сказывается на общей тенденции. Помимо естественных причин основную роль здесь играет наметившийся в последние десятилетия постоянный отток населения из северных, сибирских и дальневосточных регионов.

Мусульманская этнорелигиозная общность в Восточно-Азиатской зоне не слишком многочисленна, хотя включает в себя 16 этносов. К ее автохтонным представителям можно отнести лишь сибирских татар, составляющих особую субэтническую группу татарского народа, и казахов. Они образуют в совокупности около 60% всего мусульманского населения зоны. В числе других заметную группу составляют мусульманские народы Средней Азии и Закавказья, на долю которых приходится 34% местных мусульман. Остальная часть представлена немногочисленными диаспорами волго-уральских, северокавказских и других мусульманских народов.

Для наиболее крупных мусульманских этносов – татар, казахов и азербайджанцев – характерна отрицательная динамика численности, которая особенно заметна у татар. Вместе с тем среднеазиатские этносы, напротив, проявляют активную тенденцию к росту: число узбеков, киргизов и таджиков увеличилось в 2,5–3 раза. Последнее обстоятельство предопределило сохранение общей численности мусульманской этнорелигиозной общности практически на прежнем уровне.

Народы иных этнорелигиозных традиций представлены 21 этнической единицей, в числе которых самую значительную общность составляют буддийские народы. Их общая численность превышает численность всей мусульманской группы. Последнее вполне закономерно, поскольку именно Восточно-Азиатская зона является местом исторического расселения двух наиболее многочисленных российских буддийских этносов – бурят и тувинцев, имеющих здесь свои национально-территориальные автономии. К ним примыкают корейцы, которых также можно условно (ввиду наличия в их

среде иных религиозных ориентаций) отнести к автохтонным дальневосточным этносам буддийской культуры.

В совокупности три названных этноса составляют 97,2% буддийской общности. При этом буряты, и особенно тувинцы, демонстрируют уверенный рост, предопределивший общее увеличение всей буддийской общности, хотя численность корейцев несколько сократилась. Динамика остальных буддийских этнических групп, ввиду их крайней малочисленности, на совокупную динамику особого влияния не оказывает.

Что касается других народов, то произошло увеличение числа армян. Вместе с тем как и в других, рассмотренных выше, зонах, более чем на треть сократилась численность народов западно-христианской культуры и евреев-иудеев. Цыгане и езиды в зоне представлены лишь небольшими группами, причем численность первых уменьшилась, а вторых выросла.

Подводя итоги развития этнорелигиозной динамики населения Восточно-Азиатской зоны, можно отметить, что результатом высоких темпов сокращения численности православной общности, происходившей за счет уменьшения русского населения, явилось резкое падение ее доли в общей этнорелигиозной структуре – с 92,3 до 79,9%. Однако это не привело к существенному изменению удельного веса других этнорелигиозных общностей: процентные показатели численности мусульман, буддистов и прочих этнорелигиозных групп практически остались на прежнем уровне. Дело в том, что доля лиц, не указавших свою этническую принадлежность, стремительно выросла – с 1 до 13,5%.

Основные выводы

Анализ этнорелигиозной динамики населения в разрезе «русско-восточных» контактных зон показал, что во всех трех рассмотренных регионах весьма отчетливо проявилась тенденция сокращения православной этнорелигиозной общности. Она происходила преимущественно за счет уменьшения численности русского населения, убыль которого не восполнялась даже стремительно идущей ассимиляцией близкородственных украинцев и белорусов, а также православных тюрок и угро-финнов. И если в зоне Юга России темпы такой отрицательной динамики ниже общероссийского показателя, то на Волго-Урале они уже заметно выше, а в пределах Восточно-Азиатской зоны приобретают катастрофический характер.

Параллельный рост численности ряда нерусских православных этнических групп не может восполнить убыли русских. Более того, в ситуации столь резкого ослабления русского ядра как центра притяжения других народов, исторически принявших православие, создается опасность выпадения последних из состава православной этнорелигиозной общности. Это особенно

касается автохтонных северных, сибирских и дальневосточных народов, принявших православие лишь в XVIII–XIX вв., вследствие чего до установления атеистического советского режима их собственная православная традиция еще не успела окончательно сформироваться и утвердиться. Уже сейчас некоторые из них (якуты, эвенки, чукчи) все более становятся объектом миссионерского воздействия, в том числе со стороны зарубежных эмиссаров.

Выявленный на общероссийском уровне рост мусульманской этнорелигиозной общности не во всех зонах носит равнозначный характер. В частности, отмечено уменьшение количественного состава самых многочисленных тюркских этносов, исторически приверженных исламу – татар, башкир и казахов. Между тем именно они составляли ядро этнорелигиозного и этнополитического феномена российской цивилизации, получившей наименование «русского мусульманства». В результате параллельно с православной произошло сокращение численности мусульманской общности Волго-Уральской зоны. Что касается двух других контактных зон, то в одной из них число мусульман в целом возросло (Юг России), а в другой – осталось на прежнем уровне (Восточно-Азиатская зона).

Высокие темпы роста демонстрируют автохтонные мусульманские этносы Северного Кавказа. Это происходит как в местах их компактного проживания на Юге России, так и в составе этнодисперсных диаспор мусульманских общностей других зон, что свидетельствует о постепенном смещении центра тяжести в пользу северокавказской мусульманской общности. Однако наиболее активна повсеместная положительная динамика у среднеазиатских этнических диаспор – узбеков, таджиков и киргизов, численность которых увеличилась за прошедшее десятилетие в несколько раз. Это коснулось даже отдаленной Восточно-Азиатской зоны, где названные этносы занимают в составе местной мусульманской общности все более прочные позиции. То же можно сказать и о пока еще небольших диаспорах мусульманских этносов дальнего зарубежья.

При сохранении отмеченных тенденций можно прогнозировать такое переструктурирование мусульманских общностей контактных зон, после которого доминирующие позиции в них будут принадлежать уже не «русскому мусульманству», а мусульманским народам принципиально иных этнорелигиозных и этнокультурных ориентаций. Результатом этого может явиться благоприятная основа для распространения течений ислама, исторически не свойственных цивилизационному пространству России, в том числе «радикального ислама». В условиях параллельного ослабления русского ядра православной этнорелигиозной общности такое развитие событий в недалеком будущем может превратить «русско-восточные» контактные зоны в регионы ожесточенных конфликтов на этнической и религиозной почве.

Буддийская этнорелигиозная общность в целом пока еще не слишком велика, но демонстрирует довольно высокие темпы своего прироста, главным образом за счет автохтонных буддийских народов России. При сохранении положительной динамики она сделается активным и влиятельным субъектом этнорелигиозных отношений, особенно в Восточно-Азиатской зоне, где православная общность стремительно убывает из-за оттока населения, а мусульманская не столь значительна. При этом в сферу ее воздействия вполне могут войти некоторые автохтонные этносы данной зоны, которые сегодня считаются православными, в частности якуты и алтайцы. Так, у алтайцев уже в начале XX в. сформировалось синкретическое религиозное течение – бурханизм, интерпретируемый как одна из местных форм буддизма.

Диаспоры выходцев из стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в ситуации роста численности автохтонных российских буддистов пока не занимают в составе буддийской общности заметного места. Кроме того, несение их к данной общности носит в достаточной мере условный характер. Тем не менее при изменении демографического баланса здесь также возможно возникновение негативных тенденций, аналогичных тем, что возникают в исламской общности.

Особую тревогу вызывает стремительный рост численности лиц, не указавших свою этническую принадлежность. Причем эта тенденция наиболее активно проявилась в пределах Восточно-Азиатской зоны – там, где православная общность резко сократилась. Здесь, разумеется, могли иметь место недостатки в организации последней переписи населения, но все же главную роль, на наш взгляд, играют слабо контролируемые миграционные процессы. Они приводят к возникновению своеобразных «серых зон», которые становятся источником разнообразных деструктивных явлений и процессов. В любом случае данная проблема требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Этнорелигиозная динамика и структура населения РФ (по данным переписи 2010 г.) // Россия и современный мир. – 2013. – № 4. – С. 150–160.
2. Гаспринский Исмаил-бей. Россия и Восток. – Казань, 1993.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2008.
4. Кожин В.В. Судьба России: Вчера, сегодня, завтра. – М., 1997.
5. Логинов А.В. Россия и Евразия. Российский вектор: Поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2013.
6. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997.
7. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.

О.В. Бирюкова

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА*

Бирюкова Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Международных экономических организаций и европейской интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана начал свою работу с 1 января 2010 г. С этого момента страны-участницы стали применять во внешней торговле с третьими странами Единый таможенный тариф и единые меры нетарифного регулирования, были упорядочены тарифные льготы и преференции для товаров из третьих стран. С 1 июля 2010 г. были отменены таможенное оформление и таможенный контроль на территориях России и Казахстана, а с 6 июля 2010 г. – и на территории Белоруссии. Функции таможенного контроля в отношении товаров и транспортных средств, следующих на территорию Таможенного союза, начали осуществляться таможенными службами России, Беларуси и Казахстана в пунктах пропуска на внешней границе Таможенного союза. В июле 2010 г. для России, Белоруссии и Казахстана начал действовать Таможенный кодекс Таможенного союза.

Следующим важным шагом в развитии ТС стало образование Единого экономического пространства (ЕЭП), которое формально стало работать с 2012 г. Именно формирование ЕЭП должно было создать основу для перехода такой глубокой форме интеграции как Евразийский экономический союз.

На повестке дня – создание Евразийского экономического союза, а также расширение состава участников Таможенного союза – Армении и Киргизии. Однако унификация законодательств сторон в области тарифного и нетарифного регулирования – постепенный процесс. Важными сдерживающими интеграцию факторами являются существенные различия в экономическом

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-32-01200) и Научного фонда НИУ ВШЭ.*

потенциале и структуре экономик государств, различные темпы осуществления рыночных преобразований.

Количественные параметры торговли

Таможенный союз является активным участником мировой торговли. В середине 2013 г. статистическая служба Евразийской комиссии фиксировала наличие торговли с 225 странами и территориями мира.

На страны ТС приходится 3,6% мирового экспорта и 2,2% мирового импорта¹. Размер внешнеторгового оборота товарами трех стран близок к 1 трлн долл., при этом объем экспортно-импортных операций внутри «тройки» составляет 64 млрд долл. (12,1% от суммарного экспорта объединения), а их внешнеторговый оборот с другими странами – 931 млрд долл. (из них экспорт – 585, импорт – 346 млрд долл., положительное сальдо – 239 млрд долл.). Интересно, что 2012 год – единственный, когда объем внешней торговли товарами стран ЕЭП превышал 1 трлн долл. (поскольку в 2013 г. произошло снижение внешнеторгового оборота на 0,7%), см. таблицу 1.

Беларусь, частично за счет реэкспорта российской нефти, более чем другие страны ТС и ЕЭП, вовлечена в мировую торговлю – ее внешнеторговая квота превышает ВВП – 113% от ВВП (доля экспорта – 52, импорта – 61%), для Казахстана этот показатель составляет 60% (экспорт – 37, импорт 22% ВВП), России – 40% (экспорт – 25, импорт – 15% ВВП).

Основной объем внешней торговли государств – членов ТС и ЕЭП с третьими странами обеспечивает Россия – ее доля составляет 84,2%, доля Казахстана – 11,5, Беларуси – 4,3%. Во внутренней торговле Беларусь и Казахстан меняются местами – на Россию приходится 63,3%, на Беларусь – 27,6, на Казахстан – 9,1%². Доля России и Казахстана во внешней торговле Беларуси превышает половину – 50,7%. Для Казахстана этот показатель равен 18,4%. Во внешней торговле России на страны ЕЭП приходится небольшая доля, только 7,5%, из-за преобладания в экспорте сырья, направляемого в третьи страны и структуры импорта, в которой тремя крупнейшими группами являются машины и оборудование, продукция химической промышленности, продовольствие, также ввозимые, в основном, из третьих стран³.

1. Расчеты автора по данным *International Trade Statistics 2013*. – Geneva: WTO, 2013. – P. 24.

2. *Государства – члены Таможенного союза и Единого экономического пространства: Краткий статистический сборник (второе издание)*; Евразийская экономическая комиссия. – М., 2014. – С. 141.

3. Бирюкова Е.С. *Использование внешнеторгового профицита для финансирования развития экономики: Российский и мировой опыт // Общество и экономика*. – 2014. – № 8.

Таблица 1

**ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ТОВАРАМИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ТС
И ЕЭП С ГРУППАМИ СТРАН, млрд долл.**

	Общий оборот	Торговля с третьими странами			Взаимная торговля с ТС и ЕЭП (по экспорту)
		Оборот	Экспорт	Импорт	
2010					
Беларусь	58,3	31,1	14,9	16,2	10,4
Казахстан	94,3	72,5	54,3	18,2	6,0
Россия	638,4	582,7	368,0	214,7	30,7
ТС и ЕЭП	731,4	686,3	437,2	239,1	47,1
2011					
Беларусь	85,3	46,4	26,3	20,1	15,2
Казахстан	125,6	98,2	77,2	21,0	7,1
Россия	834,0	762,6	477,9	284,7	40,8
ТС и ЕЭП	970,3	907,2	581,4	325,8	63,1
2012					
Беларусь	90,6	47,7	29,0	18,7	17,1
Казахстан	136,0	108,9	80,2	28,7	6,2
Россия	863,2	778,0	484,5	293,5	44,5
ТС и ЕЭП	1002,5	934,6	593,7	340,9	67,9
2013					
Беларусь	77,7	39,5	19,5	20,0	17,7
Казахстан	133,1	107,2	76,7	30,5	5,9
Россия	866,3	784,3	489,2	295,1	40,6
ТС и ЕЭП	995,1	931,0	585,4	345,6	64,1

Источник: Государства – члены Таможенного союза и Единого экономического пространства: Краткий статистический сборник (второе издание); Евразийская экономическая комиссия. – М., 2014. – С. 136.

Следует отметить, что в первые два года после создания Таможенного союза в 2010 и 2011 гг. взаимная торговля росла быстрыми темпами – на 41,6 и 31,9 %, соответственно, однако, затем ее темпы резко снизились (см. диагр. 1).

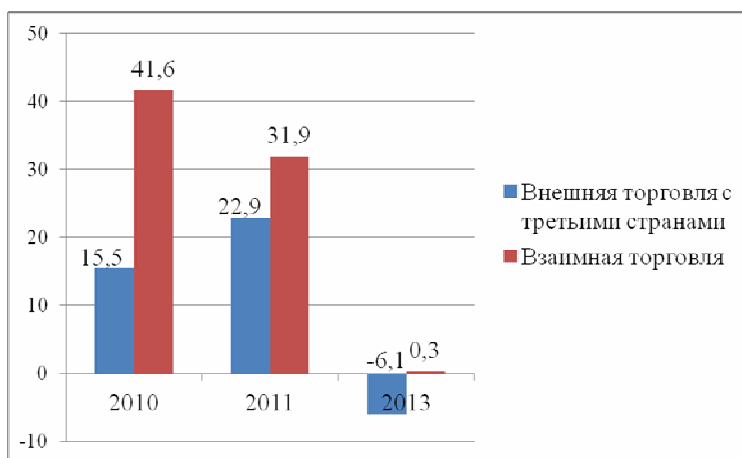
Странам необходимо более активно развивать производственные связи на основе технологического разделения труда по основным фазам создания продукта, чтобы снизить сырьевую специализацию во взаимной торговле.

У России также существует значительный потенциал увеличения экспорта услуг в страны Таможенного союза, но важными предпосылками этого являются стимулирование финансовой отрасли, в том числе рост активов и финансовой устойчивости крупнейших банков, развитие страховой отрасли, государственные или государственно-частные инвестиции в транспортную

сеть, стимулирование развития телекоммуникационной и информационной отраслей⁴.

Диаграмма 1

**ПРИРОСТ ЭКСПОРТА ТОВАРОВ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ
С ТРЕТЬИМИ СТРАНАМИ И ВО ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛЕ ТОВАРАМИ
ТС И ЕЭП, % К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ**

Источник: Государства – члены Таможенного союза и Единого экономического пространства: краткий статистический сборник (второе издание); Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2014. – С. 143.

**Основы таможенного регулирования торговли
в рамках ТС**

Согласно ст. 2 Таможенного кодекса, «Единую таможенную территорию Таможенного союза составляют территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, а также исключительные экономические зоны и континентальные шельфы государств – участников Таможенного союза, искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты,

4. Бирюкова О.В. Проблемы и перспективы формирования регионального рынка услуг стран СНГ // Общество и экономика. – 2011. – № 6. – С. 81–82.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

в отношении которых государства – участники Таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией».

Решением Высшего евразийского экономического совета с 1 января 2012 г. были введены в действие 17 базовых международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство (ЕЭП). Основными целями формирования Единого экономического пространства являются:

- эффективное функционирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда;
- создание условий стабильного развития структурной перестройки экономики сторон в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- проведение согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной и тарифной политики;
- развитие единых транспортных, энергетических и информационных систем;
- создание общей системы мер государственной поддержки развития приоритетных отраслей экономики, производственной и научно-технологической кооперации.

К базовым Соглашениям относятся:

- Соглашение о едином таможенно-тарифном регулировании от 25 января 2008 г. (далее – Соглашение о ЕТТ).
- Соглашение об условиях и механизме применения тарифных квот от 12 декабря 2008 г. (далее – Соглашение о тарифных квотах).
- Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран от 25 января 2008 г. (далее – Соглашение о нетарифных мерах).
- Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран от 9 июня 2009 г.
- Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами от 9 июня 2009 г.
- Протокол об условиях и порядке применения в исключительных случаях ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от ставок Единого таможенного тарифа, от 12 декабря 2008 г. (далее – Протокол о ставках, отличных от ЕТТ).
- Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (далее – ЕТН ВЭД).
- Единый таможенный тариф Таможенного союза (далее – ЕТТ).
- Протокол о предоставлении тарифных льгот от 12 декабря 2008 г. (далее – Протокол о тарифных льготах).

- Протокол о единой системе тарифных преференций Таможенного союза от 12 декабря 2008 г. (далее – Протокол о системе тарифных преференций).

- Перечень развивающихся стран – пользователей системы тарифных преференций Таможенного союза.

- Перечень наименее развитых стран – пользователей системы тарифных преференций Таможенного союза.

- Перечень товаров, происходящих и ввозимых из развивающихся и наименее развитых стран, при ввозе которых предоставляются тарифные преференции (далее – Перечень товаров, происходящих и ввозимых из развивающихся и наименее развитых стран).

- Перечень товаров и ставок, в отношении которых в течение переходного периода одним из государств – членов Таможенного союза применяются ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Таможенного союза.

- Перечень чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозимой пошлины Комиссия Таможенного союза принимает консенсусом.

- Перечень товаров, в отношении которых с 1 января 2010 г. устанавливаются тарифные квоты, а также объемы тарифных квот для ввоза этих товаров на территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

- Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – участниками Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС в торговле с третьими странами и Положения о применении ограничений и другие документы.

Превращение территорий России, Казахстана и Белоруссии в Единое таможенное пространство привело к отмене (с определенными изъятиями) таможенных пошлин при торговле в пределах Таможенного союза. Взимание пошлин из третьих стран перешло на единую таможенную границу с соответствующими ставками *Единого таможенного тарифа*.

В исключительных случаях государства – участники Таможенного союза могут устанавливать более высокие или низкие ставки ввозных таможенных пошлин⁵. На основании решения ЕЭК введение такой меры обусловлено развитием той или иной отрасли экономики. Решение о введении более высокой или низкой ставки пошлины принимается на период до шести месяцев; в отдельных случаях срок может продлеваться. Так, например, решением Совета

5. Протокол от 12.12.2008 (в ред. от 24.08.2012) «Об условиях и порядке применения в исключительных случаях ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от ставок Единого таможенного тарифа».

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

ЕЭК ТС от 19.03.2012 № 9 «О внесении изменений в отдельные решения Комиссии Таможенного союза по вопросам освобождения от уплаты ввозной таможенной пошлины отдельных категорий товаров» утвержден Перечень товаров, освобождаемых от уплаты пошлин при ввозе для строительства на территории Республики Беларусь атомной электростанции.

Для оперативного регулирования ввоза товаров на единую таможенную территорию государств – участников Таможенного союза ЕЭК вправе устанавливать сезонные таможенные пошлины, срок действия которых не может превышать шести месяцев. В этом случае сезонные пошлины применяются вместо ввозных таможенных пошлин. Такие сезонные пошлины, к примеру, были установлены решением Комиссии Таможенного союза от 25.01.2012 № 913 (в настоящее время документ утратил силу) на период с 1 мая по 31 июля 2012 г. на отдельные виды сахара.

Был установлен единый порядок предоставления преференций развивающимся и наименее развитым странам путем взимания пошлин в размере 75% от ставок Единого таможенного тарифа. В свою очередь, в отношении товаров, происходящих из наименее развитых стран – пользователей единой системы тарифных преференций и ввозимых на единую таможенную территорию, применяются нулевые ставки ввозных таможенных пошлин.

В конце 2011 г. полномочия Комиссии Таможенного союза по регулированию Единого таможенного тарифа перешли к Евразийской экономической комиссии. В связи с вступлением России в ВТО произошло существенное уточнение ставок единых ввозных пошлин. Изменение в сторону снижения затронуло примерно одну тысячу товарных позиций, в результате чего средневзвешенная ставка ввозной таможенной пошлины уменьшилась с 9,6% до 7,5–7,8%.

После длительного согласования страны приняли особой порядок совместного взимания *таможенных пошлин*. Так, взиманием по-прежнему занимаются национальные таможенные службы, которые по таким операциям имеют дело исключительно с отечественными импортерами. При этом географически место пересечения общей таможенной границы может не совпадать с национальной принадлежностью импортера. Все ввозные пошлины уплачиваются в соответствующих национальных валютах, но вместе с тем ввозные пошлины на товары, поступающие на единую таможенную территорию из третьих стран, становятся совместной собственностью участников Таможенного союза. Поступления от импортных пошлин зачисляются на единый счет и распределяются между участниками ТС (доля России – 87,97%, Казахстана – 7,33, Белоруссии – 4,7%).

В планы стран – участниц Единого экономического пространства (Россия, Белоруссия, Казахстан) входит создание *общего рынка услуг*, обеспечивающего национальный режим всем компаниям из стран – членов ЕЭП,

и требующего проведения единой внешнеторговой политики в сфере доступа на рынок услуг стран ЕЭП из третьих стран. Согласно Соглашению о торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках Единого экономического пространства, для учреждения и деятельности компаний из стран – участниц ЕЭП предоставляется режим наибольшего благоприятствования и национальный режим, за исключением ограничений, предусмотренных каждой страной. В наибольшей степени эти ограничения относятся к банковскому и страховому секторам, которые страны оказались не готовыми либерализовать в рамках ЕЭП. Стороны оставили право определять условия получения субсидий и иных мер государственной поддержки в рамках национального законодательства, а также внесли положение о праве сохранения на своей территории естественных монополий, но при этом взяли на себя обязательство не злоупотреблять их монопольным положением.

Особенности регулирования финансовых услуг в рамках ЕЭП рассматриваются в отдельном Приложении Соглашения о торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках Единого экономического пространства для учреждения и деятельности компаний из стран – участниц ЕЭП, в Соглашении о Создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала, а также Соглашением о согласованных принципах валютной политики. Стороны определили порядок унификации правил в финансовом секторе, в соответствии с которым будет определен единый порядок выдачи лицензий для банковского, страхового сектора и рынка ценных бумаг⁶.

Практика применения таможенного законодательства ТС и ЕЭП выявила определенные коллизии правовых нор, содержащихся в Таможенном кодексе ТС и иных актов. В связи с этим проводится работа по кодификации международных договоров, составляющих нормативную базу ТС и ЕЭП, которая должна послужить правовой основой для перехода на следующий уровень развития интеграционного объединения – формирование Евразийского экономического союза.

Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан 29 мая 2014 г. и предполагает начало работы нового объединения с 1 января 2015 г. Страны-участницы должны осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики – в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. В то же время страны не планируют создания общего наднационального правительства или введения общей валюты. Предусматривается сохранение собственной налоговой системы в каждой стране, уголовного и административного законодательства.

6. Бирюкова О.В. Модели участия стран в региональных торговых соглашениях в области услуг // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2014. – № 4. – С. 38–55.

Расширение состава участников ТС

Успешность евразийского интеграционного проекта вызвала интерес у других стран СНГ к взаимодействию с Таможенным союзом и Единым экономическим пространством. В 2014 г. к ТС присоединились Армения и Киргизия.

В ходе заседания высшего Евразийского экономического совета 29 мая 2014 г. в Астане было подписано заявление о плане мероприятий по присоединению *Киргизии* к Таможенному союзу Белоруссии, Казахстана и России. Киргизия и Россия также подписали межправительственное соглашение о развитии экономического сотрудничества в условиях евразийской экономической интеграции, предусматривающее создание киргизско-российского фонда развития с капиталом в размере 1 млрд долл. и финансирование мероприятий «дорожной карты» в размере 200 млн долл.

В то же время присоединение Киргизии ставит необходимость урегулирования ряда проблем, связанных с принятием технического регламента ТС и согласования с таможенным тарифом ТС. Киргизия с 1998 г. является членом ВТО и имеет более привлекательные условия для импортеров. В рамках присоединения к ВТО страна приняла на себя обязательства по снижению и связыванию тарифных ставок под средний уровень в 5,1%, обнулила пошлину в таких важных секторах, как авиационная техника, информационные технологии, а также приняла все требования членов ВТО в сфере охраны интеллектуальной собственности, стандартов и технического регулирования, средств торговой защиты, лицензирования импорта.

Существует высокая вероятность реэкспорта китайских товаров на территорию ТС, поэтому в рамках присоединения Киргизии необходимо проводить торговые переговоры и с Китаем. В целом вопросы контрабанды могут стать одними из самых сложных между странами: через слабоконтролируемые границы Киргизии китайская контрабанда может нанести ущерб российской промышленности, и через Киргизию проходит основная доля экспорта афганского героина.

Другой кандидат на присоединение к ТС – *Армения*. «Дорожная карта» по вступлению Армении в ТС была подписана 24 декабря 2013 г. в Москве на заседании Евразийского интеграционного союза. Важнейшей и вместе с тем наиболее сложной задачей переговоров стало согласование различия обязательств перед ВТО между Россией и Арменией.

Армения присоединилась к ВТО в 2003 г. на достаточно либеральных условиях – уменьшение технических барьеров в торговле, минимизация нетарифных мер регулирования, неприменение системы экспортного квотирования и экспортных пошлин, применение низких таможенных тарифов и т.д. Переговоры о членстве Армении в ВТО продлились более десяти лет,

по результатам которых страна обязалась не применять импортные пошлины выше 15%, а на практике на таможне все эти годы действует двухтарифная система ввозных пошлин – 0% и 10%, т.е. на деле страна «перевыполняет» свои обязательства перед ВТО. Армения территориально изолирована от Таможенного союза, поэтому странам необходимо четко проработать возможности контроля товарных потоков.

Вступление Армении в ТС и дальше в ЕАЭС требует уточнение границ между самой Арменией и Нагорным Карабахом. В настоящее время она фактически отсутствует, и таким образом может сложиться ситуация, при которой вместе с Арменией в Таможенный союз войдет и Нагорно-Карабахская Республика – самопровозглашенное государство, территорию которого официально в мире признают частью Азербайджана. В то же время Армения не выражает готовности устанавливать контрольно-пропускных пунктов на границе с Карабахом, поскольку это будет рассматриваться как отказ Армении от Карабаха.

Проблемы функционирования ТС

В первые годы своего существования ТС работал с изъятиями, что, в общем, не представляется чем-то специфическим для таможенных территорий. Так, за рамками оставались такие «чувствительные» области как энергоносители и легковые автомобили.

Вместе с тем остается ряд проблем, которые не только ставят под сомнение необходимость развития интеграционного проекта по заданным векторам развития, но и во многом затрудняют работу ТС.

Важнейшей проблемой для торгово-экономических отношений остается сырьевая направленность экспорта. Отметим, что наиболее остро эта проблема стоит перед Россией и Казахстаном, имеющими во многом сходную структуру экспорта. Товарная структура экспорта государств – членов Таможенного союза на 90% представлена минеральным сырьем, основу которого составляют нефть и газ, металлами и изделиями из них, продукцией химической промышленности. В региональной торговле Россия выступает в качестве ключевого партнера и для Белоруссии, и для Казахстана. Взаимная торговля между Казахстаном и Белоруссией в ТС сравнительно слабо развита, что лишь частично объясняется географической отдаленностью стран.

Работе ТС как полноценной единой таможенной территории в ряде случаев мешают сохраняющиеся национальные особенности таможенного регулирования. К примеру, каждая страна – член ТС сохранила за собой право самостоятельно регулировать вопросы транзита. В результате в июле 2013 г. ФТС России в одностороннем порядке отказалась принимать книжки между-

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

народных дорожных перевозок TIR, что существенно усложнило перевозки грузов автомобильным транспортом в России.

В масштабах Таможенного союза решить этот вопрос можно следующими способами. Первый из них – присоединение к Европейской конвенции о транзите, что позволит создать единую систему на все евразийское пространство. Однако при таком варианте Еврокомиссия будет являться не только депозитарием всех документов, но и владельцем всех этих сведений, которые выдаются только по запросу. В условиях экономических санкций такой вариант воспринимается многими чиновниками как не самый привлекательный.

Второй вариант предполагает создание своей системы транзита, построенной на европейских нормах и принципах. В рамках системы Таможенного союза каждому хозяйствующему субъекту будет присвоен уникальный идентификационный номер, будут применяться такие же подходы по гарантам, как и в европейский странах. Предполагается, что в дальнейшем произойдет совмещение этих двух систем.

Еще одна проблема, которая сохраняется в Таможенном кодексе, – степень участия в международных конвенциях, которая в настоящее время различна среди стран-участниц. Например, в Казахстане больший объем присоединения, поэтому товары, попавшие в Казахстан по корнету временного ввоза, потом не могут использоваться на территории Белоруссии или России, если те не присоединились к соответствующей конвенции.

Острой проблемой функционирования ТС стал рост товарооборота, находящегося в тени. По данным Таможенной службы, объем серых потоков может достигать половину всего товарооборота. В 2010 г. было отменено декларирование товаров во взаимной торговле. Тогда же для учета объемов торговли России с Белоруссией и Казахстаном был принят подход, подразумевающий добровольную подачу статистических данных участниками внешнеэкономической деятельности, что фактически означало отказ от жестких мер контроля за товаропотоками внутри объединения.

Отметим, что в Европейском союзе, где Таможенный союз был создан еще в 1957 г., контроль на границах сохранялся еще в течение 35 лет. В случае же ТС частично эту проблему может снять общий Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, который должен регулировать вопросы оформления и контроля ввозимых на единую таможенную территорию товаров. Однако ввиду масштабности и усложнения форм серого импорта проблема не будет полностью решена. Тем более что при согласовании текста кодекса у сторон возник ряд принципиальных разногласий, и предполагаемые сроки введения кодекса (1 января 2016 г.) могут быть перенесены на более поздний срок.

Серьезной политической проблемой для формирования ТС, а в дальнейшем и Евразийского экономического союза, являются авторитарные политические режимы в странах-участницах. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг., разрушивший основу белорусской и казахстанской экономических моделей, выступил в качестве катализатора интеграционных процессов, подталкивая страны к созданию ТС, но не снял проблемы интеграции с режимами, дистанцирующимися от большей части демократических ценностей⁷. В результате, страдает и международное позиционирование ТС как интеграционного проекта, в основе которого лежат объективные экономические реалии.

* * *

Несмотря на принятие пакета Соглашений и последующих уточняющих документов формирование ЕЭП можно считать неполным, поскольку пока странам не удалось сформировать «эффективное функционирование внутреннего рынка товаров, услуг, капитала и труда». Единое экономическое пространство унаследовало общую черту, характерную для постсоветской интеграции, – многочисленные исключения, которые снижают эффективность всего проекта.

Дальнейшие векторы развития, а именно расширение Таможенного союза за счет Киргизии и Армении, а также его форсированное углубление до экономического союза, в условиях еще неотработанной общей торговой политики стран, будут требовать внимательной проработки вопросов таможенного администрирования, а также согласования с многосторонними обязательствами.

7. Суздальцев А.И. Проблемы формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕвразЭС // В кн.: XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Книга 2. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 2. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – С. 161.

Т.В. Черноморова

ОБРАЗ РОССИИ, ФОРМИРУЕМЫЙ БРИТАНСКОЙ ПРЕССОЙ

Черноморова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Россия и русские в представлении англичан

Когда англичане говорят об основных чертах русского национального характера, наиболее часто ими упоминаются: гостеприимство, религиозность, искренность и открытость, доброта, чувство братства и солидарность, но также и подозрительность, нехватка индивидуализма, терпение, склонность приврать, природная лень, безразличие к политическим свободам, консерватизм мышления, фатализм, легкое безрассудство, беззаботность, способность пожертвовать всем за идею или страсть, даже если они не могут принести ничего, кроме вреда. Российские исследователи отмечают, что чрезвычайная стабильность западных стереотипов, равно как и способы их распространения, помогают манипулировать общественным мнением и корректировать образ нации, что, в свою очередь, влияет на отношения между нациями [14].

«Россия глазами англичан» – так назывался вечер, завершавший неделю гуманитарных наук в сентябре 2008 г. в лондонском Бербек-колледже. Четверо преподавателей, изучающих русскую культуру, и один «человек со стороны» обращались к аудитории человек около 35, пытаясь сформулировать, что для британцев вообще и для них самих, в частности, означает Россия.

Эдвин Бейкон, глава факультета политики и социологии, выступавший первым, предложил короткую и удобную формулу: Spies, Sports, Spirituality. «Шпионы, спорт, духовность»... – вот три кита, на которых, по мнению Бейкона, зиждется отношение британцев к России. Шпионов они боятся, спортом увлекаются, а духовностью восхищаются.

В подтверждение неоднозначного отношения британцев к России Бейкон привел и еще одну формулу – надпись, которую сделал на книге лорд Керзон еще в XIX в.: «Посвящается огромной армии русофобов, обманывающих других, и русофилов, обманутых другими, с равным презрением к постыд-

ным опасениям одних и к упрямому самодовольству других». Себя Бейкон, с некоторыми оговорками, отнес к русофилам. Он посетовал на ухудшение отношений между Россией и Великобританией, порадовался недавним спортивным контактам и поразмышлял о том, что такое духовность [4].

Интересный эксперимент провела британская газета «Телеграф». Сотрудник этой газеты попросил известных британских писателей рассказать о России, какой она представляется людям, никогда не бывавшим в ней, знающим о России и русских исключительно из произведений российских писателей. Одним из участников эксперимента был известный писатель Оливер Баллоу, автор нашумевшей книги «Последний человек из России». Его видение современной России довольно своеобразно. Например, о современной российской железной дороге автор судит по книге В. Ерофеева «Москва – Петушки», а Москву он представляет по роману Булгакова «Мастер и Маргарита».

Эксперимент, проведенный газетой «Телеграф», со всей очевидностью показал, какой представляют Россию люди, пишущие о ней и интересующиеся ею. Что творится в головах простых обывателей, сложно представить. И это во времена, когда к услугам практически всех поголовно граждан есть Интернет, когда в Россию можно достаточно свободно приехать или отследить публикации, как исторические, так и касающиеся современности [16; 19].

Совершенно по-другому относятся к России и русским те, кто побывал в России или пожил в ней определенное время. Особенно это касается молодежи. Например, в 2012 г. 34 студента Даремского университета несколько месяцев стажировались в разных городах России – Москве, Петербурге, Томске. По возвращении в Великобританию их преподаватель (русский) провел этнокультурный микро-опрос, задав всем один и тот же вопрос: «Что вам больше всего и меньше всего понравилось в России?» В результате, как отмечает автор статьи, нарисовался портрет: то ли России глазами молодых англичан, то ли молодых англичан на фоне России. Собственно, одно неотделимо от другого [17].

Начнем с позитива. Здесь чаще всего повторяются два слова, весьма неожиданных для стереотипов иностранного восприятия «русского характера»: честность и дружелюбие. В каком смысле честность? Не в том, что воровство, обман и коррупция вдруг волшебным образом исчезли из российской жизни или выпали из поля зрения простодушных англичан. Под честностью они понимают прямоту и откровенность высказываний, не стесненных условностями речевого этикета. То, о чем в Англии принято умалчивать из такта, соображений хорошего тона, в России выговаривается без обиняков и околичностей. Молодые англичане отмечают эту прямоту как одну из отличительных черт российского характера. Как молодым, она им преимущест-

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

венно нравится, но, как англичане, они предпочитают оставаться в рамках своих стеснительных условностей. Никто из них ни разу не назвал эту прямо-ту грубостью или хамством (лишь один употребил слово «бестактность»).

Вторая по упоминаемости черта – дружелюбие. Правда, проявляется оно не сразу. Поначалу россияне держатся замкнуто и сурово и гораздо менее склонны к любезности и улыбке, чем принято в Европе. Но когда с ними знакомишься, и они начинают воспринимать тебя как своего, выделяют из внешнего социума, отношения быстро переходят в тот теплейший дружеский регистр, который редко достигается англичанами даже в общении с хорошими знакомыми у себя на родине. В России сильно выражена граница между публичным и частным пространством, и первое намного жестче и холоднее, а второе – теплее и сердечнее, чем в Англии, где нет такой резкой противоположности между «своими» и «чужими». В Англии даже совсем чужие – отчасти свои, потому что такова общественная мораль открытости; и даже свои – немножко чужие, потому что такова личная мораль сдержанности. В России же для своих – все, душа нараспашку; для чужих – ничего, мы тебя не знаем, проходи мимо. Более всего англичан поражает именно этот контраст, «двоечувствие», хотя сами они чувствительнее к теплой его стороне. Вообще в России они ощущали гораздо больший человеческий интерес к себе, чем в других изучаемых странах, во Франции, Германии или Испании, где они проходили такие же языковые стажировки [17].

Третья положительная черта – культурная жизнь, обилие событий даже в таких относительно малых городах, как Томск или Петрозаводск. Всюду что-то происходит, есть куда пойти, что посмотреть, с кем пообщаться. Многие были приятно удивлены обилием музеев (один рекордсмен успел обойти 75 музеев в одном только Петербурге). Не скучно было даже в крошечном поселке Китеж Калужской области, построенном специально для детей-сирот (одна из студенток работала там волонтеркой).

Однако позитив порою перемешан с негативом. Например, многие отмечают, что у российских студентов более серьезное отношение к обучению, чем у английских. Они больше времени уделяют занятиям, их университетский курс включает больше дисциплин и предметов, да и в аудитории они приходят гораздо более тщательно одетыми, чем англичане, заботы которых не идут дальше майки и джинсов. Вместе с тем российская система образования не поощряет свободы в выборе учебных предметов и в выражении личных мнений. Господствует стандарт. В английских университетах практически нет обязательного набора дисциплин. В рамках той или иной программы студенты сами решают, что хотят изучать: язык, историю, литературу... Преподаватели стремятся не столько вложить в головы студентов набор сведений и оценок, сколько подтолкнуть их к самостоятельному мышлению, к обоснованию собственных подходов и взглядов. В российских университетах такая

самостоятельность и склонность к инакомыслию скорее приводит к конфликтам. Студенты предпочитают придерживаться более или менее традиционных взглядов и не оригинальничать, не выпячивать свои особые мнения.

В негативных оценках российской действительности единодушия меньше, да и вообще видно, что англичанам даются с трудом отрицательные суждения о чужой культуре: лица делаются грустными и задумчивыми, снижается темп речи, удлиняются паузы. Многие отмечают низкий материальный уровень жизни, обилие бездомных на улицах, социальное неравенство – пропасть между бедными и богатыми. Многих удивляет вывернутый наизнанку «этикет» в общественных местах: продавцы и официанты не так уж стараются услужить клиентам и не скрывают своего равнодушия к ним, а подчас и недоброжелательства. Некоторых политически активных студентов возмущает нечестность российских выборов, и они были бы готовы примкнуть к движению протеста, участвовать в митингах.

Вообще о том, что понравилось «меньше всего», англичане говорят без малейшего самодовольства, скорее с застенчивостью, подобающей цивилизованным людям даже тогда, когда речь идет о варварстве. Их голос ни разу не приобрел той звонкой ударной силы, которую приходится слышать у молодых, в доску «наших» россиян, клеймящих растленый Запад, который «нас не любит». Живя в непривычных и малокомфортных условиях, у строгих и назидательных домохозяек («бабушек с кошками»), английские студенты тем не менее искренне в своей любви к России и хотят вернуться туда на более долгий срок, найти там работу, друзей и путь к реализации своих первых взрослых жизненных планов [17].

Автору статьи кажется, что такое неоднозначное мнение англичан о России и русских, служит основой для понимания событий, происходящих в настоящее время и влияющих на отношения между Россией и Соединенным Королевством.

Визит Кэмерона в Москву в 2011 г.: Надежда на «перезагрузку»

Отношения Москвы и Лондона пережили невиданный подъем в начале нулевых годов, а затем к 2011 г. опустились до «точки замерзания» из-за Ирака, Грузии, частичного вытеснения компании «Shell» из проекта «Сахалин-2» и, особенно, из-за «дела Литвиненко», перетекшего в «дело Лугового», а затем и Магницкого.

В сентябре 2011 г. состоялся визит британского премьер-министра Дэвида Кэмерона в Россию, что, похоже, говорило о том, что во взаимоотношениях двух стран наметились попытки если не начать все заново, то хотя бы возобновить взаимовыгодное сотрудничество. Перед этим премьер-министр Вели-

кобритании, тогда им был Тони Блэр, приезжал в Москву в октябре 2005 г. [1].

В свое время Блэр стал первым западным политиком, попытавшимся ответить на сакраментальный вопрос «Who is Mr Putin?». Он прилетел в Петербург в марте 2000 г., когда Владимир Путин был еще и.о. президента. Тогда оба лидера вместе посетили представление оперы «Война и мир» в Мариинском театре. Впоследствии журналисты усмотрели в названии спектакля дурное предзнаменование. После нашумевшего похода в московский ресторан «Пивнушка» в ноябре 2000 г. наблюдатели вспомнили «особые отношения» СССР и голлистской Франции и «привилегированное партнерство» между Борисом Ельциным и Гельмутом Колем. Высказывались предположения о том, что Блэр станет неким спецпредставителем Запада в отношениях с Москвой. Писали, что такова, видимо, роль британских премьеров – открывать миру новых руководителей России. Имелась в виду встреча Маргарет Тэтчер с членом Политбюро Михаилом Горбачёвым в 1984 г., после которой «железная леди» объявила: «С этим человеком можно иметь дело» [2].

Однако встречу Блэра и Путина в 2005 г. пресса окрестила «переговорами на бывшем уровне», а затем отношения еще более ухудшились. «Для обоих политиков такие отношения и реакция на них СМИ были выгодны», – говорит Алексей Громыко, руководитель Центра британских исследований, директор Института Европы РАН. – И Путин, и Блэр пытались утвердить себя в качестве видных фигур на мировой арене. Вся эта история лишней раз доказывает, что, «когда есть фундаментальные предпосылки для хороших отношений, “личная химия” может сделать их еще лучше, а когда их нет, она не работает» [2].

Последняя встреча Путина с британским премьером имела место в июне 2007 г., когда на саммите G8 в Хайлигендамме между ним и Блэром состоялся «очень откровенный» часовой разговор, что, как указывала в своем комментарии газета «Файнэншл таймс», на дипломатическом языке означало ссору. С Медведевым бывший премьер Гордон Браун беседовал в июле 2008 г. «на полях» саммита G8 в Японии, а Кэмерон – в июне и ноябре 2010 г. и в мае 2011 г. на саммитах «Большой восьмерки» и «Большой двадцатки» в Канаде, Южной Корее и во Франции.

Украинский кризис и новая стратегия в отношении к России

В сентябре 2013 г., еще до того, как на Украине развернулись известные события, в британской прессе был поднят шум по поводу слов Пескова (или даже Путина) о том, что «Британия всего лишь маленький остров», хотя официальный Кремль отрицал сам факт такого высказывания. (Свидетельствами

были только утверждения британских журналистов.) Сначала возмутился Кэмерон и произнес на саммите «большой двадцатки» в Петербурге достаточно пафосную, но сдержанную, в чисто британском духе речь. Он заметил журналистам: «Британия, может быть, и небольшой остров, но я предлагаю вам найти страну с более славной историей, более душевную и более устойчивую». Премьер упомянул о заслугах своей страны во Второй мировой войне, в борьбе с рабством, а также отметил вклад Британии в культуру, науку, технику и спорт. Песков, со своей стороны, отверг приписанное ему высказывание, заявив, что оно не отражает действительных взглядов России на Британию и «позитивное» развитие отношений с ней [6].

Тим Стэнли, британский специалист по истории США и постоянный автор статей в лондонской газете «Телеграф», опубликовал эмоциональную статью под названием «Размер не имеет значения: основные десять параметров, по которым маленькая Британия намного превосходит большую и толстую Россию» («Size doesn't matter: The top ten ways in which little Britain is vastly superior to big fat Russia»). Эта статья частично отражает отношение британцев к России, хотя она и написана в стиле, который существовал в годы холодной войны, и была рассчитана на массовые слои общества, не знакомые с историей [26].

«Владимир Путин говорит, что Британия – это всего лишь маленький остров. Что же, кто-то должен ему напомнить, что размер не имеет значения: значение имеет то, как вы им распоряжаетесь. Россия, несомненно, больше нас, но пока ее население пьет водку и исполняет глупые танцы в огромных меховых шапках, Британия остроумно шутит на коктейлях, ездит по правой стороне дороги и вообще ведет себя, как начальник», – пишет Стэнли [26]. Ниже приведены те десять параметров, по которым, по мнению Стэнли, Британия намного опережает Россию.

1. Британцы уже в течение пяти столетий не испытывали потребности в истреблении королевской семьи. Мы не считали необходимым вершить народную революцию – спасибо нашим разумным законам, мягкому климату и тому, что у нас всегда были более полезные занятия. В России за один только 1917 г. произошло несколько революций, после чего русские поняли, что единственный способ положить конец конфликту – это расстрелять всех членов царской семьи.

2. Британцам никогда не приходило в голову, что спортивные костюмы – это последний писк моды. Почему же российские олигархи, у которых столько денег, что им по карману купить Луну, разгуливают в ярких спортивных костюмах, создающих впечатление, что они живут в одном из бедных микрорайонов Эссекса начала 1990-х годов? Кстати, заметьте, сразу после того как они зарабатывают свои нефтяные состояния, они первым делом переезжают в Челси и отправляют своих детей учиться в Итон.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

3. Британцы считают фашизм глупостью. А некоторым русским фашизм нравится. Человеком, занявшим в 1991 г. третье место на президентских выборах, был Владимир Жириновский, чья политическая платформа включала в себя ультранационализм, антисемитизм и обещание выдать каждому по бутылке водки в случае, если он одержит победу.

4. У британцев алфавит основан на логике. Кириллица – это набор бессмысленных закорючек. Кроме того, русские говорят так, будто они лают на вас, отдавая вам команды.

5. Британские фильмы длятся 90 минут, а не 4 часа. Все говорят, что Андрей Тарковский – гений, но в его лучшем фильме “Солярис” в одном эпизоде мы в течение 10 минут смотрели на ухо актера крупным планом.

6. Когда британский премьер-министр снимает рубашку на публике, никто не притворяется, что он сексуален. На самом деле, мы притворяемся, что вообще этого не видели.

7. Британцы никогда не отправили бы собаку в космос, а русские в 1957 г. запустили в космос Лайку, где она в конце концов погибла от нехватки кислорода.

8. У британцев никогда не было и не могло быть Чернобыля, потому что мы серьезно относимся к земле и к технике безопасности. Наши атомные станции не взрываются, потому что там действует очень строгая система контроля.

9. В Британии не существует невест по переписке.

10. Британцы не стесняются своей сексуальной ориентации. Русским, напротив, требуется постоянно доказывать свою “мужественность”, издавая регрессивные законы, запрещающие переодеваться в женщин на публике и запрещающие пропаганду гомосексуализма» [15; 26].

Очень трудно себе представить, что человек, написавший подобную статью и исповедующий такие примитивные взгляды, является историком. Но это достаточно типичный уровень знаний о России на Западе. Как отмечает российский исследователь А.В. Пузаков, с Россией у представителей Запада, как правило, ассоциируются атрибуты зимы (меха, шубы, водка, чрезмерное потребление которой оправдывается холодом) и примитивные бытовые стереотипы (икра, тройки, самовары и т.д.). Одним из свойств восприятия культуры является неизменность. Ее можно определить, как способность воспринимать ту или иную культуру как относительно постоянную по ряду параметров, независимо от изменяющихся условий восприятия. Неизменность образа возникает в результате многократного восприятия одних и тех же объектов при разных условиях. Ярчайшим примером такого восприятия культуры являются стереотипы восприятия России.

Что касается западных и, в частности, британских взглядов на российскую политику, то они поразительно стабильны. Их можно выразить одним

словом – деспотизм. Деспотичной России обычно противопоставляется демократичный Запад. Это позволяет последнему лучше прочувствовать преимущества собственного государственного устройства. Основное препятствие в развитии экономики, по мнению западных обозревателей, заключается в национальном характере россиян, т.е. в отсутствии индивидуализма, в коллективистском сознании [14].

Такой оценочный фон предшествовал началу публикаций в британской прессе относительно разразившегося кризиса на Украине.

Кэмерон одним из первых заявил о намерении вместе коллегами по Евросоюзу оказывать давление на Москву с целью заставить вывести Вооруженные силы из Крыма и не допустить ввода российских войск на территорию Юго-Восточной Украины [7].

Экономика Великобритании относительно недавно вступила на путь восстановления после кризиса 2008–2009 гг., и отчасти этому способствовали инвестиции из России. Лондон является своеобразным «финансовым раем» для российских олигархов, которые активно инвестируют в экономику Великобритании. Санкции могли бы полностью перекрыть этот поток средств. Стоит отметить, что, согласно британскому законодательству, гражданство страны можно получить с помощью «визы для инвестора». Минимальный порог инвестиций составляет 1 млн ф. ст., при инвестициях в 10 млн ф. ст. и более вид на жительство выдается через два года, при инвестициях от 5 млн ф. ст. до 10 млн ф. ст. – через три года. За 2008–2013 гг. такой возможностью воспользовались 433 миллионера из России. Более того, с марта 2012 по март 2013 г. инвесторы из России скупили в Лондоне недвижимость на 4,17 млн долл., или 8,5% от всего объема предложения. Санкции же могли спровоцировать схлопывание «пузыря» на рынке недвижимости Лондона [10].

В статье в газете «Гардиан», опубликованной 17 марта 2014 г., накануне референдума в Крыму, журналист Ник Коэн рассуждал о том, почему Лондон закрывает глаза на действия Кремля. «Рассмотрим масштабы российской финансовой власти в Британии. Рожденные в постсоветскую эпоху миллиардеры, – пишет он, – занимают три из пяти верхних строчек списка самых богатых людей по версии издания “Санди таймс”. Один из них владеет газетой, которая по иронии носит название “Индепендент”, а также лондонским изданием “Ивнинг Стандарт”. Другой владеет футбольным клубом “Челси”. Россияне имеют больше специальных инвесторских виз “первого порядка”, чем граждане любой другой страны. Визы первого класса позволяют британскому государству, которое постоянно заявляет о своих жестких позициях в вопросе иммиграции, продавать права на постоянное проживание за 1 млн ф. ст.» [5].

Тем не менее на следующий день после проведения крымского референдума, Кэмерон все же выступил с заявлением, в котором он вновь озвучил точку зрения, что референдум в Крыму был нелегитимен. Политический оппонент премьера, лидер лейбористов Эд Милибанд, в свою очередь, выразил полную поддержку правящему кабинету в проведении максимально жестких мер в отношении России.

Газета «Файнэншл таймс» также рассуждает о том, какую стратегию необходимо выработать Западу в связи с событиями на востоке Украины. Британские газеты активно обсуждали речь бывшего премьер-министра страны Тони Блэра, который заявил, что страны Запада должны забыть о разногласиях с Россией по поводу Украины, и заняться решением, угрожающей всему миру проблемы исламского экстремизма.

«Нам необходимо признать существование проблемы и независимо от других наших трудностей быть готовыми сблизиться и сотрудничать с Востоком, в частности с Россией и Китаем», – сказал Блэр, который считает, что угроза радикального ислама способна дестабилизировать общество и разрушить достижения эпохи глобализации [8].

Обозреватель «Гардиан» Мартин Кеттл считает, что Западу необходимо рассмотреть украинский кризис более широко и придумать новую глобальную стратегию «сдерживания» в отношении России. «Нравится вам это или нет, но Россия – вражеская сила, – пишет журналист. – Невзирая на речь Тони Блэра по поводу радикального ислама, немногие западноевропейские нации разделяют интересы России, а в свете нынешних событий – почти никто не разделяет ее ценности» [там же].

В последнее время события на востоке Украины перестали занимать первые страницы ведущих британских газет и передвинулись в отделы «мнения и комментарии». Так, газета «Таймс» публикует статью известного политика, бывшего лидера Либерально-демократической партии Пэдди Эшдауна под заголовком «Мы должны примириться с Путиным, чтобы победить “Исламское государство”». Он отмечает, что Россия не приглашалась к участию в коалиции, созданной США для борьбы с джихадистами в Сирии и Ираке, несмотря на то, что она противостоит им у себя дома, в Дагестане и Чечне. По его мнению, более широкая коалиция, которая включала бы активное или пассивное участие России, проложила бы путь к принятию резолюции в Совете Безопасности ООН и стала бы лучшим средством для преодоления нынешнего кризиса на Ближнем Востоке [11].

Образ В.В. Путина в британской прессе

В разгар украинского и крымского кризисов Владимир Путин превратился в главного героя обложек мировых изданий. За десять месяцев 2014 г. на обложке журнала «Экономист» Путин появился 5 раз. К сравнению, Барак Обама на обложке издания в прошлом году побывал только однажды – в номере от 27 сентября.

На обложке номера от 2 февраля – фигурист Владимир Путин, совершающий пируэт, а за ним – практически провалившаяся под лед партнерша с надписью «Россия». Главный материал номера назывался «Триумф Владимира Путина» и был посвящен предолимпийской России. Авторы журнала отмечали, что, несмотря на авторитет, влияние и успехи лично Путина, страна чувствует себя не очень хорошо, а ее возрождение, о котором так много говорили в преддверии Олимпиады, выглядит не совсем впечатляюще. В России по-прежнему отмечаются коррупция, отток капитала и интеллекта, низкая производительность и неконкурентоспособность экономики. Причина – в созданной президентом политической системе, уверены авторы. В итоге Россия может разделить судьбу СССР, если не решит экономические проблемы. Праздник Олимпиады завершает удачный политический год для Путина, пишет журнал [27].

«Заложники Кремля». В начале марта 2014 г. появился еще один выпуск «Экономиста» с президентом России на обложке. «Пока вы читаете эту статью, 46 млн человек находятся в Украине в заложниках», – так начинается заглавная статья номера, посвященная вводу российских войск в Крым. По мнению журналистов издания, своими действиями Путин растоптал нормы, укреплявшие международный порядок. А сам российский президент представляет серьезную угрозу для соседей. Жители Украины сделали свой выбор, считая, что под эгидой России страна будет «слабой и зависимой», а Европа дает надежду на преобразования, преодоление коррупции и укрепление экономики. Да и оккупация Крыма, считает «Экономист», не должна остаться для Путина безнаказанной [20].

В марте 2014 г., после присоединения Крыма к России, еще один номер издания поместил на обложке Путина с голым торсом верхом на танке. Слева стоит табличка с двумя знаками: «СТОП. Контроль» и «Или Запад посадит вас на “ступеньку непослушания”». На его страницах говорилось: «Франции следует воздержаться от продажи оружия России, а в случае повторения событий в восточной части Украины и Германия должна быть готова к введению эмбарго на российские нефть и газ. Планировать действия необходимо именно сейчас, чтобы уменьшить зависимость Европы от российской энергетики и усилить НАТО... Даже если Запад готов принимать серьезные меры против Путина, развивающиеся державы могут осудить их. Но вместо того,

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

чтобы неохотно соглашаться с незаконной аннексией Крыма, этим странам стоит влиять на мировой порядок, в котором они хотят жить. Предпочтут ли они государство, уважающее международные соглашения и границы? Или то, где слова ничего не стоят, границы игнорируются, а соглашения разрываются, когда захочется?» [24].

«Эпическая ложь Владимира Путина может иметь серьезные последствия для его народа и всего остального мира», – пишет редакция в материале «Паутина лжи». «Уничтожение рейса МН17 авиакомпании “Malaysia Airlines”, гибель 298 ни в чем не повинных людей – в первую очередь трагедия для тех, чья жизнь прервалась, и для оплакивающих их близких. Но это одновременно и мерило ущерба, причиненного господином Путиным. При нем Россия вновь стала местом, где правда и ложь неразличимы, а факты ставятся на службу правительству. Господин Путин позиционирует себя патриотом, но при этом он несет угрозу международным нормам, своим соседям и самим россиянам, которые уже отравлены его истеричной антизападной пропагандой» [18].

На обложке номера от 6 сентября российский президент изображен на шахматной доске позади фигуры белого короля. На переднем плане лежат разбитые черные ферзь и пешка. «Изначально Путин хотел завладеть Украиной без вторжения на ее территорию, однако затем показал свою готовность применить силу, посеяв, тем самым, страх. Именно страх превратился в своеобразную валюту в политике Путина. По его мнению, обессилить и окружить Россию – главная цель Запада. По мнению Путина, история России после распада СССР стала мишенью для американских насмешек, и он видит свою миссию в изменении ситуации. Путин больше заботится о том, чтобы его соседи были слабыми, чем о том, чтобы Россия процветала. Союзником он предпочитает вассалов. Мировоззрение, которое представляет собой ядовитый концентрат цинизма КГБ и все более мессианского русского национализма, привело Путина в Украину. Идея о том, что его авантюризм остановится на Донбассе, так же наивна, как и теория о том, что он был удовлетворен, когда российские военные отрезали Абхазию и Южную Осетию от Грузии в 2008 г.», – говорится в материале, заголовок которого помещен на обложку – «Долгая игра» [23].

В мае принц Чарльз, находящийся с визитом в Канаде, сравнил президента России Владимира Путина с Адольфом Гитлером. Комментируя в частном разговоре политику России в отношении Украины и аннексию Крыма, принц Уэльский заметил: «И теперь Путин делает почти то же самое, что делал Гитлер». Эту фразу цитирует британский таблоид «Дейли Мейл». В пресс-службе принца Чарльза журналистам «Дейли Мейл» ответили, что они не будут комментировать частный разговор принца. «Это была всего лишь небольшая ремарка».

Тем не менее эта фраза вызвала серьезные последствия, просто потому, что она была брошена человеком, который однажды станет главой государства. Британская монархия находится сейчас в переходном состоянии. Принц Чарльз постепенно начинает выполнять все больше королевских функций, дабы снять груз с плеч своей 88-летней матери, королевы Елизаветы II, и к нему приковано повышенное внимание. Все пытаются понять, каким королем он станет. Сам Чарльз, снискавший репутацию человека, который не сдержан на язык, возможно, и не придавал бы особого значения тому, что он сказал про президента Путина. Однако в Букингемском дворце и в Форин-офисе эта ремарка была воспринята не так беззаботно. Что до его критиков, а их много, то они усмотрели в его словах еще один пример того, как наследник престола, оказавшийся в этой роли по праву рождения, а не потому, что его избрали, вмешивается там, где не следовало бы. Другому изданию, газете «Дейли Телеграф» в Кларенс-хаусе, резиденции членов королевской семьи Великобритании тем не менее уточнили: «Это был частный, проникновенный разговор с дамой, потерявшей в Холокосте членов своей семьи». Заместитель премьер-министра Великобритании, лидер британских либеральных демократов Ник Клегг в интервью Би-би-си выступил в защиту принца Чарльза, также подчеркнув, что это был «частный разговор» [13].

«Слабак ли Владимир Путин? У российского президента образ “мачо”, и он шокировал Запад аннексией Крыма. Но в Москве есть сторонники более жесткой политики, которые, похоже, недовольны тем, что Путин не пошел дальше», – пишет Гидеон Рачман в своей колонке под названием «Россия в ядерном Зазеркалье» в газете «Файнэншл Таймс». Один из них – Вячеслав Никонов, глава комитета по образованию в российском парламенте и внук Вячеслава Молотова, который в течение многих лет был министром иностранных дел Иосифа Сталина. Никонов называет политику Путина на Украине «очень осторожной» [25].

На фоне этой критики удивительно выглядят результаты опроса, проведенного в апреле 2014 г. британским изданием «Индепендент». 92% читателей газеты отдали В.В. Путину пальму первенства при ответе на вопрос: «Кто ваш любимый мировой лидер?». Опрос был проведен изданием вслед за заявлением стремительно набирающего популярность в Британии лидера Партии независимости Соединенного Королевства (УКIP) Найджела Фараджа. Политик вызвал в Британии сенсацию заявлением, что «как деятель (но не как человек) меня восхищает Путин – то, как блестяще он справился с сирийским кризисом». Как выяснилось, точку зрения политика разделяет и подавляющее большинство читателей этой газеты – из 46 тыс. участников опроса за Путина проголосовали 92%. Для сравнения: собственный премьер Д. Кэмерон с трудом набрал 1% [9].

* * *

В заключение скажем несколько слов и по поводу представлений о «русском Лондоне». Они искажены как в Британии, так и в России. Искаженное восприятие «русского Лондона» проявляется тогда, когда о нем судят только по лицам первого, узнаваемого ряда – нескольким сотням сверхбогатых людей, а их стиль жизни и потребления переносят на всю русскую диаспору. На самом деле у разных русских и роман с Лондоном складывается по-разному. Траты Абрамовича и его «последователей» сформировали первое представление о «русском Лондоне» у британцев, да и у самих россиян. Произошло это благодаря британским таблоидам и таким, уже ставшим «каноническими», книгам, как «Лондонград. Из России с наличными» Стюарта Лэнсли и Марка Холлингворта. Именно они первыми рассказали своим читателям хрестоматийные ныне истории о том, как, находясь в Баку, Абрамович заказал себе на обед суши из лондонского ресторана, потратив на заказ и его доставку 40 тыс. ф. ст.; как Березовский купил усадьбу за 20,5 млн ф. ст., один раз мельком взглянув на нее с вертолета.

Из подобных книг британцы узнали также, что уже в 2006 г. одну пятую часть всех домов стоимостью более 8 млн ф. ст. купили русские, а все магазины Вест-Энда бросились нанимать продавцов со знанием русского языка, чтобы не упустить клиентов в виде жен и любовниц русских олигархов. Именно тогда русские стали любимыми покупателями топовых ювелирных и автомобильных брендов [3].

Никто, впрочем, при этом не обращал внимания, что рынок элитной недвижимости в Лондоне – не более 5% всего рынка недвижимости, а продажи автомобилей престижных марок не идут ни в какое сравнение с продажами бюджетных авто для среднего класса. В общем, мало кто задумывался, что глупо переносить этот стиль жизни на всех русских, действительно заполнивших в эти годы Лондон. Хотя, что значит «заполнивших»? Одних поляков в Великобритании сегодня больше 2 млн, а «русских», к которым местные жители традиционно относят едва ли не всех выходцев из бывшего СССР, – не больше 300 тыс. Собственно этнических русских из них вряд ли больше половины. Это отнюдь не миллионеры, хотя и не бедные представители восточной части Европы [3].

При всех нынешних сложностях в отношениях между нашими странами отношение к русским в Великобритании вполне благожелательное, особенно к тем, кто не эпатирует публику покупками, а честно ведет свой бизнес [3].

Литература

1. Визит Кэмерона в Москву: Будет ли перезагрузка? – <http://inosmi.ru/europe/20110907/174354739.html>
2. Визит Кэмерона в Москву: Взгляд из России и Британии. – <http://www.ria.ru/analytics/20110913/436623548.html#ixzz2z96vgWEd>
3. Дятликович В. «Лондон ищет новых транжир»: Русские разьежжаются из британской столицы. – <http://www.style.rbc.ru/news/luxury/2014/07/18/18904>
4. Карп М. Россия глазами англичан // BBC Russian.com. – 09.06.2008. – http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/international/newsid_7437000/7437655.stm
5. Коэн Н. Лондон закрывает глава на авантюризм Кремля. – <http://www.inosmi.ru/world/20140317/218619059.html>
6. Кэмерон обиделся на заявление, приписанное Пескову. – <http://newsland.com/news/detail/id/1242015>
7. Кэмерон: Россия может быть исключена из «большой восьмерки». – <http://www.newsland.com/news/detail/id/1341599>
8. Новая стратегия в отношении России. – http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/04/140424_brit_press
9. Опрос в Британии: Владимир Путин – «любимый мировой лидер» у 92% участников. – <http://www.regnum.ru/news/1789227.html>
10. Почему британцы боятся санкций против России? – <http://www.vestifinance.ru/articles/40312/print>
11. Журавлев А. Пресса Британии: Не все ругают Путина // BBC. Русская служба. – 10.10.2014. – http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/09/140930_brit_press
12. Пресса Британии: Противостояние с Россией будет долгим // BBC. Русская служба. – 10.10.2014. – http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/10/141010_brit_press
13. Принц Чарльз: Путин делает то же, что делал Гитлер // BBC. Русская служба. – 21.05.2014. – http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/05/140521_prince_charles_compared_putin_to_hitler
14. Пузаков А.В. Стереотипы восприятия российской культуры англичанами в XX в. и попытки их развенчать. – <http://study-english.info/article005.php#ixzz2yCGFWJMs>
15. Садуллаев Г. Маленький остров. Большая истерика. Почему они обиделись. – <http://www.odnako.org/blogs/malenkiy-ostrov-bolshaya-isterika>
16. У «сумасшедших» и «вульгарных» русских есть чему поучиться, признают британцы. – http://www.newsru.com/world/23sep2013/brussians_print.html
17. Эпштейн М. Россия глазами молодых англичан. – <http://www.mikhail-epstein.livejournal.co/115412.html>
18. A Web of lies. – <http://www.economist.com/news/leaders/21608645-vladimir-putin-epic>
19. British perception and reception of Russian culture, 18th–20th centuries. – http://www.lib.cam.ac.uk/deptserv/slavonic/spot_arch_british_perception.html
20. Kidnapped by Kremlin // The Economist. – L., 2014. – March 8. – Vol. 410, N 8882. – P. 11, 23–28.
21. Putin's inferno // The Economist. – L., 2014. – Febr. 22. – Vol. 410, N 8875. – P. 7. – <http://www.economist.com/node/21596941/print>
22. Responding to Mr. Putin // The Economist. – L., 2014. – March 22. – Vol. 410, N 8879. – P. 23–28. – <http://www.economist.com/node/21599413/print>
23. The long game // The Economist. – L., 2014. – Sept. 6. – <http://www.economist.com/news/leaders/21615582-sad-reality-vladimir-putin->

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

24. The new world order // *The Economist*. – L., 2014. – March 28. – Vol. 410, N 8879. – P. 11, 23–30.
25. Rachman G. Russia through the nuclear looking glass. – <http://www.ft.com/cms/s/0/8df2a910-4b2b-11e4-8a0e-00144feab7de.html>
26. Stanley T. Size doesn't matter: The top ten ways in which little Britain is vastly superior to big fat Russia. – <http://www.inosmi.ru/world/20130907/212703390-print.html>
27. The triumph of Vladimir Putin // *The Economist*. – L., 2014. – Febr. 1. – Vol. 410, N 8872. – P. 9, 18–20.
28. What do British people think about Russians? – <http://www.visitorline.com/journal/19236>
29. Wood A. Britain and Russia. – http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/0711pp_wood_0.pdf

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Л.П. Муромцева

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX в.

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук,
доцент МГУ.

В ситуации национального «рассеяния» после революций 1917 г. русский язык оказался главным свидетельством принадлежности к ушедшей России. Печатное слово было не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом сохранения и передачи культурных традиций. Ни личные контакты, ни другие средства коммуникации не могли соперничать с ним в возможности преодолеть границы и расстояния. «Интеллектуальная культура Слова: газеты, журналы, книги – стали самым действенным средством объединения эмиграции» [3, с. 7]. Именно поэтому издательская деятельность и система распространения русскоязычной литературы служили важнейшим направлением общественной, политической и культурной жизни зарубежной России [13; 2; 9; 19, с. 197–214]. Процесс сохранения языковой идентичности в эмиграции требовал постоянного возобновления и обогащения потенциала литературного слова, что обеспечивалось замечательным творческим трудом писателей, поэтов, публицистов и журналистов зарубежной России, ее феноменальной по своей интенсивности и многообразию издательской деятельностью, которая включала публикации собраний сочинений русской классики, и элитарных художественных альбомов, и рукописных информационных листов, размножавшихся на ротаторе для нескольких десятков читателей.

Реализуя свое стремление реконструировать интеллектуальное и бытовое пространство дореволюционной России, русская эмиграция XX в. с самого начала своей жизни за рубежом пыталась воссоздать свою привычную среду, составной и неотъемлемой частью которой было образование, книжное дело, интеллектуальное общение [13, с. 9]. Ведь в дореволюционной Москве

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

и Петербурге русская интеллигенция имела огромный выбор книг, газет и журналов.

Практически по всему зарубежью печаталась русская классика. Так, издательством И.П. Ладыжникова (Берлин) выпускались в серии «Русская библиотека» собрания сочинений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя и др. [21, с. 162]. Корешки книг со знакомыми именами помогали адаптироваться к жизни на чужбине. Поэтому издание русской классики «было особенно важным с точки зрения “воссоздания” русского мира, “русской ауры” в эмиграции».

В то же время российское зарубежье 1920–1930-х годов в значительной степени представляло собой сообщество пишущей интеллигенции, для которой литературное творчество стало не только формой деятельности, но и главным смыслом существования. К середине 1920-х годов за пределами России оказались А.Т. Аверченко, Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, М.А. Алданов, А.В. Амфитеатров, К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, А.С. Изгоев, А.А. Койранский, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, Н.А. Оцуп, А.М. Ремизов, Н.А. Тэффи, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, А.А. Яблоновский и многие другие писатели и журналисты, продолжившие в изгнании свою творческую деятельность.

Литературное наследие российского зарубежья включает также произведения общественных деятелей, философов, историков Н.Д. Авксентьева, Н.А. Бердяева, В.Л. Бурцева, М.М. Винавера, М.В. Вишняка, И.В. Гессена, И.А. Ильина, А.А. Кизеветтера, Н.О. Лосского, П.Н. Милюкова, М.И. Ростовцева, Ф.А. Степуна, П.Б. Струве, И.И. Фондаминского.

Крупные центры издательской деятельности в 1920–1930-е годы находились практически во всех «столицах» зарубежной России: Париже, Берлине, Праге, Белграде, Харбине, а также Риге, Брюсселе, Сан-Франциско и др. При этом Париж, Берлин и в значительной степени Харбин стали одновременно и центрами литературно-художественного творчества российской эмиграции, где увидели свет многие новые произведения лучших российских авторов. В то же время, например, в Праге и Белграде издавалось большое количество научной и просветительской литературы, военно-исторических материалов, казачьей прозы и поэзии.

Г.П. Струве отмечал, что в условиях послевоенной инфляции и относительной дешевизны в Германии возникла особенно благоприятная атмосфера для издательского бизнеса [22, с. 24–25]. В Берлине в первой половине 1920-х годов действовали 87 русских издательств и 20 книжных лавок [21, с. 161–162], наиболее крупными из них были «Слово», «Геликон», «Знание», «Медный всадник», «Петрополис». В их деятельности не только возрождались и развивались литературные традиции, но и создавались замечательные образцы книгоиздательского искусства, не уступавшие с художественной 200

и полиграфической точек зрения петербургским и московским изданиям эпохи Серебряного века. Над оформлением книг трудились выдающиеся мастера книжной графики: М.В. Добужинский, Л.М. Лисицкий, В.Н. Мясютин.

Развитию высокой культуры русского издательского дела способствовала и деятельность созданного в Берлине «Общества ревнителей русской книги», ставившего своей целью выпуск для любителей русского книжного искусства специальных изданий, организацию выставок, конкурсов и подготовку докладов. В этом же направлении действовали «Союз журналистов и литераторов», образованный в сентябре 1921 г. И.В. Гессеном, и созданный в 1922 г. «Клуб писателей». Русский Берлин одним из первых выдвинул идею сохранения и развития русской культуры, и печатная продукция должна была стать живым звеном между Россией прошлой и будущей. Намерение вести диалог культур подтверждалось деятельностью российских эмигрантских издательств. Так, «Слово», которым руководил И.В. Гессен, выпустило полные собрания сочинений М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, полное издание «Былого и дум» А.И. Герцена, а также «Архив русской революции» в 22 томах; издательство «Скифы» – сборники современной советской поэзии; «Мысль» – русскую и западноевропейскую классику.

Объем литературы, изданной на русском языке, превосходил таковой на немецком. Библиографический справочник 1924 г. приводит данные об издании 711 наименований произведений русской литературы. «Этот факт говорит об акции беспримерного не только русского, но и мирового значения – создания за рубежом библиотеки русской книги» [17. Кн. 1. С. 52; 23, с. 184–185].

Изменение внутривнутриполитической обстановки в Германии, приведшее к массовому выезду из страны ученых и творческой интеллигенции, обусловили перемещение центра литературно-издательской деятельности российской эмиграции из Берлина в Париж. Уже в начале 1920-х годов здесь начали выходить в свет ведущие общественно-политические газеты русского зарубежья «Последние новости» и «Общее дело», которые изначально выполняли не только информационные, но и культурные задачи. «Последние новости» возглавлял П.М. Миллюков, выдвинувший программу, первый тезис которой означает отказ от вооруженной борьбы с советской Россией, а второй – сохранил призыв к опоре на внутренние силы России при подготовке к ее будущему переустройству. В редакции «Общего дела» работал В.Л. Бурцев. Журнал занимал ярко выраженную антибольшевистскую позицию. К изданию были причастны также представители интеллектуальной и литературной элиты русского Парижа: М.М. Винавер, И.А. Бунин, Дон-Аминадо и др. В 1920 г. Н.В. Чайковским, В.А. Анри, М.А. Алдановым и А.Н. Толстым был начат выпуск первого «толстого» журнала российского зарубежья «Грядущая Россия».

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

«Но насколько в Париже русская печать была широко и разнообразно представлена, настолько русский Париж в полную противоположность русскому Берлину почему-то был беден русскими издательствами», – писал в своих воспоминаниях Р.Б. Гуль [8, с. 121]. И хоть исследователь В.В. Ефременко упоминает о 27 русских издательствах, существовавших во Франции в межвоенный период [10, с. 29], лишь только часть из них можно отнести к крупным, заметно влиявшим на издательское дело эмиграции. Среди них – издательства двух ведущих «толстых» журналов – литературного – «Современные записки» (редактор среди прочих М.В. Вишняк) и «Иллюстрированной России», содержащих фотоматериалы, обличающие жизнь при коммунизме и советской власти.

Следует упомянуть старейшее в Париже издательство Я.Е. Поволоцкого, основанное еще в 1910 г., но получившее наибольшую известность благодаря начатому девять лет спустя выпуску серий книг под названиями «Детская серия», «Библиотека современных писателей», «Миниатюрная библиотека». «Евразийское книгоиздательство» печатало книги религиозно-философского и историко-политического характера, а издательство «Франко-русская печать» выпускало литературу на русском и французском языках по общественно-политическим вопросам [18, с. 303–307].

Одно из центральных мест в издательском мире русского Парижа, а затем и всего российского зарубежья занимало издательство – «УМСА-PRESS», основанное в 1921 г. в Праге «Христианской ассоциацией молодых людей», оказывавшей широкую благотворительную поддержку российской эмиграции, особенно просветительным и религиозным организациям. С 1925 г. «УМСА-PRESS», переместившееся в Париж, становится главным издателем русской периодики, религиозной, философской и частично художественной литературы. Финансовая поддержка Христианской ассоциации обеспечивала ему возможность издавать высокоинтеллектуальную литературу, которая вошла в золотой фонд русской и мировой научной мысли: труды Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, С.Л. Франка и др. [11, с. 14]. Отдельную группу составляли центры, куда, кроме издательства, входили и книжные магазины, таковым был, например, «Дом книги», открытый в 1929 г. [12, с. 23–24; 221–223].

Преемственность в издательской деятельности русского зарубежья во Франции выражалась не только в следовании лучшим образцам печатной продукции дореволюционной России, но и в тематике художественных и публицистических произведений эмигрантских авторов: в них доминировали темы родины, сохранения культурного наследия.

Крупным центром литературно-издательской активности российской эмиграции в Европе в межвоенный период представляла собой и Прага, где в 1919 г. было основано при «Чешско-Русском обществе» («Чешско-русская

еднота») издательство «Наша речь», получившее впоследствии название «Пламя». Организатор «Пламени» историк литературы и критик, профессор Е.А. Ляцкий ставил перед издательством задачи содействия развитию русской и всеславянской науки и книжно-просветительской культуры. «Пламя» выпускало справочную литературу, учебники, беллетристику на русском, украинском, белорусском, грузинском и армянском языках, чешские переводы произведений русских, а также библиографические журналы «Огни» и «Славянская книга». За 1923–1926 гг. им было издано более 100 наименований книг и брошюр. «Пламя» имело магазины, книжные склады и отделения в Берлине, Белграде, Риге, Лондоне и других городах Европы, через которые распространяло не только собственную продукцию, но и книги других эмигрантских издательств, журналы «Современные записки», «Воля России».

Издательскую деятельность вели и другие научные учреждения и общества, учебные заведения, общественные, культурные организации, из числа которых заслуживает внимания, прежде всего, Институт им. Н.П. Кондакова. С 1926 по 1938 г. им были изданы труды по византиноведению, истории искусства, археологии Восточной Европы. Сборники научных трудов выпускали также Экономический кабинет профессора С.Н. Прокоповича, Русский институт, «Русское историческое общество», Русский народный (с 1934 г. – Русский свободный) университет. Издательскую деятельность вели Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, «Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей», Земгор [18, с. 331–332].

В Белграде в 1920–1941 гг. существовало не более 20 русских эмигрантских издательств и книготорговых предприятий. Сама их судьба наглядно отражала всю непредсказуемость доли изгнанника на чужбине. Лишь немногие из них успевали напечатать хоть несколько книг. Наиболее известными русскими полиграфическими центрами были, без сомнения, издательство братьев Грузинцевых и Русская типография С.Ф. Филонова в Новом Саде, которые отпечатали почти половину всех русских книг, вышедших в Югославии [15, с. 336].

С 25 по 30 сентября 1928 г. в Белграде состоялся единственный в истории русского зарубежья Всеэмигрантский съезд русских писателей. Его результатом стало образование при Сербской академии наук особой «Издательской комиссии», финансируемой Правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев. Эта комиссия являлась официальным органом «Государственной комиссии по российским беженцам». Комиссия в 1928–1936 гг. выпустила три серии изданий: «Русская библиотека», состоящая из 43 книг современных русских авторов; «Детская библиотека», в которой вышло 11 книг; «Библиотека для юношества» включала два издания [18, с. 21].

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Русское книгоиздание в Болгарии имело сравнительно ограниченные масштабы, но именно в Болгарии началась издательская деятельность евразийцев. Первый сборник – «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» – вышел в Софии в 1921 г. [14]. В сборнике напечатано десять статей, их авторами выступили П.Н. Савицкий, Г.В. Флоренский, П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой. Именно это издание послужило началом нового течения в русской эмиграции – евразийства. Русско-болгарское книгоиздательство, кроме своей непосредственной деятельности, занималось также распространением своих и чужих изданий русских книг в Болгарии [15, с. 336].

Таким образом, основу деятельности русских издательств на Балканах составляла публикация произведений русских классиков, а также русской и иностранной научной литературы. В то же время там активно печатались труды писателей и поэтов, творивших в изгнании.

На Дальнем Востоке литературно-издательская деятельность российской эмиграции была сосредоточена в Харбине и Шанхае. В Харбине работали такие известные поэты и писатели, как В.Ф. Перелешин, Вс.Н. Иванов, А.И. Несмелов, Е.И. Замятин, С.Г. Петров (Скиталец), талантливая журналистка М.Л. Шапиро. Многочисленность российской диаспоры в Китае обеспечивала высокий спрос на русские книги и периодику. В Харбине выходили десятки русских газет, журналы «Рубеж» (1926–1945), «Гонг» (1923), «Синий журнал» (1921–1922), «Луч Азии» (1934–1945), альманах «Русская жизнь» (1922–1923), литературный журнал «Багульник» (1931). Только казачьих журналов в Харбине в разные годы насчитывалось более 20 наименований [6, с. 140]. Несмотря на отдаленность от основных центров общественно-политической и интеллектуальной жизни российского зарубежья, некоторые дальневосточные издания получили широкую известность; к примеру, журнал «Рубеж» читали «во всех уголках зарубежной Руси – от Парижа до Шанхая и от Риги до Буэнос-Айреса».

В Шанхае выпускались газеты «Слово» (1929–1934), «Шанхайская заря» (1926–1940), альманахи «Дальний Восток» (1920) и «Желтый лик» (1921). В их издании принимали участие известные литераторы и ученые: А.В. Амфитеатров, И.А. Бунин, Н.К. Рерих, Саша Черный и др. Важную роль в распространении за рубежом русского языка и литературы играло шанхайское издательство «Слово». В 1930-е годы оно выпустило более 50 наименований книг на русском языке: мемуары, беллетристику, учебники, издания для детей (в том числе произведения Корнея Чуковского «Тараканище» и «Крокодил») [5, с. 431–443].

В Пекине в начале 1920-х годов был основан литературный, научный и политический журнал «Русское обозрение» (1920–1921), на страницах которого печатались литературные произведения русских и иностранных авто-

ров, мемуары политических деятелей, аналитические материалы о жизни в СССР, о проблемах международных отношений, статьи Г.К. Гинса, И.И. Серебренникова и др. [18, с. 405–408]. Харбинские и шанхайские книжные склады торговали не только местными изданиями, но и книгами и журналами, поступающими из русских издательств Европы и США.

Одним из крупных центров издательской деятельности российского зарубежья были США. Первые русские книжные магазины и издательства появились там еще в 1860–1880 гг. В первой половине XX в. здесь выходило большое количество газет и журналов, образующих единое информационное пространство диаспоры. В их числе – «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910 – наст. вр.), «Зарницы» (Нью-Йорк, 1925–1927), литературный и научно-популярный журнал «Москва» (Чикаго, 1929–1931). На рубеже 1920–1930-х годов последний был единственным русским ежемесячником в Северной Америке. Библиотеки, книжные магазины и издательства российской эмиграции в США поддерживали связи с издательскими книоторговыми центрами российского зарубежья в Европе и на Дальнем Востоке, снабжая русских и американских читателей широким ассортиментом издательской продукции. Однако историко-культурное направление в литературной жизни русской Америки находилось еще в стадии становления. Лишь время от времени культурно-просветительные и литературные объединения российской эмиграции в США осуществляли выпуск различных сборников или продолжающихся изданий. Среди них стоит отметить «Записки Русского исторического общества в Америке» (Сан-Франциско, 1938), сборник «Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско» «Дымный след» (1925). В течение XX в. литературно-издательский процесс в США активно развивался благодаря новым идеям и формам, привнесшимся деятелями эмигрантской литературы и искусства, которые прибывали в Америку из европейских «столиц» зарубежной России. «Газеты обеспечивали внутреннюю связь этой экстерриториальной общности без государственной инфраструктуры, публикуя анализ положения “на родине” и “за рубежом”, хронику эмигрантской жизни, календари с планами возможных мероприятий, объявления о поиске потерявшихся родных и близких, а также сплетни, карикатуры и дебаты, которые велись в глобальном масштабе от Парижа до Харбина», – пишет известный немецкий историк Карл Шлегель [23, с. 186].

Для российских эмигрантов, в массе своей стесненных в средствах, газеты и журналы были экономически более доступны, чем книги. При этом потребность в русском печатном слове в 1920–1930 гг. была очень высока. По подсчетам зарубежных исследователей (в том числе и эмигрантских), с 1918 по 1932 г. русская эмиграция выпускала в свет от 1054 до 2120 газет и журналов [3, с. 29; 4, с. 286]. Ведущие газеты, еженедельники и «толстые» журналы расходились по всему миру, поддерживая культурно-языковое

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

единство диаспоры. Многие из появившихся изданий существовали недолго, периодичность их выпуска часто нарушалась. Устойчивыми изданиями в довоенный период были «Последние новости», «Возрождение» (сугубо монархической ориентации), «Дни» (редактор А.Ф. Керенский), «Руль» (в редакции работал В.Д. Набоков, жестко оппонировавший программе Милюкова), «Сегодня» (социал-демократическая газета, отделяющая себя от эмиграции) и «Новое время» (во главе с М.А. Сувориным) в Европе, а также «Новое русское слово» в Америке – единственное русское издание в то время.

Все эти издания, естественно, были различной идеологической направленности. По меткому замечанию Романа Гуля, «русская политическая периодика в эмиграции шла от монархистов справа до анархистов налево, через эсеров, эсдеков, энесов, кадетов, сменовеховцев и др. А журналы по искусству – от «мирискусников», «Жар-птицы» до конструктивистов «Вещи» [7, с. 173]. Значительное место в них уделялось проблемам культуры. Периодические издания стали летописью не только политической, но и художественной, литературной, музыкальной, театральной жизни русского зарубежья, внося тем самым значительный вклад в сохранение историко-культурного наследия эмиграции. «Я глубочайше убежден, что журнал – это самое большое дело, которое мы можем делать за границей», – писал И.И. Фондаминский [17. Кн. 2. С. 351].

Разнообразие журналов, бюллетеней настолько велико, что классифицировать их довольно сложно. Следует особо выделить парижские журналы: «Современные записки» (1920–1940), а также «Путь» (1925–1940, редактор Бердяев), «Числа» (1930–1934, для молодого поколения литературов-эмигрантов), «Новый град» (1931–1939, под редакцией И.И. Бунакова–Фондаминского, Ф.А. Степуна и Г.П. Ильина), «Жар-птицу» (1921–1926, журнал общественно-культурного направления, где литературным редактором работал Саша Чёрный) и ряд других элитарных журналов, представляющих важнейший этап литературного процесса 1920–1930-х годов, который задал высокую интеллектуальную планку русским «толстым» журналам, основанным в США и Европе в 1940–1970-е годы.

Именно на страницах периодических изданий впервые увидели свет лучшие произведения И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.М. Ремизова, М.А. Алданова, Г.И. Газданова, Б.Ю. Поплавского, И.В. Чиннова, рекламировались новые русские книги и литературные сборники. Благодаря участию литературной элиты в журналистском и издательском деле эмигрантская пресса стала подлинным хранителем живого русского языка, «школой языка для подрастающего поколения беженцев».

Следует подчеркнуть, что развитие литературно-издательской деятельности в российском зарубежье в значительной степени держалось на энтузиазме эмигрантской интеллигенции, для которой занятие литературным творчеством

и просвещением составляло бóльшую ценность, нежели материальное благополучие, а порой и жизнь. Так, филолог-славист и публицист А.Л. Бем, возглавлявший в Праге творческое объединение «Цех поэтов», занимался литературной работой вплоть до последних дней Второй мировой войны. В 1945 г. он был арестован сотрудниками советской Госбезопасности. Его биограф Л.Н. Белошевская пишет: «С арестом и трагической смертью А.Л. Бема литературная жизнь русской эмиграции в Чехословакии практически перестала существовать» [17. Кн. 2. С. 257].

Изданием произведений российских эмигрантов занимались различные просветительные и благотворительные структуры, в том числе «Комитет по поддержке русской культуры в Югославии» («Русский Культурный Одбор»). Выпуск литературы на русском языке производился им с учетом запросов различных категорий эмигрантского социума – молодежи, деятелей науки, военных¹. Большой вклад в дело сохранения историко-культурного наследия российской эмиграции внесли и литературные сообщества. Так, союзы русских писателей и журналистов, в межвоенный период действовавшие в Чехословакии, Югославии, Польше, печатали многочисленные литературные сборники и журналы, организовывали литературные праздники, благотворительные балы. В частности, «Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии» издал в 1926 г. сборник произведений своих авторов «Ковчег», проводил «Дни Достоевского в Праге».

В целях популяризации русской культуры² комитеты «Дня русской культуры» в Чехословакии, Югославии, Эстонии и других странах издавали книги, газеты и сборники на русском языке и языках стран проживания эмигрантов. Так, в 1926 г. в Праге вышел в свет сборник статей «Зодчие русской культуры», в Белграде – сборник статей «Русская культура. Поэзия и искусство России»; рижский литературно-художественный журнал «Перезвоны» (1925–1929) полностью посвятил 20-й номер за 1926 г. «Дню русской культуры» в Латвии. В 1928 г. к этому торжеству был приурочен выпуск альманаха «Родная земля» (Париж) и четыре однодневных газеты: «День русской культуры» (Белград), «Русский день» (Рига), «День русского просвещения» и «Новь» (Ревель). В 1930 г. аналогичное однодневное издание по случаю «Дня русской культуры» было напечатано Харбинским комитетом помощи русским беженцам³. В 1933 г. Исполнительным бюро Комитета ДРК в Праге было выпущено 500 экземпляров художественных открыток с портретом И.С. Тургенева⁴, в 1941 г. – с портретом

1. ГАРФ. Ф.Р-6793. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

2. ГАРФ. Ф.Р-5850. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

3. Там же. – Д. 28. Л. 367.

4. Там же. – Д. 3. Л. 31.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

М.Ю. Лермонтова⁵. В 1942 г., когда полноценное проведение «Дня русской культуры» в Европе было невозможно, Комитет ДРК в Праге постановил «попытаться издать избранные сочинения Лермонтова в замену чествования ДРК в текущем году»⁶. Даже в отдаленных уголках зарубежной России силами энтузиастов выпускались периодические издания и литературные сборники, нередко кустарным способом – на пишущей машинке или в виде рукописи, размноженной на ротаторе. В результате этих издательских инициатив появлялись журналы и информационные листки, выпускавшиеся воинскими обществами и союзами. В русском зарубежье выходило более 100 военных изданий различной направленности и периодичности. Как подчеркивал один из ведущих военных публицистов Б.А. Штейфон, российской эмиграции удалось создать такую военную прессу, какой не имеют и многие государства. Действительно, несмотря на бедную полиграфическую базу и трудности с распространением, издания военной эмиграции сумели привлечь серьезное внимание читательской аудитории. Они были разнообразны по содержанию, включали интересные материалы общественно-политического и военнанаучного характера, обзоры экономического, политико-административного и военного развития СССР, хроники международных событий и жизни российского зарубежья. Воинские общества и союзы на свои средства издавали и распространяли, нередко безвозмездно, свою печатную продукцию. Так, при «Обществе русских офицеров-артиллеристов в Югославии» действовал специальный просветительный отдел, который печатал и рассылал всем платящим членские взносы информационный листок, а затем и «Артиллерийский вестник»⁷. Именно в рамках военной диаспоры были осуществлены крупные издательские проекты российского зарубежья – «Белый архив», летопись «Белое дело» и ряд других публикаций архивных документов и воспоминаний участников вооруженной борьбы с большевизмом в России. Военная пресса российского зарубежья значительное внимание уделяла теме военной истории, прежде всего событиям Первой мировой и Гражданской войн в России. Например, 15 ноября 1927 г. в Лионе «Общество галлиполийцев» выпустило «Вестник Общества взаимопомощи галлиполийцев в Лионе» при участии генералов А.И. Деникина и Н.П. Лугова, писателей А.И. Куприна, И.С. Лукаша, Б.А. Суворина и др., посвященный годовщине основания Добровольческой армии и «Общества галлиполийцев» в Лионе, а также высадке белых войск в Галлиполи. В июле 1939 г. в Париже вышел специальный сдвоенный номер (№ 136, 137) военно-научной и литературной газеты «Русский инвалид» (1924–1929, 1930–1940, 1960–1979), посвященный

5. ГАРФ. Ф.Р-5850. Оп. 1. Д. 12. Л. 140.

6. Там же. – Д. 2. Л. 10.

7. ГАРФ. Ф.Р-6798. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

25-летию вступления России в Первую мировую войну. Военные историки и мемуаристы российского зарубежья стремились с наибольшей точностью изложить ход событий, в которых они принимали участие. Так, генерал А.И. Деникин при подготовке своих воспоминаний широко использовал документы и материалы военного командования, которые были вывезены из Крыма в 1920 г. вместе с архивами командования Добровольческой армии.

Военные издательства использовали свои возможности для привлечения широких масс эмиграции к делу создания воинских мемориалов и храмов-памятников. Так, редакция «Часового» в 1931 г. довела до сведения своих читателей, что ею переведена «Комитету по сооружению Храма-памятника русской эскадре в Бизерте» определенная сумма средств, собранная «Часовым» для увековечения памяти доблестных русских кораблей и призвала их по мере сил участвовать в сборе пожертвований.

Вклад в сохранение исторического наследия сделали журналы, издававшиеся объединениями военных моряков, – «Вахтенный журнал» (Сан-Франциско, 1934–1938), «Морской сборник» (Бизерта; Тунис, 1921–1924), «Морской журнал» (Прага, 1928–1942), а также литературная серия «Морская зарубежная библиотека» (Прага). Эти издания, на страницах которых помещалось большое количество исторических очерков, воспоминаний, художественных произведений, получили популярность не только в военно-морской среде, но и у широкого читателя.

В целом можно сделать вывод, что издательская деятельность русской эмиграции первой волны в неблагоприятных экономических и финансовых условиях не только обеспечила русскую диаспору книгой и периодикой, но и сохранила и развила традиции русского дореволюционного книжного дела, выстроив мост, связывающий культуру русского зарубежья с культурой страны пребывания и обеспечивающий взаимосвязь культур на мировом уровне.

Серьезный стимул деятельность российской диаспоры получила в 1940–1950-е годы, когда творческое наследие навсегда утраченного мира довоенной зарубежной России и материалы о судьбах ее героев (белых генералов, политиков, писателей и поэтов) нашли свое отражение в русской зарубежной печати. Одновременно российская зарубежная пресса и литература в целом осваивали новое для себя огромное идейно-информационное пространство, связанное с историей Второй мировой войны, участием в ней эмиграции, драмой зарубежного казачества, власовским движением, сталинскими репрессиями в СССР и другими проблемами общественно-политической и повседневной жизни советского общества, с которыми впервые после исхода из России в начале 1920-х годов непосредственно соприкоснулось российское зарубежье [1]. В 1950–1970-е годы происходит включение второй волны эмиграции в историко-культурный процесс. Уже в лагерях «ди-пи» кустар-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ным и полукустарным способом издавалось около 500 различных газет, листов, журналов [20, с. 303]. В этот период формируются новые центры литературно-издательской деятельности российского зарубежья в Северной и Южной Америке и Австралии. Так, в Аргентине «дипищцы» стали публиковаться в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес, 1948 – наст. вр.), в Бразилии они основали журнал «Владимирский вестник» (Сан-Паулу, 1950–1968). Авторы второй волны способствовали превращению русскоязычной австралийской газеты «Единение» (Мельбурн, 1950–1968; Сидней; Гленфилд, 1969 – наст. вр.) в одно из крупнейших в зарубежной России издание [20, с. 304]. Позднее литературные произведения и воспоминания о второй волне продолжали публиковаться в русской зарубежной печати. Например, в «Записках Русской Академической группы в США» за 1996–1997 гг. вышла в свет работа О.П. Шидловского и Р.В. Полчанинова «УНРРА Университет», посвященная истории создания и деятельности Мюнхенского Университета УНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – организации, созданной в 1943 г. по американской инициативе для работы с «ди-пи»).

Результатом творческого сотрудничества эмиграции первой и второй волны стало создание «Издательства имени А.П. Чехова», которое действовало с 1952 по 1956 г. в Нью-Йорке. Всего им было выпущено 178 книг 129 авторов, включая произведения М.А. Алданова, И.А. Бунина, А.М. Ремизова, В.В. Набокова, Б.К. Зайцева, В.М. Маклакова, Ф.А. Степуна, И.П. Елагина, роман Л.Д. Ржевского «Между двух звезд», сборник произведений группы «Перевал», воспоминания Р.В. Иванова-Разумника и Б.Н. Ширяева. В 1970-х годах под маркой этого издательства его новым владельцем были изданы произведения А.Д. Сахарова, Л.К. Чуковской, Н.Я. Мандельштам и др.

В послевоенные десятилетия властями дум эмигрантской интеллигенции были «Новый журнал» в Нью-Йорке, «Русская мысль» в Париже, «Континент» в Мюнхене. О роли «Нового журнала» – непосредственного преемника «Современных записок» в историко-культурной деятельности российской эмиграции – следует сказать особо. По мнению его главного редактора Вадима Крейда, «он воспринимается как уникальная летопись творчества первой эмиграции. Новый журнал вошел в качестве особого феномена в историю русской культуры. И это случилось преимущественно благодаря творчеству первой эмиграции и благодаря традициям, ею заложенным». Литературно-издательская деятельность российской эмиграции получила широкое отражение в мемуарной литературе зарубежья, в частности в автобиографической эпопее Романа Гуля «Я унес Россию», воспоминаниях Г.В. Адамовича, Дон-Аминадо, М.В. Вишняка и др. [20, с. 286].

В начале 1970-х годов, помимо российских издательств, где выходили в свет ежедневные газеты и еженедельники информационного и развлека-

тельного характера, в российском зарубежье существовало более десяти центров издания книг и литературно-публицистических журналов на русском языке, которые были ориентированы на интеллигенцию, деятелей культуры, просвещения, военное зарубежье. П.Е. Ковалевский в 1973 г. опубликовал список таких центров [16, с. 75]. Многие из них печатали не только произведения современных авторов, но и переиздавали классическую литературу, редкие книги, а также исторические исследования и мемуары.

На страницах русской зарубежной прессы, начиная с 1920-х годов и вплоть до настоящего времени, публикуется такой ценный историко-мемориальный материал, как некрологи участников Белого движения, ученых, деятелей культуры и просвещения. Во многом на основе этих публикаций в 1990–2000-е годы был подготовлен ряд фундаментальных справочных изданий и биографических словарей, отражающих судьбы российских эмигрантов.

Во второй половине XX в. издательство «YMCA-PRESS» не утратило своей активности в историко-культурном процессе. В 1925–1940 гг. и с 1944 г. в Париже оно выпустило сотни книг, сборников, альманахов в лучших традициях отечественной литературы дореволюционного и эмигрантского периодов. Заслугой «YMCA-PRESS» является, в частности, публикация в 1960–1970-е годы произведений А.И. Солженицына – «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо», «В круге первом» и др.

Публикация за границей произведений В.П. Аксенова, И.А. Бродского, И.Б. Ратушинской и других авторов, творчество которых в значительной степени определялось советской литературной традицией, позволило еще до того, как исчезли политические преграды между эмиграцией и метрополией, создать основу для единого литературно-интеллектуального поля России и российского зарубежья. Представители эмигрантской научной и творческой элиты видели в литературно-издательской деятельности реальную возможность передать свои идеи, свое наследие будущим поколениям и в России и за ее пределами. Г.П. Струве писал, что «зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы» [22, с. 22]. Это предсказание воплотилось в жизнь в конце 1980-х – 1990-е годы, когда в России был открыт свободный доступ к эмигрантским книгам и журналам, хранившимся в «спецхранах», и началось переиздание литературного наследия российской эмиграции. Именно «YMCA-PRESS» во главе с Н.А. Струве в буквальном смысле слова перенесла на российскую почву сохраненные за рубежом историко-культурные ценности в литературно-издательской сфере, став вдохновителем и организатором в России издательства «Русский путь», благодаря которому в начале 1990-х годов на Родину стало возвращаться литературное наследие эмиграции. В 1993 г. А.И. Солженицын в письме

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

к директору Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» В.А. Москвину писал: «С большим сочувствием и радостью я слежу за благородными усилиями “Русского пути” терпеливо основывать то в одной, то в другой точке России (вот уже сверх столиц – Тверь, Воронеж, Орел, Ставрополь) библиотеки той духовной и гражданской литературы, которая рождалась еще перед революцией и плодоносила в русской эмиграции, но три четверти века была недоступна русскому читателю, и даже преследовали за нее жестоко...»⁸. В российском зарубежном литературно-издательском пространстве в 1950–1980 гг. значительное место занимала религиозная тема, которой были посвящены такие издания, как «Вестник РСХД», «Логос», «Символ», «Православная жизнь», дневники и воспоминания представителей духовенства, в том числе «дипийцев». В конце XX в. по-прежнему пользовалась популярностью тематика, связанная с историей и культурой дореволюционного времени, а также эпохи послереволюционной эмиграции. Так, в издаваемом в США литературном ежегоднике «Побережье» (Филадельфия, 1992 – наст. вр.) печатались «подборки рассказов прозаиков старой эмиграции» В.С. Яновского, автора книги воспоминаний «Поля Елисейские», и Б.А. Филиппова, представленных новеллами из эмигрантской жизни. Была продолжена в зарубежье и традиция литературных юбилеев: например, № 28 «Записок Русской Академической группы в США» (Нью-Йорк, 1967 – наст. вр.) был посвящен 175-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского.

Таким образом, именно в литературе и журналистике российского зарубежья XX в. с наибольшей полнотой и мощью реализовался культурный потенциал российской эмиграции.

Литература

1. Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: Русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х годов. – М., СПб., 2014. – 376 с.
2. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008. – 468 с.
3. Березовая Л.Г. Культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // Новый исторический вестник. – 2001. – № 3.
4. Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Т. 2 // Русский мир в XX в.: В 6 т. – М., СПб., 2014. – 408 с.
5. Ван Чжицэн. История русской эмиграции в Шанхае. – М., 2008. – 576 с.
6. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. – М., 2004. – 189 с.
7. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Т. 1: Россия в Германии. – М., 2001. – 560 с.

⁸ Литературная газета. – 2006. – 18–24 октября.

8. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 2: Россия во Франции. – М., 2001. – 512 с.
9. Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М., 2008. – 494 с.
10. Ефременко В.В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 гг. Автореф. канд. дис. – М., 2008. – 42 с.
11. Журналистика русского зарубежья XIX–XX вв. / Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб., 2003. – 318 с.
12. Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире: 1918–1939 гг.: Справочник. – СПб., 1998. – 302 с.
13. Михеева Г.В., Шомракова И.А., Базанов П.Н., Полотовская И.Л. Издательское и библиографическое дело русского зарубежья (1918–1998 гг.): Учебное пособие. – СПб., 1999. – 134 с.
14. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / Сб. ст. под ред. П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоренского. София, 1921. Репринтное изд. – М., 1997. – 125 с.
15. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. – М., 2005. – 487 с.
16. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Париж, 1973. – 147 с.
17. Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1, 2. – М., 1994. – Кн. 1. – 520 с.; Кн. 2. – 519 с.
18. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940. Периодика и литературные центры. Т. 2. – М., 2000. – 640 с.
19. Муромцева Л.П. Книжные собрания российской послереволюционной эмиграции // Библиотека и история: Сб. материалов. – М., 2010. – 317 с.
20. Наука и культура русского зарубежья: Сб. научн. трудов СПбГАК. – СПб., 1997. – 309 с.
21. Попов А.Н. Русский Берлин. – М., 2010. – 404 с.
22. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Париж; М., 1997. – 448 с.
23. Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). – М., 2004. – 632 с.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Р.В. Романов, Г.М. Иванова

МУЗЕЙ ГУЛАГА

Романов Роман Владимирович – директор Музея ГУЛАГа.

**Иванова Галина Михайловна – доктор исторических наук,
замдиректора Музея по научной части.**

Государственный музей истории ГУЛАГа был основан в 2001 г. Антоном Владимировичем Антоновым-Овсеенко – известным историком, публицистом, общественным деятелем, в свое время прошедшим через сталинские лагеря как сын «врага народа». Экспозиция музея была открыта в 2004 г.

Музей истории ГУЛАГа по своей тематике, миссии, истории создания входит в категорию музеев памяти, в основе каждого из которых лежат трагические события, с трудом поддающиеся осмыслению. Начало таким музеям положили мемориальные комплексы, посвященные Второй мировой войне и Холокосту, затем стали появляться музеи памяти жертв диктаторских режимов в Аргентине, Чили, Камбодже, войны во Вьетнаме, аварии на Чернобыльской АЭС, террористические атаки торгового центра в Нью-Йорке и т.д.

История системы исправительно-трудовых лагерей, ставших в 1930–1950-е годы инструментом государственных репрессий в СССР, никогда ранее не была представлена в музейном пространстве как единый целостный феномен, поэтому Музей истории ГУЛАГа не имеет аналогов среди музеев России. Его собрание включает документы, письма, воспоминания бывших узников; коллекцию личных вещей, принадлежавших им и связанных с историей пребывания в заключении; коллекцию произведений искусства, созданных художниками, прошедшими ГУЛАГ, и современными авторами, предлагающими свое видение этой темы. Фонды музея регулярно пополняются новыми экспонатами – фотографиями, картинами, документами, предметами лагерного быта. В музей поступают материалы от частных лиц, родственников репрессированных, которые содержат как уникальные свидетельства

личного характера, так и собрание документов по истории отдельных лагерей. В настоящее время музей продолжает прием коллекции бывшего узника лагерей, основателя общества «Возвращение» – С.С. Виленского – крупнейшего архива России, посвященного теме сталинских репрессий и включающего официальные документы, рукописи, письма, рисунки, фотографии, аудио- и видеоматериалы, уникальные печатные издания, плакаты и книги. Важной частью экспозиции музея стала реконструкция некоторых деталей лагерной повседневности: фрагмента барака заключенных, карцера, вышки часового во внутреннем дворе.

Посещаемость Музея истории ГУЛАГа ежегодно увеличивается. Так, в 2014 г. в нем побывали 26 707 человек (в 2011 г. – 9900). Большой процент из них составляли иностранцы – уже имеющие, как правило, опыт посещения других музеев памяти и воспринимающие историю ГУЛАГа в контексте других катастроф XX столетия. Постоянно растущую численность посетителей представляют школьники, которым предлагаются циклы занятий, организованные совместно с Московским гуманитарным институтом им. Е.Р. Дашковой. Ребята знакомятся с основной экспозицией музея и слушают лекции, посвященные творчеству В. Шаламова, М. Цветаевой и О. Мандельштама. Для взрослых музей проводит также и уличные пешеходные экскурсии – «Москва эпохи репрессий. 1918–1950-е годы».

В 2012 г. решением Правительства Москвы Музею ГУЛАГа было предоставлено новое здание по адресу: 1-й Самотечный пер., д. 9, стр. 1. Это здание было построено еще в 1906 г., оно в 4 раза больше площади Музея, расположенного ранее на Петровке. Здесь достаточно места для полноценной научной и выставочной деятельности. Всего за два года старое, запущенное кирпичное строение было полностью реконструировано и переоборудовано в соответствии с требованиями, предъявляемыми сегодня к высокотехнологичным интерактивным музейным комплексам.

Главный фасад нового здания, выходящий на 1-й Самотечный переулок, оставлен в прежнем историческом облике, а фасад, обращенный на прилегающую территорию, облицован медью. С каждым годом он будет становиться темнее за счет ее свойства окисляться и покрываться патиной под воздействием осадков. Такое инновационное решение является уникальным не только для Москвы, но и для всей России.

На прилегающей к Музею территории планируется создание Сада Памяти – открытого общественного пространства для прогулок и некоторой психологической разгрузки, необходимой после погружения в такую тяжелую тему, как история ГУЛАГа. В Саду будут посажены деревья, кустарники, его наполнят камнями, привезенными из мест расположения бывших лагерей.

Для посетителей новый Музей истории ГУЛАГа открывается сначала сменными выставками, а затем и постоянной экспозицией, работа над

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

которой была основным направлением деятельности научного отдела музея в 2014 г. Цель будущей экспозиции – показать ГУЛАГ с его разрушительными последствиями для общества и человека, проследить политическую, экономическую и социальную связь ГУЛАГа с советской тоталитарной системой. Советская репрессивная система рассматривается в первую очередь сквозь призму конкретных человеческих судеб. Раскрывая историю ГУЛАГа как историю насилия и несправедливости, музей намерен руководствоваться в своей научной деятельности принципом: «Объективность без манипуляции прошлым».

Территориальные рамки экспозиционного материала практически совпадают с территорией Советского Союза, поскольку подразделения ГУЛАГа были в каждой области РСФСР и во всех союзных республиках. Хронологические рамки экспозиции включают весь период советской истории, т.е. с начала революции 1917 г. и до начала 1990-х годов.

Тематическая структура экспозиции включает девять основных разделов, каждый из которых представлен несколькими блоками. Предварять ее будет интерактивная карта лагерей и депортаций, а завершать – справочно-информационная зона с мультимедийным оборудованием, задача которой – знакомство посетителей с большим объемом материалов, не вошедших в основную экспозицию. Здесь же будет организован доступ посетителей к электронным ресурсам, созданным другими организациями, работающими в этом направлении.

В экспозиционном пространстве музея предполагается оформить два «уголка». Первый – «уголок чтения», в нем будет представлен «литературный ГУЛАГ», где посетитель получит возможность ознакомиться с произведениями писателей, познавших ГУЛАГ на собственном опыте. Второй – «музыкальный уголок», в нем можно будет послушать произведения репрессированных композиторов. В отдельных небольших помещениях, примыкающих к основному залу, предполагается оформить реконструкции пространств, связанных с пребыванием человека в следственной тюрьме и лагере.

В экспозиции будут также представлены современные фото- и видеопанорамы местности ныне исчезающих объектов ГУЛАГа, которые создаются в результате научно-исследовательских экспедиций сотрудников музея в места расположения бывших лагерей. В результате их усилий коллекции музея пополняются предметами лагерного быта и формируется архив видеointервью с узниками лагерей и их родственниками. Глобальный проект «Мой ГУЛАГ» по созданию базы видеointервью позволяет проследить влияние репрессивной политики государства на формирование исторической памяти на основе семейной памяти или преднамеренного ее искажения и замалчивания. Полученные данные могут использоваться для сравнительного анализа, интерпре-

тации и оценки отношения к событиям прошлого в зависимости от возраста, образования, социального статуса, политических взглядов и семейной истории респондентов. Большинство из них – это пожилые люди, пережившие серьезный травматический опыт. Интерес к их личным биографиям помогает зачастую оценить свою трагическую судьбу как важный и востребованный опыт.

Помимо съемочной группы проекта «Мой ГУЛАГ» с пострадавшими пожилыми людьми общаются волонтеры Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа, начавшего свою работу в 2014 г. Волонтеры помогают подопечным по дому, сопровождают в медицинские учреждения, оказывают социальную поддержку, поздравляют с праздниками. Так, недавно они побывали в гостях у бывшего советского политзаключенного, одного из респондентов проекта «Мой ГУЛАГ» – Юрия Львовича Фидельгольца. В течение трех часов он рассказывал о прошлом, читал свои стихи, отвечал на вопросы молодых людей.

Волонтеры работают также с документами из музейных фондов, помогают в организации музейных мероприятий и городских проектов, переводят материалы на иностранные языки, расшифровывают аудиозаписи интервью. За год работы Центра в его ряды записались более 100 волонтеров; Центр оказывает помощь 65 подопечным. В 2014 г. практику в нем прошли студенты образовательной программы «Культурология» философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В их обязанности, кроме работы с документами, входила расшифровка видео- и аудиозаписей, помощь в анализе автобиографий и мемуаров заключенных для последующей каталогизации книг в музейной библиотеке. Помощь библиотеке Музея – одна из самых актуальных и востребованных задач для волонтеров, так как в 2014 г. ее фонды увеличились вдвое. В библиотеку поступила коллекция книг из архива А.В. Антонова-Овсеенко и библиотека ликвидированной Московской школы прав человека. Библиотечная коллекция пополняется также и редкими экземплярами книг. Так, в 2014 г. поступил сборник статей под общей редакцией А.Я. Вышинского «От тюрем к воспитательным учреждениям» (1934), а также множество редких агитационных и политических изданий 1920–1930-х годов, воспоминания и автобиографии, выходящие в свет маленькими тиражами благодаря усилиям самих репрессированных. В данное время библиотека проходит научную обработку и в будущем должна быть открыта и для исследователей темы репрессий, и для всех желающих. Приобрести книги по теме ГУЛАГ и сталинских репрессий можно уже сейчас в книжной лавке Музея. В ассортименте представлены как наиболее популярные тематические издания, так и редкие книги, отсутствующие в книжных магазинах страны, например коллекционное издание Евфросинии Керсновской «Правда как свет». Иллюстрированные воспоминания о 40–50-х [М., 2014], книга Марлена Кораллова «Антиконтра. История “сталинского” зэка», презентация которой

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

состоялась в Музее в 2014 г. В лавке продаются также и тематические телевизионные фильмы, выпущенные Музеем совместно с Арт Нуво Студией. В их числе: «Письма матери». Кинокартина посвящена жизни и воспоминаниям обыкновенного советского мужчины, геолога по профессии, Руслана Ильича Волкова. На примере его судьбы зритель видит, как репрессивная система ГУЛАГа и политические преследования ломают целые семьи. Именно так и произошло с семьей Руслана Волкова – герой фильма «помнит арест отца, потом и матери, помнит внезапно свалившееся ощущение необратимости потери».

Ролик «Вадим Туманов. Нокаут» рассказывает об одной из самых интересных и уникальных личностей советской истории XX в. Вадим Иванович Туманов обладал поразительным упорством, неукротимой силой духа и сопротивлением несправедливостям судьбы. Именно поэтому, будучи осужденным на восемь лет, по его словам, «за любовь к Сергею Есенину», он тут же попытался бежать из лагеря. В итоге после восьми попыток побега его срок вырос до 25 лет. Однако самое удивительное для зрителя – это то, что после освобождения в 1953 г. Вадим Иванович становится на путь предпринимательства (что уже само по себе поражало в советскую эпоху), организует крупные артели по добыче золота от Урала до побережья Охотского моря, многие из которых действуют и по сей день.

Помимо презентаций книг и фильмов в Музее истории ГУЛАГа проводятся концерты, спектакли, кинопоказы, лекции, вечера памяти, творческие встречи и другие культурные мероприятия, предлагающие посетителям образное осмысление истории сталинских репрессий. Так, большой интерес вызвала лекция Олега Будницкого «Протестные настроения 1941–1942 годов и сталинская юстиция». С напряженным вниманием посетители прослушали и лекцию о ленинградской блокаде, где были представлены неизвестные ранее материалы. Музей ежегодно принимает участие в городских акциях «Ночь в музее» и «Ночь искусств».

В 2014 г. Музей организовал 15 выставок, из них девять – в его стенах и шесть – за его пределами. Наиболее крупные из них – это выставка «Репрессированный буддизм», посвященная основам буддийской религии и ее отношениям с советской властью; выставка «Между мирами. Вадим Сидур и его творчество», посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося российского скульптора Вадима Сидура; фотовыставка «Испытание. 70 лет спустя», показывающая портреты ингушей, переживших депортацию, а также выставочный проект «То, что храню», рассказывающий о судьбах людей, прошедших ГУЛАГ, и детей жертв репрессий 30–50-х годов.

К новогодним каникулам Музей подготовил выставку «Рождество в ГУЛАГе», рассказывающую о том, как заключенные советских лагерей пытались тайком отметить запретные для них Рождество и Новый год, создать

праздник друг для друга и сохранить светлые воспоминания о нем. На выставке были представлены открытки, отправленные заключенными родным и друзьям, поздравительные записки, фотографии, рукодельные и фабричные елочные украшения, видеointервью с воспоминаниями о праздновании Нового года и Рождества в 30–50-х годах.

Особого внимания заслуживает уличная выставка «Расстрельный дом», организованная на пешеходной зоне улицы Никольской. Выставка была приурочена к 30 октября – Дню памяти жертв политических репрессий – и проводилась у здания бывшей Военной коллегии Верховного суда СССР на Никольской, 23. В годы Большого террора по приговорам Военной коллегии были расстреляны 31 456 человек, за что в народе это здание называют «Расстрельным домом». На выставке были представлены фотографии из следственных дел 30 человек – это люди разных национальностей, профессий и социального происхождения, среди них были как известные деятели культуры и руководящие работники партии, так и простые рабочие и студенты – все они были расстреляны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР и впоследствии реабилитированы. Выставка вызвала большой интерес у общества и СМИ, многие люди в знак памяти приносили к портретам репрессированных цветы и свечи. Как считают многие общественные и политические деятели, деятели культуры и искусства, в этом здании должен быть создан музей памяти жертв политических репрессий. В 2012 г. «Расстрельный дом» был включен в проект единой музейно-мемориальной инфраструктуры Москвы, программа создания которой была разработана Музеем ГУЛАГа совместно с Департаментом культуры города Москвы. В единую музейно-мемориальную инфраструктуру предлагается объединить Музей истории ГУЛАГа, здание Военной коллегии Верховного Суда СССР, бывший спецобъект НКВД «Коммунарка», а также памятник «Соловецкий камень» на Лубянской площади и прилегающий к нему сквер.

В данное время Музей разрабатывает концепцию развития вышеперечисленных мест. С 2013 г. он проводит субботники на территории бывшего спецобъекта НКВД, расстрельного полигона «Коммунарка», где с сентября 1941 г. производились массовые захоронения расстрелянных в Москве. По сведениям, полученным из архивов ФСБ, на сегодняшний день известны имена около 6,5 тыс. человек, расстрелянных в «Коммунарке», но очевидно, что людей, захороненных там, намного больше. Сейчас на месте бывшего расстрельного полигона находится лес, территорию которого расчищают участники субботников – это необходимо для дальнейшего исследования и обозначения мест и границ захоронений, а затем и создания на этом месте мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий.

Подводя итоги, можно сказать, что в последнее время Музей истории ГУЛАГа находится в стадии превращения из небольшого городского музея

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

в крупный научно-просветительский центр, инициирующий и курирующий просветительские проекты, направленные на сохранение памяти, глубокое и неравнодушное осмысление истории ГУЛАГа, осознание ответственности за прошлое и восстановление справедливости. Мы надеемся, что интерес нашего общества к своей истории будет расти, появится и готовность отдать дань памяти невинно пострадавшим, принять на себя груз исторической ответственности, сделать выводы о недопущении подобного в будущем.

М.А. Коробейников

**ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ:
250 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ**

Коробейников Михаил Антонович – вице-президент
Вольного экономического общества России,
доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Вольному экономическому обществу России (ВЭО России) исполнится в октябре 2015 г. 250 лет. В истории нашего государства, да и в мире, едва ли можно найти такую общественную организацию, которая бы на протяжении двух с половиной веков сохраняла идеалы, сформулированные еще в первом уставе. Эти идеалы – служение Отечеству, ориентация на научно-технические достижения и передовой прогрессивный опыт, независимость от чиновничьих структур, что и выразилось в самом названии «вольное».

Юбилей – повод и для анализа, и для выводов. Особый интерес представляет исследование роли ВЭО в процессе российских реформ. ВЭО России принадлежит к тем редким для России структурам, которые на протяжении двух с половиной веков занимались становлением, развитием и совершенствованием планов научно-технического прогресса страны, с одной стороны, всегда отвергая революции, считая основополагающим эволюционный путь развития, а с другой – активно выступая за реформы самого радикального характера, считая их главным инструментом социально-экономического развития страны.

Датой учреждения ВЭО России является 31 октября 1765 г. В этот день императрица Екатерина II подписала письмо в адрес группы, состоящей из 15 известных в России людей – графа Воронцова, князя Григория Орлова, графа Чернышева, сенатора Олсуфьева и др., испрашивавших высочайшего дозволения учредить Общество «к поощрению земледелия и домостроительства», которое, будучи независимым от чиновников, пользовалось бы особым покровительством трона. «Намерение, вами предпринятое ко исправлению земледелия и домостроительства, весьма Нам приятно, а труды, от него

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

происходящие, будут прямым доказательством вашего истинного усердия и любви к своему отечеству», – писала Екатерина II. Выразив полное согласие с программой и уставом организации, она утвердила и название – Вольное экономическое общество. А в знак благоволения разрешила использовать в символике Общества свой собственный девиз – «пчелы, в улей мед приносящие», с надписью: «полезное».

Идея учреждения такой организации принадлежала Михаилу Васильевичу Ломоносову – великому российскому ученому-энциклопедисту, всего несколько месяцев не дожившему до ее воплощения.

В деятельности ВЭО России, как и любого живого организма, были периоды не только бурного роста, но и длительного застоя, а то и перерывы.

Одно оставалось неизменным – стремление исследовать весь комплекс проблем, связанных с ведением хозяйства и экономики в целом, а в первую очередь способствовать к практическим делам просветительства в этой области.

Привилегированное положение Императорского Вольного экономического общества и пожалованные ему права подтверждались каждым из преемников Екатерины II, за исключением Павла I.

Институциональной основой деятельности ВЭО стал «Манифест о вольности дворянской», обнародованный 18 февраля 1762 г. Прежний порядок, установленный в 1736 г., обязывал дворян служить в продолжение 25 лет. Теперь они освобождались от этой повинности, могли вернуться в свои поместья и заняться наведением порядка в земледелии и домостроительстве, в социально-экономическом развитии сельской местности. Следуя такому подходу члены Общества участвовали в решении таких задач, как отмена крепостного права, становление статистических исследований, распространение новых сортов сельскохозяйственных культур, в том числе картофеля, развитие прикладной экономической мысли, организация сельскохозяйственных и промышленных выставок, снаряжение научных экспедиций и многих других.

Одной из первых крупных акций членов Общества стала пропаганда возделывания в России картофеля. По повелению Екатерины II, посылки с этим новым и неизвестным в нашей стране корнеплодом, а также печатные наставления о способах его разведения и употребления были отправлены губернаторам. Клубни, известные в 1765 г. лишь некоторым помещикам и выращиваемые в огородах, благодаря инициативе и настойчивости Вольного экономического общества постепенно завоевывали плантации европейской части России, а затем Сибири и даже Якутии.

Очень важно, что с первых же шагов ВЭО было ориентировано не просто на реформы, а на самые радикальные реформы. Подтверждением этого служит один из первых конкурсов, проведенных по вопросу: «В чем состоит

собственность землевладельца – в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости и какое он право на то и другое для пользы общественной иметь может». Этот вопрос императрица Екатерина II поручила исследовать в рамках Общества.

Всем прогрессивным деятелям было ясно, что праву крестьянина на недвижимую собственность предшествует право его на свободу и что без предварительного решения второго вопроса нельзя решить и первый. На этот вызов раньше других, правда, негативно, отреагировал действительный статский советник А. Сумароков (он не был членом Общества): «Свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит», – с заметной раздражительностью писал советник. К чести членов Общества, письмо Сумарокова без обсуждения отправили в архив.

Победителем конкурса ВЭО единогласно признало труд с таким выводом: «Раб, сам в себе не властный, никогда не может иметь владения, как только мнимого, ибо собственность не может быть без вольности. Ясно, что прежде, нежели можно дать рабу какое имение, надлежит необходимо сделать его свободным». Поэтому важнейшей подготовительной мерой должно быть стать народное образование и обещание через известный срок дать крестьянину волю и землю. Признав работу блестящей и присудив автору объявленные 100 червонцев и золотую медаль, организаторы конкурса не могли прийти к согласию о публикации труда. И только через четыре месяца постоянных споров решили поднести перевод сочинения вместе с оригиналом государыне и ожидать от Ее Величества соизволения: печатать его так, как оно написано, или с изменениями.

Вместе с тем вклад ВЭО в подготовку решения главной проблемы России – отмены крепостного права – оказался незначительным. Меры по вариантам реформы разрабатывались в аппаратах императоров, по существу, втайне от ВЭО (что, к сожалению, имеет место и в нынешних условиях).

Подводя итоги начального периода деятельности ВЭО, можно сделать три главных вывода¹:

- оно внесло значительный вклад в повышение эффективности экономического развития России и нашло свою «нишу», свое достойное место в этом развитии;
- сформировав свою позицию в главном вопросе экономического развития России – в отмене крепостничества, ВЭО не пошло на открытый диалог с властью;

1. Г.Х. Попов, В.Н. Красильников. Вольное экономическое общество и социально-экономические реформы России. Труды ВЭО России. Т. 100. – М., 2008. – С. 8–26.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

– его отход от решения главной проблемы и фактическая передача всех инициатив в руки бюрократии отрицательно сказались на развитии России в течение всех последующих лет.

И тем не менее успех всех инициатив и начинаний Общества значителен и во многом объясняется тем, что в нем работали выдающиеся ученые и общественные деятели страны дореволюционной эпохи – А.М. Бутлеров, Н.В. Верещагин, Г.Д. Державин, В.В. Докучаев, В.Г. Короленко, И.Ф. Крузенштерн, Д.И. Менделеев, А.А. Нартов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.С. Строганов, Л.Н. Толстой и многие другие. В начале XX в. в рядах Общества насчитывалось более 500 действительных членов, имелись корреспонденты в зарубежных странах.

В конце XIX в. период бурного расцвета Общества сменился временем нарастающего упадка, чему способствовали либеральные настроения части его членов, вызвавшие недовольство властей. В 1895 г. от ВЭО был оторгнут «неблагонадежный» Комитет грамотности, в 1898 – закрыт Комитет помощи голодающим, запрещены некоторые издания, изъяты протоколы заседаний. С 1900 г. Обществу не разрешалось проводить публичные заседания, его работа оказалась под контролем Министерства земледелия и государственных имуществ.

Фактически деятельность ВЭО была свернута, и лишь Манифест 1905 г. позволил Обществу восстановить свои программы в полном объеме. Но этот вздох облегчения продолжался недолго. В 1915 г. во время одного из заседаний работа ВЭО была внезапно прервана, а затем и запрещена.

После февральской революции 1917 г. деятельность ВЭО вновь активизировалась, при нем даже создали Петроградское отделение Лиги аграрных реформ. Однако после Октябрьской революции Обществу с «вольными» принципами вообще не оказалось места в государственной и общественной жизни. Полное прекращение субсидий и политические преследования лишь ускорили его распад. И только в 1982 г., когда было создано Научно-экономическое общество, традиции российских экономистов стали возрождаться.

Инициатива восстановления общественного союза экономистов принадлежала группе российских ученых, ядром которой были ведущие ученые экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – академик Т.С. Хачатуров, профессора Г.Х. Попов и А.Д. Шеремет. Они смогли доказать властям необходимость объединения ученых-экономистов и специалистов-практиков в единую общественную организацию с отделениями во всех регионах страны. В 1987 г. НЭО преобразовалось во Всесоюзное экономическое общество, а в 1992 г. возвратило свое историческое название.

Вольное экономическое общество России сегодня – это союз экономистов, объединяющий более 11 тыс. организаций, около 300 тыс. ученых

и специалистов из всех регионов страны. Являясь коллективным членом Международного союза экономистов, ВЭО России участвует в работе, которая направлена на содействие экономическому и социальному прогрессу мирового сообщества и в первую очередь – вхождению нашей страны в мировую экономику.

Эффективной формой объединения интеллектуального потенциала в рамках ВЭО России стали круглые столы, регулярно (ежегодно не менее шести) проходящие в Доме экономиста. На эти встречи собираются ученые, эксперты, бизнесмены, молодые экономисты, государственные и общественные деятели с целью попытаться совместными усилиями найти решение ключевых задач социально-экономического развития России.

ВЭО России ведет активную работу по подготовке нового поколения экономистов. Школьники, студенты и аспиранты имеют возможность подать свои научные работы на проводимый Обществом конкурс молодых экономистов. Он весьма популярен и в Москве, и в регионах: на рассмотрение жюри поступает до нескольких тысяч работ. Победители конкурса получают не только существенные денежные награды, но и возможность опубликовать свои сочинения в отдельном томе «Трудов Вольного экономического общества», поступить без экзаменов в ведущие экономические вузы страны. При ВЭО образована и активно работает Ассоциация молодых экономистов.

Большой популярностью пользуется и другой Всероссийский конкурс ВЭО – «Менеджер года» на звание абсолютного победителя и победителей более чем в 30 номинациях. Лучшего менеджера выбирает жюри, в которое входят крупнейшие ученые, руководители министерств и ведомств.

ВЭО, как и дореволюционное Императорское общество, ведет активную издательскую деятельность. С 1994 г. возобновлен выпуск «Трудов» Общества. Суммарный ежегодный тираж научных трудов, журналов, газет, выпускаемых Вольным экономическим обществом и Международным Союзом экономистов, составляет более 11 млн экземпляров печатной продукции. Читателям хорошо известен бюллетень ECONOM, который ВЭО начало выпускать с 2001 г. на русском и английском языках совместно с Международным Союзом экономистов и Международной Академией менеджмента.

Сегодня Россия, как и мировое сообщество в целом, переживают не простое время. Известно, что прорыв в будущее определяет не власть, а коллективный разум, который только и способен найти выход из сложных и критических ситуаций.

В Вольном экономическом обществе России во все времена существовали разные мировоззрения. Однако главенствующим было нечто общее – оно всегда было независимым. Общество объединяло интеллектуалов, в большей части беспартийных, но в то же время до мозга костей государственников. Именно поэтому ВЭО России настойчиво работает над формированием

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

в нашей стране гражданского общества. Старая традиция ВЭО быть одновременно «императорским» и «вольным» позволяет ему довольно объективно и критично оценивать современные российские преобразования, вносить важные предложения, в том числе и расходящиеся с официально принятой экономической политикой государства. ВЭО России очень ценит, что большинство руководителей Российского государства, как в прошлом и императоры России, с пониманием и одобрением относятся к такой позиции Общества.

ВЭО может и должно сотрудничать с Российским государством в делах реформирования российской экономики. Но оно не должно отождествлять себя ни с государством в целом, ни тем более с той или иной ветвью государственной власти. Поэтому оно с благодарностью принимает помощь от государства (к сожалению, оказываемую весьма редко), но не связывает себя жесткими обязательствами. Такая организация, как Вольное экономическое общество, объединяющая экономистов и представляющая всем возможность для открытой, демократической дискуссии, неизбежно должна дистанцироваться от политических партий, а тем более от политической борьбы, особенно текущей.

Можно вспомнить, что во время учредительного съезда ВЭО России раздавались голоса, призывающие на его основе создать политическую партию. Ведь Общество насчитывало сотни тысяч членов, было структурировано на всех уровнях – от первичных организаций на предприятиях, в городах и районах до регионов и федерального Центра. Нужно было только изменить программу, устав – и политическая партия готова. Можно было бы участвовать в выборах, выдвигать кандидатов в министры. Но ВЭО во имя сохранения исторических традиций, ее существенной первоосновы, определяемое словом «вольное», не пошло по этому пути.

При учете этих главных принципов – работать вместе с государством и оставаться «вольным» от него, объединить всех экономистов, оставаться вне политической борьбы – Вольное экономическое общество России и впредь будет необходимой, полезной и важной частью нарождающегося российского гражданского общества.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ. (Реферативный обзор)

1. Global economic prospects: Shifting priorities, building for the future // World bank. – 2014. – June, Vol. 9. – 144 p.

2. Getting the world economy into higher gear: Advance G-20 release // OECD economic outlook. – 6 November 2014. – 12 p.

3. Legacies, clouds, uncertainties // World economic outlook / IMF. – October 2014. – 222 p.

4. БУТРИН Д. Прогнозы накрывает декабрьской волной // Коммерсантъ. – М., 2014. – 24.12. – № 234. – С. 1.

По оценкам экспертов международных организаций, в течение ближайших двух лет (2015–2016) ожидается умеренный рост мировой экономики при неравномерности темпов роста в крупнейших экономиках мира. Следует иметь в виду, что в предыдущие три года прогнозы роста мировой экономики неоднократно пересматривались в сторону снижения. По прогнозам ОЭСР, глобальный рост составит 3,7% в 2015 г. и 3,9% в 2016 г. [2, с. 2]. По прогнозам Всемирного банка (ВБ), этот показатель (по паритету покупательной

способности 2010 г.) будет равен соответственно 3,4 и 3,5% (см. табл.) [1, с. 3]. МВФ прогнозирует рост мирового ВВП в 2015 г. на уровне 3,8% [3, с. 45].

Подъем мировой экономики будет сопровождаться ростом мировой торговли. Так, по прогнозам ВБ, рост экспорта промышленно развитых стран (ПРС) в 2016 г. составит 4,9% против 2,2 в 2013 г., а импорта – 4,8 против 1,9% в 2013 г. Одновременно рост экспорта развивающихся стран (РС), составлявший в 2013 г. 3,7%, достигнет 6,6% в 2016 г., а их импорт увеличится на 6,6% против 4,5% в 2013 г. [1, с. 110]. В целом рост объема внешней торговли большинства стран будет синхронизирован с ростом их ВВП.

Импульс к ускорению экономического роста в мире будет исходить от ПРС, главным образом от США, Великобритании и стран зоны евро. Рост ВВП стран этой группы в 2015 и 2016 гг. ожидается на уровне 2,4 и 2,5% по расчетам ВБ и, соответственно, 2,6 и 2,5% по расчетам ОЭСР [1, с. 17; 2, с. 11]. В целом темпы роста экономики стран ОЭСР будут более низкими, чем в десятилетие, предшествующее глобальному финансово-экономическому кризису. Рост в ПРС будет сопровождаться гибкой (стимулирующей деловую активность) кредитно-денежной политикой. С одной стороны, оцениваемая весьма оптимистически (в связи с высокими курсами акций и низкой волатильностью) динамика финансовых

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

рынков окажет положительное влияние на рост. С другой стороны, в ПРС сохраняются проблемы, связанные с преодолением последствий мирового кризиса и устранением условий, ограничивающих потенциальный рост, в частности, высокого уровня задолженности государства, корпораций и домохозяйств.

В США, благодаря росту занятости, благоприятной ситуации на финансовом рынке и эффективной денежно-кредитной политике, а также снижению темпов бюджетной консолидации, наблюдается устойчивый рост частных инвестиций. Ожидается, что в 2015 г. ВВП США вырастет на 3,1%, а в 2016 г. на 3% [2, с. 2; 3, с. 48].

Таблица

**ТЕМПЫ РОСТА ВВП В 2014–2016 гг. (%)
(ПРОГНОЗ ВБ) [1, с. 4].**

	2014	2015	2016
Весь мир	2,8	3,4	3,5
Развитые страны	1,9	2,4	2,5
Еврозона	1,1	1,8	1,9
Япония	1,3	1,3	1,5
США	2,1	3,0	3,0
Развивающиеся страны	4,8	5,4	5,5
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	7,1	7,1	7,0
Европа и Центральная Азия	2,4	3,7	4,0
Латинская Америка и Карибский регион	1,9	2,9	3,5
Ближний Восток и Северная Африка	1,9	3,6	3,5
Южная Азия	5,3	5,9	6,3
Африка южнее Сахары	4,7	5,1	5,1

Рост экономики Японии сдерживается серьезными макроэкономическими и бюджетными проблемами, обусловленными высоким уровнем государственного долга. В 2014 г. рост ВВП замедлился до 0,9% против 1,5% в 2013 г. вследствие увеличения налога на потребление. В 2015 г. рост ВВП Японии прогнозируется на уровне 1,1%, в 2016 г. – на уровне 0,8%. При этом в японской экономике в этот период будут наблюдаться улучшение ситуации на рынке труда и рост экспорта при ослаблении йены – на смену дефляции придет инфляция в размере примерно 2% в год [2, с. 2, 4].

На рост экономики стран зоны евро положительно повлияют снижение темпов бюджетной консолидации, проведение стимулирующей денежно-кредитной политики, а также усиление стабильности финансового рынка, выражающееся, например, в низких спредах по суверенным облигациям и росте уверенности инвесторов. Сдерживающими факторами роста экономики европейских стран являются недостаточно высокий уровень внутреннего спроса, который все еще ниже потенциального, сохраняющийся высокий уровень безработицы и низкий, по сравнению с целевым,

уровень инфляции. В целом в зоне евро прогнозируются невысокие темпы экономического роста: 1,1–1,3% в 2015 г. и 1,7% в 2016 г. [3, с. 49; 2, с. 2].

Кроме того, рост будет неравномерными по странам зоны евро. Так, среди «старых» стран-членов более сильный рост будет в Германии и Испании, более слабый – в Италии и Франции. Среди «новых» стран-членов самый высокий рост ожидается в Польше и Венгрии. Так, в Польше в условиях роста инвестиций и сокращения безработицы в 2015 г. рост прогнозируется на уровне 3,3%. В целом рост экономики «новых» стран – членов ЕС в 2015 г. составит около 2,9% [3, с. 52].

Развивающиеся страны, которые на протяжении трех последних лет демонстрировали темпы роста менее 5%, должны превзойти этот уровень. По прогнозам ВВП развивающихся стран увеличится на 5,4% в 2015 г. и на 5,5% в 2016 г. [1, с. 17]. В целом эксперты подчеркивают, что потенциал роста этих стран снижается, и их рост будет плавным, так как эти страны практически полностью восстановились после мирового кризиса.

Экономика Китая сохранит высокие, но несколько замедляющиеся темпы роста. Эксперты ОЭСР прогнозируют рост китайской экономики на 7,1% в 2015 г. и на 6,9% в 2016 г., что ниже аналогичного показателя в 7,3% в 2014 г. [2, с. 2]. В 2013 г. в Китае начались экономические реформы, направленные на совершенствование системы распределения ресурсов и усиление

роли рыночных механизмов в экономике. В стране происходит смена парадигмы роста и движение в сторону развития сектора услуг как основы новой модели роста, способствующей созданию дополнительных рабочих мест. Одновременно в китайской экономике наблюдается замедление роста кредитования и, как следствие, сокращение инвестиций в инфраструктурные проекты, рост цен на недвижимость, сокращение продаж жилья и объемов строительства, что, в свою очередь, ухудшает ситуацию на рынке недвижимости и на связанном с ним рынке кредитного финансирования. В целом текущие процессы в экономике Китая свидетельствуют о том, что в ближайшем будущем китайская экономика будет расти более медленными темпами. В результате рост экономики стран Восточной Азии, где доминирующее положение занимает экономика Китая, слегка замедлится и составит к 2016 г. 7%.

Большинство стран Латинской Америки уже функционируют при предельной загрузке своих производственных мощностей. Однако ожидается рост ВВП в Аргентине, Бразилии и Мексике. Благодаря этим странам ожидается ускорение темпов роста ВВП региона с 1,9% в 2014 г. до 3,5% в 2016 г.

Эксперты прогнозируют, что темпы экономического роста в африканских странах южнее Сахары будут стабильно расти – с 4,7% в 2014 г. до 5,1% в 2016 г.

На Ближнем Востоке, в Северной Африке и Южной Азии темпы роста будут более значительными.

В Южной Азии локомотивом роста является Индия, где недавно были успешно осуществлены реформы в энергетике и инфраструктурной сфере, что стало важным стимулом экономического роста. Улучшение качества деловой среды, обусловленное мерами по дерегулированию экономики и борьбе с коррупцией, также придаст дополнительный импульс росту экономики Индии. В связи с этим, а также в результате роста объема инвестиций, ожидается увеличение темпов роста индийской экономики – с 5,4% в 2014 г. до 6,4 и 6,6% в 2015 и 2016 гг. соответственно [2, с. 2]. В Южной Азии рост составит 5,3% в 2014 г., 5,9% в 2015 г. и 6,3% в 2016 г. [1, с. 18].

Экономика стран Ближнего Востока начнет выходить из стагнации благодаря росту производства нефти в Ираке и Иране, а также частичному преодолению политических кризисов в Египте и Иордании. Темпы роста экономики стран региона составят 1,9%, 3,6 и 3,5% в 2014, 2015 и 2016 г. соответственно [1, с. 17].

Что касается экономики России, то в условиях снижения мировых цен на нефть, введения экономических санкций и падения курса рубля в ближайшие два года ВВП России будет сокращаться. Этому будет способствовать ослабление внутреннего спроса из-за снижения темпов роста реальной заработной платы, а также экономической и инвестиционной активности из-за запрета доступа к внешним заимствованиям и низкой цены на нефть. Согласно оптимистичному прогно-

зу Центрального банка и Министерства экономики РФ¹, в котором учитываются условия, сложившиеся в банковской сфере и сфере корпоративных финансов на конец ноября 2014 г., ожидается уменьшение ВВП РФ в 2015 г. на 4–5% в случае снижения нефтяных цен до 60 долл. за баррель, стагнация ВВП в 2016 г. (прирост менее 1%) и рост в 5,7% в 2017 г. По более пессимистичному прогнозу, представленному рейтинговым агентством «Moody's»², из-за трудностей, связанных с адаптацией экономики России к новым ценам на нефть, спад ВВП РФ составит в 2016 г. 3% [4, с. 1]. По расчетам МВФ ВВП России в 2015 г. сократится на 3%, а в 2016 г. – на 1%³.

О.Н. Пряжникова

1. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 г. и период 2016 и 2017 гг. / Центральный банк Российской Федерации. – М., 2014. – [http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015\(2016-2017\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015(2016-2017).pdf)

2. Moody's downgrades Gazprom's foreign currency rating to Baa2; negative outlook / Moody's investors service. – 23 Dec. 2014. – https://www.moody's.com/research/Moody's-downgrades-Gazproms-foreign-currency-rating-to-Baa2-negative-outlook--PR_315644

3. Перспективы развития мировой экономики // Бюлл. основных прогнозов МВФ. – 20.01.2015. – 6 с. – <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ftu/weo/2015/update/01/pdf/0115r.pdf>

**ЗАПАДНЫЕ АНАЛИТИКИ
О ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ.
(Реферативный обзор)**

1. A wounded economy. It is closer to crisis than the West or Vladimir Putin realize // The Economist. – 22.11.2014.

2. The Economist explains: What's gone wrong with Russia's economy // The Economist. – 16.12.2014.

3. MAULDIN W. Europeans face export losses as sanctions bite Russian ruble // The Wall Street Journal. – 19.12.2014.

В реферате представлены точки зрения экспертов из английского журнала «Economist» и американского издания «Wall Street journal» по поводу экономического кризиса в России.

Разразившийся в России в конце 2014 г. кризис не является неожиданностью, он обусловлен застарелыми болезнями российской экономики. События 2014 г. – падение нефтяных цен, украинский кризис и западные санкции – лишь ускорили вскрытие нарыва. Экономика России, базирующаяся на добыче нефти, существенно выросла в последние 10–12 лет за счет повышения цен на энергоносители. Однако за этот период

России не удалось диверсифицировать свою экономику, которая по-прежнему имеет сырьевую направленность и сильно зависит от экспорта энергоресурсов (нефтегазовые доходы обеспечивают половину доходов федерального бюджета и две трети экспортной выручки). Российская экономика коррумпирована в высокой степени; она характеризуется слабыми институтами и отсутствием реальных прав собственности. В решении проблемы коррупции не наблюдается сколько-нибудь заметного прогресса. При распределении нефтяных денег (через госбанки) между отдельными фирмами и проектами российские власти руководствуются в большей мере политическими предпочтениями, а не рыночными критериями, в соответствии с которыми капитал должен направляться наиболее эффективным предприятиям.

В этих условиях падение нефтяных цен (средняя цена упала с 110 долл. за баррель в первой половине 2014 г. до 50 долл. в канун нового 2015 г.) больно ударило по российской экономике и явилось одной из основных причин спада экономической активности. Другие составляющие (и одновременно причины) спада в стране – это падение курса рубля на 23% за период с сентября по ноябрь 2014 г. и западные санкции, способствовавшие в первую очередь ухудшению делового климата [1, с. 1].

Российские власти заявляют о способности экономики противостоять дальнейшему развитию

стагнации, несмотря на признаки ухудшения конъюнктуры. Они ожидают, что девальвация рубля повысит конкурентоспособность некоторых экспортных отраслей, в частности сельского хозяйства, и таким образом будет благоприятствовать стабилизации внешне-торгового баланса. Кроме того, Россия обладает золотовалютными резервами в размере 370 млрд долл. В целом, по расчетам российских официальных лиц, Россия может рассчитывать примерно на два года для маневров, чтобы сдержать наступление фазы кризиса в экономике.

В ноябре 2014 г. журнал «Economist» предупреждал, что кризис может случиться гораздо раньше, чем рассчитывают российские власти. Антикризисная защита в России слабее, чем это представляется на первый взгляд; в ближайшем будущем она может подвергнуться испытанию на прочность под воздействием таких факторов, как дальнейшее падение цен на нефть, бремя рефинансирования задолженности российских компаний, новые западные санкции. «Когда экономика той или иной страны неустойчива, международные финансы зачастую играют роль спускового крючка, которые подталкивают страну к крайней черте, причем более быстро, чем ожидают политики и инвесторы» [1, с. 1].

Ближайшая опасность исходит со стороны падения нефтяных цен. Надежды российского руководства на их восстановление безосновательны, прежде всего, в связи со

стремлением стран ОПЕК продолжать наращивать добычу нефти. Если глобальный спрос в ближайшем будущем сократится (например, в связи с вероятной рецессией в Японии), цены на нефть упадут еще сильнее. Это повлечет за собой снижение инвестиционного рейтинга России.

Другая серьезная проблема связана с выплатой долгов западным кредиторам. Внешняя задолженность российских фирм равна 500 млрд долл., из которых от 100 до 130 млрд должны быть выплачены до конца 2015 г. При этом возможности рефинансирования задолженности невелики, вследствие западных санкций против России, низкой кредитоспособности российских компаний и по иным причинам. Даже крупные госкомпании, такие как «Газпром» и «Роснефть», испытывают затруднения в связи с выплатой долгов. Так, российский нефтяной гигант «Роснефть», 70% капитала которого принадлежит государству (численность занятых – 160 тыс. человек), обратился к правительству с просьбой о финансовой помощи в размере 44 млрд долл. В декабре 2014 г. «Роснефть» получила от Центробанка облигационный заем на сумму 7 млрд руб. (компания слишком велика, чтобы позволить ей обанкротиться). «Данная сделка по своей сути является не чем иным, как печатанием денег, предназначенных для покупки долларов, т.е. мерой, способствующей дальнейшему ослаблению отечественной валюты» [2, с. 1].

Многие компании также стоят с протянутой рукой в очереди за помощью. Так или иначе, прямо или косвенно, долговые счета российских фирм будут оплачены правительством из единственно возможного источника – из государственных резервов, запас которых тает на глазах. Из 370 млрд долл. резервов 170 млрд находятся на счетах двух фондов благосостояния, один из которых предназначен только для выплаты пенсий. Золото и резервы инвалюты, которые находятся на счетах МВФ, не могут быть оттуда быстро изъяты. В реальности российское правительство располагает, очевидно, всего лишь 270 млрд долл. доступной наличности, которую оно может расходовать без масштабных бюджетных сокращений – это меньше суммы внешних обязательств, подлежащих погашению в течение ближайших двух лет [2, с. 2]. Госрезервы, возможно, помогут России выиграть немного времени. Однако такие события, как принятие «закона Ротенберга» (о компенсациях из госбюджета потерь бизнесменам-россиянам, попавшим под санкции Запада), интервенции Центробанка для поддержания курса рубля, грядущий дефицит текущего платежного баланса, крупный дефицит государственного бюджета (недостаток налоговых поступлений и поступлений от продажи нефти) и почти полное ограничение доступа к внешним рынкам капитала, могут способствовать исчерпанию госрезервов в течение короткого времени.

Западные санкции наносят ущерб экономике как России, так и европейских стран. Чем дольше они сохраняются, тем болезненнее их негативное воздействие. Многие европейские политические лидеры и экономисты выражают озабоченность относительно санкций, которые вызовут «чрезмерную дестабилизацию» экономики России, что отнюдь не на пользу Европе. Как заявил французский президент Ф. Олланд, «если Россия начнет делать ожидаемые от нее шаги, то у нас не будет причин для новых санкций, и мы сможем подумать, каким образом вступить в процесс деэскалации» [3, с. 1].

Экономические отношения между странами ЕС и Россией сворачиваются по следующим причинам: 1) из-за запрета со стороны Европы на поставку технологически передовой продукции; 2) сжатия российского рынка вследствие переживаемого страной кризиса; 3) удорожания российского импорта и его сокращения из-за падения курса рубля; 4) российских контрсанкций, затронувших в первую очередь сельскохозяйственную продукцию Европы и нанесших особенно заметный ущерб фермерам Италии, Польши и стран Балтии.

ЕС является крупнейшим торговым партнером России, и сокращение товарооборота невыгодно обоим партнерам. В наибольшей степени от этого пострадали страны Восточной Европы, у которых объемы экспорта в Россию относительно ВВП весьма значительны: у Словакии – 3,6%, Эстонии – 3,2,

Чешской Республики – 2,5, Венгрии – 2,3%. Меньшие убытки понесли Финляндия (объем экспорта в Россию 2,0% ВВП) и Болгария (1,3), а также Германия (1,0% ВВП). В среднем по странам ЕС экспорт в Россию составляет 0,7% ВВП [3, с. 1].

Однако, несмотря на негативные последствия санкций для европейской экономики, официальные лица и правительства стран Европы не выражают готовности их отменить, если Россия не предпримет решительных шагов по урегулированию украинского кризиса. Более того, со стороны отдельных западных лидеров продолжают раздаваться призывы к усилению санкций, например, в форме исключения российских банков из международной платежной системы SWIFT, а также в форме частичного блокирования экспорта нефти из России. Общий вывод западных аналитиков таков: в ближайшем будущем санкции, вероятно, будут продолжать действовать.

Прогнозы развития экономики России на краткосрочную перспективу. Как отмечают экономисты из западных изданий, по состоянию на конец 2014 – начало 2015 г. все основные экономические показатели свидетельствуют о развитии кризиса. Россия находится на пике валютного кризиса. В середине декабря 2014 г. курс рубля упал на 10%, а в целом за год он обесценился на 40%. Чтобы остановить утечку капитала из страны, дальнейшее падение курса рубля и рост инфляции, Центробанк резко по-

высил ключевую ставку процента – до 17% в конце 2014 г. Однако эта мера не имела принципиального значения и не улучшила состояние экономики и финансов. Инфляция, которая в конце 2014 г. находилась на уровне 10%, в течение 2015 г., согласно официальным российским прогнозам, должна ускориться. Центробанк предсказывает падение ВВП на 5% в 2015 г. [2]. Как считает «Economist», существует реальный риск, что российский валютный кризис перерастет в более масштабный банковский кризис. С большой вероятностью можно говорить о возможности изъятия вкладчиками средств из банков.

Датский инвестиционный банк «Saxo Bank» также предсказывает для российской экономики период бурь, которые могут привести к тому, что либо государственные компании, либо само правительство начнут объявлять дефолт. Это может быть частично обусловлено эскалацией конфликта между Россией и ЕС / США или ограничением доступа к зарубежному финансированию.

В этой связи снова встает вопрос о величине государственных резервов: сможет ли российское правительство найти достаточные ресурсы для преодоления угрозы суверенного банкротства или краха отдельных корпораций? Надежды на рост нефтяных цен не обоснованы. Правительство может наложить мораторий на выплаты по иностранным долгам, но этот шаг полностью уронил бы Россию в глазах инвесторов. Могут быть

сделаны попытки ввести контроль над движением капитала, но это чревато риском обратного эффекта – утечка капитала из страны может увеличиться. Как подчеркивает журнал «Economist», до тех пор, пока Россия не проявит твер-

дой готовности начать проведение реформ и пока она не достигнет заметного продвижения по пути урегулирования кризиса на Украине, «экономические бури в стране будут продолжаться» [2].

Е.Е. Луцкая

Руттих Т.

**АФГАНИСТАН ПОСЛЕ 34 ЛЕТ
ВОЙНЫ**

**RUTTIG TH. Einiges besser, nichts
wirklich gut. Afghanistan nach 34
Jahren Krieg – eine Bilanz // Welt
Trends. – Potsdam, 2014. – N 94,
Jan./Febr. – S. 27–39.**

Т. Руттих (содиректор и старший аналитик Afghanistan Analysts Network¹, Берлин / Кабул), давая оценку ситуации накануне вывода сил международной коалиции из Афганистана, отмечает, что США и их союзники лишь отчасти решили задачи, провозглашенные в начале войны 2001 г., и теперь оставляют страну, отягощенную грузом трудноразрешимых проблем.

Прежде всего, ISAF под командованием НАТО так и не удалось одержать полную победу над та-

либами. Несмотря на то что «Талибан» продолжает регулярно нести потери от атак беспилотников и в результате так называемых операций capture-or-kill, он по-прежнему сохраняет свою организационную структуру и способность рекрутировать новых бойцов. Присутствие талибов ощущается в каждом районе Афганистана. Утверждения Кабула о том, что под контролем «Талибан» находится лишь пять из 416 округов, не соответствуют реальному положению вещей. На самом деле зона влияния правительства, как правило, распространяется только на сам районный центр и небольшую сопредельную территорию. Талибы сумели выработать удачную тактику и в последнее время постоянно ее придерживаются. При появлении войск ISAF, они уходят, уклоняясь от серьезных боестолкновений. Но как только коалиционные силы покидают освобожденную территорию, отряды талибов туда немедленно возвращаются. Наиболее эффективно «Талибан» использует асимметричные методы ведения войны, такие как взрывы, теракты против представителей Кабульского правительства, а также точечные атаки на опорные пункты афганской армии и сил международного контингента. О том, что несмотря на присутствие иностранных войск ситуация в Афганистане неуклонно ухудшается, свидетельствуют данные о росте жертв среди гражданского населения. Так, за 11 месяцев 2013 г. погибли 2730 гражд-

1. AAN (Группа аналитиков по проблемам Афганистана) – независимая некоммерческая исследовательская структура, зарегистрированная в ФРГ (Берлин) и Афганистане (Кабул). Объединяет экспертов из разных стран, готовящих аналитические материалы по ситуации в Афганистане для политиков, журналистов, научных и практических работников. – Прим. реф.

данских лиц. Это на 10% больше, чем в предыдущем году. Большинство, а именно 4/5 от этого числа, стали жертвами нападений талибов [с. 28].

По условиям Боннского соглашения 2001 г., США вместе с союзниками брали на себя обязательства подготовить силы национальной безопасности (армию и полицию), чтобы после ухода из Афганистана передать им функции ISAF. Хотя к концу 2014 г. количественно эти силы удалось довести до 352 тыс. бойцов, уровень их эффективности вызывает серьезные сомнения. Для этого в условиях современного Афганистана есть достаточно причин: мотивация призванных на воинскую службу остается чрезвычайно низкой; при комплектовании подразделений не принимается во внимание этническая принадлежность; отсутствует логистика; в сфере материально-технического снабжения распространена коррупция; низок уровень боевой подготовки; вследствие дезертирства и иного рода потерь ежегодно приходится вновь набирать до 1/3 солдат и полицейских. Кроме того, и армия, и полиция пронизаны сетью неформальных связей, сформировавшихся в период гражданской войны. Этим объясняется тот факт, что бойцы часто склонны сохранять верность своим прежним группировкам, игнорируя при этом интересы центрального правительства.

Определенные надежды в плане обеспечения порядка на локальном уровне возлагались на полицию, появившуюся с недавних пор не-

посредственно на местах. По данным за июль 2013 г., в 115 округах при содействии коалиционных сил были организованы локальные подразделения общим количеством в 23 550 человек [с. 34]. Однако идея обеспечивать безопасность в сельских районах силами местной полиции, возникшая на почве недоверия руководства ISAF к работе полиции государственной, не только не увенчалась успехом, но вскоре породила новые проблемы. Согласно данным закрытого исследования, предназначенного для спецподразделений США, занимающихся подбором и подготовкой кадров, каждая пятая из уже действующих локальных структур связана с какой-либо из разновидностей тяжких преступлений: торговлей наркотиками, нелегальными поборами, грабежами, убийствами, изнасилованиями.

С уходом США и их союзников из Афганистана встает проблема, связанная с необходимостью искать средства на поддержание созданных национальных сил безопасности. Согласно подсчетам, на это ежегодно нужно тратить 4,1 млрд долл. До сих пор, однако, удалось заручиться обещаниями международных доноров выделить до конца 2017 г. 2,8 млрд долл. [с. 33].

Причиной большинства внутренних проблем Афганистана является политическая поляризация. В условиях слабости и бездеятельности государственных институтов реальной силой и влиянием в стране обладают местные нотабли и бывшие полевые командиры.

Именно они или их ставленники занимают ключевые позиции в правительстве, парламенте, органах правосудия, правоохранительных структурах и экономике. В немалой степени укреплению их позиций способствовало то, что средства, которые в конце 2001 г. по линии ЦРУ были выделены на борьбу с талибами, фактически пошли на развитие наркобизнеса и рекрутирование новых бойцов в военизированные группировки личного подчинения. Постепенно, используя доходы от наркоторговли, эти неформальные лидеры подчинили себе и ряд легальных секторов экономики. С таким потенциалом они сумели одержать победу на первых парламентских выборах 2005 г. и заключить альянс с президентом Карзаем. Так, например, один из наиболее влиятельных военачальников периода гражданской войны, Касим Фахим, занимал должность министра обороны, а затем первого вице-президента. Существенным образом позиции теневых властей укрепляет их прочный союз с мусульманским духовенством. Их влияние, в частности, чрезвычайно сильно в руководстве такого важного органа при президенте, каким является Высший совет улама Афганистана.

Помимо сугубо военных целей присутствия в Афганистане международного контингента, США и союзники ставили перед собой задачи по оказанию помощи в решении проблем развития и демократизации. Часть проектов так и остались на бумаге, но некоторые успехи, несмотря на противо-

действие со стороны талибов и консервативных кругов в самом правительстве, все-таки были достигнуты. В основном это касается развития инфраструктуры, социальных проектов, деятельности в сфере гуманитарных прав и свобод.

Согласно данным Мирового банка, экономика Афганистана, начиная с 2002 г. демонстрировала «заметный рост», составивший в среднем 9%. К 2013 г., однако, этот показатель снизился до 3,1%. Валовый социальный продукт (ВСП) на душу населения увеличился в 5 раз по сравнению с 2001 г. и составляет 591 долл. (Однако этот показатель остается чрезвычайно низким даже по сравнению с соседями, например с Пакистаном, где он равен 1201 долл.) Сложившаяся в Афганистане за годы пребывания там ISAF квази-олигархическая система привела к резкому расслоению населения. Согласно данным за 2011 г., показатель уровня бедности по классификации ООН для развивающихся стран относит Афганистан на 96-е место из 105. В соответствии с разработанным ООН Индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), в 2012 г. Афганистан оказался на 175-й позиции среди 186 государств [с. 35]. Около 7,4 млн граждан из 26-миллионного населения страдают от острой нехватки продуктов питания, а 8,5 млн приближаются к этому состоянию. Примерно 60% афганских детей не только не получают полноценного питания, но даже не имеют его в необходимом количе-

стве. Лишь 27% населения имеют доступ к чистой питьевой воде, и только 5% живут в условиях соблюдения санитарно-гигиенических норм [с. 36].

Весьма скромными оказались успехи, достигнутые в сфере образования. Иностранные инвестиции в данную область составили 1,9 млрд долл. Количество школ с 7650 (2004) увеличилось до 16 тыс. (2013). Однако согласно данным за 2011 г., 47% всех школ не имеют собственных зданий. Как правило, помещения, в которых располагаются школы, с точки зрения санитарно-гигиенического состояния, не соответствуют общепринятым стандартам. В 3/4 школ нет туалетов, а в 40% школ дети не могут получить чистую питьевую воду [с. 30]. Больше половины детей школьного возраста (68%) после окончания шестого класса вынуждены бросить обучение. Еще одной проблемой является острый дефицит преподавательских кадров. При этом число учителей постоянно сокращается. В 2011 г. на одного преподавателя приходилось в среднем 44 ученика, а в 2013 г. уже 64 ученика [с. 31]. Несмотря на то что университеты готовят соответствующих специалистов, выпускники стараются избежать работы в школе, предпочитая искать место в госучреждениях или в частном секторе.

Согласно данным ЮНЕСКО за 2010 г., Афганистан занимает одно из последних мест в мире в плане соблюдения равноправия полов. Несмотря на то что в результате вытеснения «Талибан», девочек

удалось вернуть в школы, для 82% девочек образование заканчивается на уровне шестого класса. При этом 22% не имеют возможности посещать занятия регулярно. В половине районов Афганистана не существует женских средних школ, а в 80% районов отсутствуют женские гимназии. По данным Мирового банка за 2012 г., 88% женщин старше 15 лет неграмотны. Среди студентов университетов девушки составляют лишь 12% [с. 30].

Причины столь скромных достижений становятся более или менее очевидными при изучении источников поступления средств и сферы их распределения. Хотя не все доноры известны и не все обязательства соблюдены, данные некоторых международных организаций позволяют восстановить общую картину. Так, по сведениям Международной кризисной группы, с 2001 по 2011 г. на цели развития Афганистану было выделено 57 млрд долл. Из них 29 млрд – пошли на создание вооруженных сил. Канадские эксперты по вопросам развития утверждают, что фактически на эти цели пошло 42 млрд долл. [с. 36].

Малая эффективность предоставленной помощи объясняется не только характерной для Афганистана высокой степенью коррупции, но также тем, что львиная доля помощи изначально является «милитаризированной». Если объединить все расходы на военные нужды, разрыв между военным и гражданским секторами становится особенно заметным. По данным

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

CSIS (Центр стратегических и международных исследований, США), с 2001 по 2013 г. «прямые военные расходы», включающие в себя «расходы на войну в Афганистане, восстановление и экономическую помощь» составили около 641,7 млрд долл. При этом на военные нужды (Министерству обороны) с 2001 по 2012 г. было выделено 416,2 млрд долл., а на гражданские нужды (по линии Госдепартамента и USAID, Агентства США по международному развитию) – 25,2 млрд долл. Соотношение расходов, таким образом, составляет 16:1. Что касается помощи со стороны Германии, то по официальным данным, пропорция между ассигнованиями на военные и гражданские нужды составляет 2,5:1. Однако Немецкий институт экономических исследований приводит иные данные. Согласно им,

соотношение военных и гражданских расходов – 9:1 [с. 37].

По подсчетам Мирового банка, то, что выделялось «на Афганистан», не обязательно вкладывалось «в Афганистан». Большая часть средств, предназначенных на оказание различных видов помощи, шла и идет на организационные цели и покрытие всевозможных издержек по оказанию помощи. «Лишь 38 центов из каждого доллара действительно вкладывается в местную экономику» [там же].

Само присутствие ISAF в Афганистане сопряжено с большим количеством проблем, однако вывод международного контингента из страны, раздираемой внутренними конфликтами, с разрушенной войной экономикой, со слабой государственной властью, представляется преждевременным.

Н.Б. Шувалова

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

О.Ю. Малинова. Великая Отечественная война как символический ресурс: Эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010 гг.

O.Yu. Malinova. The Great Patriotic War as a Symbolic Resource: The Evolution of the Official Political Rhetoric 2000–2010

Ключевые слова: Великая Отечественная война, политическое использование прошлого, коллективная память, официальная риторика, национальный нарратив, анализ фреймов.

Keywords: The Great Patriotic War, political uses of the past, collective memory, official rhetoric, national narrative, frame analysis.

На основе изучения риторики В.В. Путина и Д.А. Медведева в статье прослеживается изменение практики политического использования символа Великой Отечественной войны российской властью в 2000–2010-х годах. Путинский курс на частичную «реабилитацию» советского наследия как части «тысячелетней истории России» открывал более широкие возможности для использования символа Победы по сравнению с ельцинской формулой «заслуги нашего народа, но не советского строя». Великая Победа и превращение СССР в мировую сверхдержаву стали центральными элементами новой смысловой схемы отечественного прошлого. При этом символ Победы был «отделен» от трагической памяти о сталинском режиме.

The practice of political use of the symbol of the Great Patriotic War by the Russian officials in the 2000–2010s is analyzed on the examples of the rhetoric of presidents V. Putin and D. Medvedev. Putin's attempt to rehabilitate the Soviet past as a part of «the thousand year old Russian state» opened new opportunities for political use of the Great Victory symbol as compared to Yeltsin's formula «The victory of the people, but not of the Communist Party and the Soviet State». The Victory and the USSR's development into a world superpower became the central elements of the new narrative of the Russian history. As a result of this

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

transformation the symbol of the Victory was «divorced» from the tragic memory of Stalin's regime.

Р.С. Гринберг, А.В. Бузгалин. Старая модель развития исчерпана. Куда движется мир?

R.S. Grinberg, A.V. Buzgalin. The Old Development Model Has Exhausted Itself. Where Does the World Move?

Ключевые слова: мировая экономика, экономический рост, модель развития, капиталистическая экономика, мировые кризисы, Россия в XXI в., социально ориентированное развитие, БРИКС.

Keywords: world economy, economic growth, development model, capitalist economy, world crises, Russia in the 21st century, socially oriented development, BRICS.

Большое заблуждение думать, что социально ориентированное развитие могут позволить себе только богатые страны. Стратегия социально-ориентированного развития для разных типов экономик и обществ будет иметь разные формы реализации. Но если руководство страны с относительно небогатым населением использует факт бедности для оправдания недофинансирования образования, науки, здравоохранения и культуры, то это просто означает, что оно уклоняется от ответственности за здоровое цивилизованное будущее собственного социума.

It is a great delusion to believe that only rich countries can afford socially targeted development. Strategies of this development for different types of economies and societies will have different forms of their implementation. But of the leadership of a country with a relatively poor population exploits the fact of poverty to justify low financing of education, science, health care and culture, it simply means that it evades responsibility for the safe civilized future of its own socium.

А.Ф. Храмов. Россия в контексте теории и практики социального государства

A.F. Khramtsov. Russia in the Context of the Theory and Practice of the Social State

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., социальная политика, теория и практика социального государства, социальная защита, государственный патернализм.

Keywords: Russia in the early 21st century, social policy, theory and practice of social state, social protection, state paternalism.

Перспективы позитивного реформирования социальной сферы в России представляются крайне туманными вследствие заколдованного круга, в котором находится наша страна. С одной стороны, продвижение вперед немислимо без активного и позитивного государственного участия, как в Западной Европе. С другой стороны, в текущих условиях государство в России само выступает разрушителем социальной сферы. И только выход из названного заколдованного круга позволит создать необходимые предпосылки для формирования первичных условий для становления социального государства в нашей стране.

The prospects of positive reforms in Russia's social sphere appear extremely vague because of the vicious circle: on the one hand, movement forward is unthinkable without active and positive state participation as in Western Europe; but on the other hand, in the current Russian conditions the state itself stands out as a destroyer of the social sphere. Only coming out from this vicious circle will allow to create necessary prerequisites for preliminary conditions to initiate the social state in our country.

Л.В. Вардомский, А.Г. Пылин. География внешнеторговых связей государств общего соседства ЕС и России в 2000–2014 гг.

L.V. Vardomsky, A.G. Pylin. Common Neighborhood States of the EU and Russia: The Geography of External Trade Ties, 2000–2014

Ключевые слова: ЕС и Россия в XXI в., страны общего соседства, геоэкономическая ситуация, внешнеторговые связи, европейская интеграция, евроазиатская интеграция.

Keywords: EU and Russia in the 21st century, common neighborhood countries, geoeconomic situation, external trade ties, European integration, Eurasian integration.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Асимметричная взаимозависимость позволяет «большим» соседям оказывать через введение торговых ограничений (преференций) экономическое давление с целью добиться лояльной к ним политики. РФ прибегала к этим мерам заметно чаще, чем ЕС. Тем не менее за последние 10–15 лет происходило сокращение торговой связанности экономик России и стран ОС. Это снижение выглядит как устойчивая тенденция, отражающая продолжающийся процесс ослабления экономических позиций России в этих странах.

Asymmetric interdependence allows «big neighbors» to exert economic pressure (through trade restrictions or preferences) to ensure «small neighbors» political loyalty. The Russian Federation has employed this pressure notably more often than the EU. Nevertheless, in the past 10–15 years the trade connections between Russia and the common neighborhood countries have lowered showing a steady tendency that reflects the ongoing process of weakening Russia's positions in these countries.

Н.И. Бубнова. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: Новые ипостаси холодной войны

N.I. Bubnova. The Russian-American Relations in the Context of the Ukrainian Crisis: New Permutations of the Cold War

Ключевые слова: российско-американские отношения, украинский кризис, холодная война, присоединение Крыма, санкции, информационная война, Минские соглашения.

Keywords: Russia-U.S. relations, Ukrainian crisis, Cold War, Crimea, sanctions, information war, Minsk Agreements.

Обострение отношений России со странами Запада, как и во времена холодной войны, проходит по всем направлениям: политическому, экономическому, информационному. Урегулирование на Украине, без которого не будет преодолено противостояние с Западом, должно основываться на неукоснительном выполнении Минских соглашений, прекращении военных действий на Юго-Востоке Украины, гарантии территориальной целостности и внеблокового статуса Украины.

The exacerbation of tensions between Russia and the West resembles the Cold War period in that it encompasses all spheres: politics, economy, and information. The settlement of the Ukrainian crisis must be based on rigorous implementation

of the Minsk agreements, discontinuation of military activities in Eastern Ukraine, and guarantees of the country's territorial integrity and non-aligned status.

И.Г. Михайлова. К вопросу о социокультурной динамике российской государственности

I.G. Mikaylova. On the Problem of the Socio-Cultural Dynamics of the Russian Statehood

Ключевые слова: социальное государство, социокультурная динамика, российская государственность, история России, национальная идентичность.

Keywords: social state, sociocultural dynamics, Russian statehood, Russian history, Russian history, national identity.

Прослеживаемые тенденции пятой модели российской государственности к выбору альтернативного пути самовоспроизводства посредством подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, с одной стороны, и синтеза его авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих – с другой, подтверждают свою несостоятельность в условиях постоянно углубляющегося раскола большого общества (уроки третьей, самодержавной российской государственности).

The basic trends of the fifth model of the Russian statehood are seen in the choice of an alternate path of self-reproduction through suppressing the liberal-legal component of the authoritarian/liberal ideal, on the one hand, and the synthesis of its authoritarian-autocratic and liberal-legal components, on the other hand, reflect their inconsistency in the conditions of permanently deepening rift of the big society (lessons of the third, autocratic Russian statehood).

Е.Я. Виттенберг. Российская власть: Проблема социальной ответственности в исторической ретроспективе

Ye.Ya. Vittenberg. The Russian Rulers: The Problem of Social Responsibility in a Historical Retrospective

Ключевые слова: Российская власть, самодержавие, советская власть, постсоветская власть, российское государство и общество, социальная ответственность.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Keywords: Russian power holders, autocracy, soviet power, post-soviet power, Russian state and society, social responsibility.

Специфика российской власти заключалась в том, что большинство модернизаторских проектов в ней осуществлялось с гигантскими затратами человеческих и материальных ресурсов, многие из которых были неоправданными. Большое по численности население и природные богатства страны стали одной из причин того, что в России не берегли и расточительно расходовали как человеческие жизни, так и материальные богатства. «Государство крепло, народ хирел» – этот тезис Ключевского характеризует социальную политику власти на протяжении столетий.

One of the specific features of the Russian power holding mode was that most modernizing projects were implemented with huge human and material expenses, many of them vain. Numerically great population and rich natural resources were the reasons why the Russian rulers have not cared for both human lives and material wealth. «The state got mighty, the people got downgraded» – this thesis by V. Klyuchevsky sheds light on the social politics of the Russian power holders throughout centuries.

И.Н. Буздалов. Аграрная политика: Научные основы и «особый российский путь» ее осуществления

I.N. Buzdalov. Agrarian Politics: Scientific Grounds and the «Authentic Russian Path» of Its Implementation

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., крестьянство, сельское хозяйство, крестьянский вопрос, аграрная политика на протяжении истории, аграрная политика сегодня.

Keywords: Russia, early 21st century, peasantry, agriculture, peasant question, agrarian policy in Russian history, agrarian policy today.

Глубокий затяжной характер аграрного кризиса тормозит весь процесс социально-экономического развития. Негативные последствия фискальных акций и непродуманных управленческих решений по сельскому хозяйству усиливают проявления этого системного кризиса. Отсюда альтернатива: или извлечь уроки и опираясь на проверенные в мире базовые положения аграрной теории радикально изменить аграрную политику, придать ей необходимую протекционистскую направленность, или продолжать безоглядно

невыпадет экспериментировать, надеясь, что все провалы можно будет опять списать на «погрешности» особого российского пути.

The deep and continuous agrarian crisis stampedes the whole process of Russia's social and economic development. Negative consequences of the fiscal actions and hasty management decisions in agriculture aggravate this system crisis. Hence the alternative: either draw the lessons to change the agrarian policy starting from world approbated basic positions of agrarian theory and directing it along necessary protectionist guidelines or continue careless experimenting in the hope that all flaws could be excused by the «sins» of the specific Russian path.

В.В. Пациорковский. Новые технологии в модернизации российских домохозяйств

V.V. Patsiorkovsky. New Technologies in the Russian Household Modernization

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., развитие села, малые города, внутренняя миграция, сельское хозяйство, домохозяйства, демографические тенденции, демографическая политика.

Keywords: Russia in the 21st century, rural development, small towns, inner migration, agriculture, rural households, demographic trends, demographic policy.

Фиксируя факт миграции населения из малых в крупные города, эксперты упускают из виду, что сокращение населения малых городов связано с прекращением притока в них сельского населения. Основным ориентиром постиндустриального развития должна стать диверсификация и модернизация производства, инженерной и социальной инфраструктуры малых городов и сельской местности.

Highlighting the fact of migration from small towns to big cities the expert community ignores that the population reduction in small towns is connected with the cease of in floods from the country. To improve the situation the basic guideline of post-industrial development must become the diversification and modernization of production, engineering and social infrastructure of small towns and countryside.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурирует этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о... // Сборник статей... / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

***Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления
научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!***

**ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ**

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 2–2015 (87)

Верстка Н. М. В л а с о в а

Корректор

О. П. Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 24.06.2015 г.

Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 20,1 Уч.-изд. л. 15,0

Тираж 900 экз. Заказ № 59

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9